

ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
«Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящих в ней утешение и подпору...»
П. Чайковский

ДРУЖБА, ПРОВЕРЕННАЯ ВРЕМЕНЕМ

19 апреля в Большом Кремлевском дворце прозвучали гимны Монгольской Народной Республики и Советского Союза. Здесь состоялся митинг советско-монгольской дружбы.

Участники митинга горячо приветствовали монгольских гостей во главе с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР Ю. Цеденбалом, товарищей Л. И. Брежнева, А. Н. Кось:гина, А. И. Микояна и других.

От имени Центрального Комитета КПСС, Советского правительства и всего советского народа партийно-правительственную делегацию МНР приветствовал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Он отметил в своей речи, что «наши отношения с Монгольской Народной Республикой развиваются успешно и плодотворно. Они представляют собой достойный пример подлинно добрососедских отношений между государствами, образец товарищеского взаимопонимания».

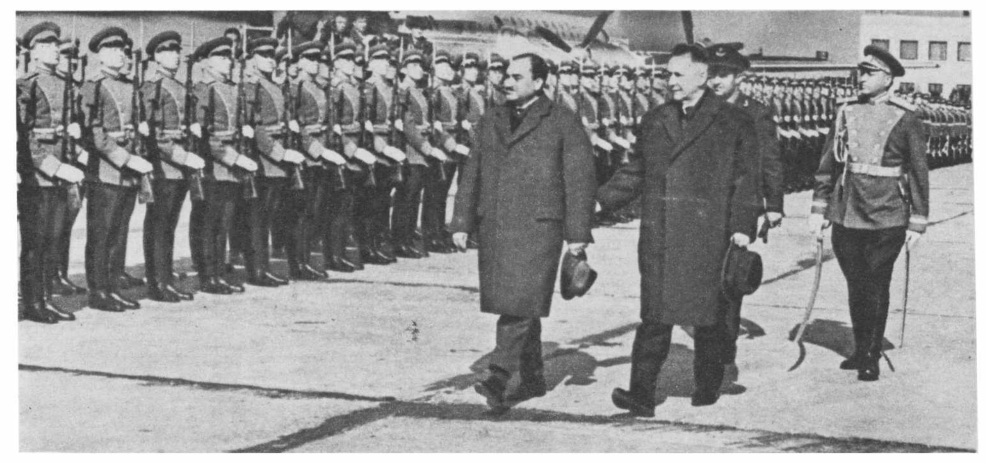
С речью на митинге выступил товарищ Ю. Цеденбал.

В этот же день в Кремле были подписаны советско-монгольское коммюнике о пребывании партийно-правительственной делегации Монгольской Народной Республики в Советском Союзе и соглашение между правительствами СССР и МНР об экономическом и техническом сотрудничестве в 1966—1970 годах.

Митинг дружбы в Кремле.

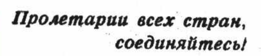
Фото А. Гостева.

По приглашению Советского правительства в нашу страну прибыл глава королевского правительства дружественного Афганистана доктор Мухаммед Юсуф.

На снимке: Премьер-Министр Афганистана доктор Мухаммед Юсуф и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин обходят строй почетного караула на Внуковском аэродроме столицы.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

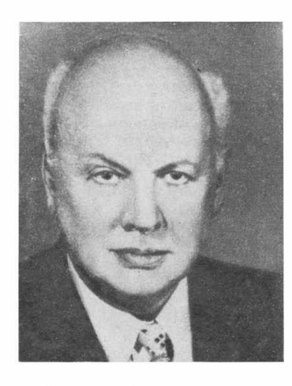
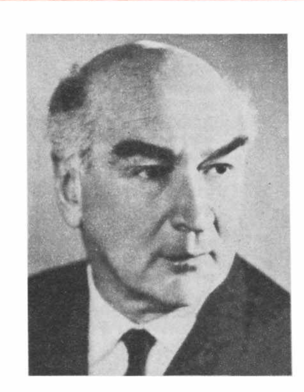
43-й год издания

№ 17 (1974)

25 АПРЕЛЯ 1965

Чайковский... Германия, 1945 год. Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

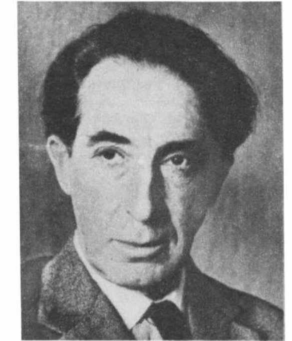
ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ 1965 ГОДА ЗА НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИЕСЯ ДОСТИЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА И ЖУРНАЛИСТИКИ

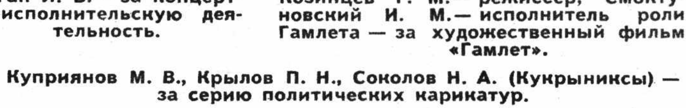
Завадский Ю. А.— режиссер, Мордвинов Н. Д.— исполнитель роли Арбенина — за спектакль «Маскарад» в Академическом театре имени Моссовета.

Коган Л. Б.— за концертно-исполнительскую деятельность.

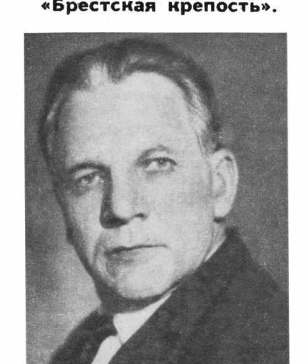

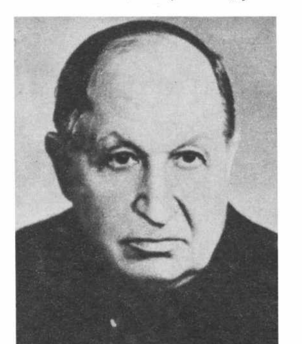
Козинцев Г. М.— режиссер, Смоктуновский И. М.— исполнитель роли Гамлета — за художественный фильм «Гамлет».

Смирнов С. С.— за книгу «Брестская крепость».

Куприянов М. В., Крылов П. Н., Соколов Н. А. (Кукрыниксы) — за серию политических карикатур.

«Народы мира с гневом и возмущением протестуют против злодеяний, творимых агрессорами на вьетнамской земле, они никогда не простят и не забудут этих преступлений империализма»,— говорится в Совместном советско-вьетнамском коммюнике. В нем отражены итоги обмена мнениями о положении в районе Индокитая, состоявшегося во время пребывания в Москве партийно-правительственной делегации ДРВ во главе с Первым секретарем ЦК Партии трудящихся Вьетнама товарищем Ле Зуаном.

Советские люди солидарны с борющимся Вьетнамом. «Если агрессия США против Демократической Республики Вьетнам будет усиливаться, Советское правительство в необходимом случае, при обращении Правительства ДРВ, даст согласие на выезд во Вьетнам советских граждан, которые... выразили желание сражаться за справедливое дело вьетнамского народа»,— сказано в Совместном советско-вьетнамском коммюнике. В нем также говорится, что вьетнамский народ высоко ценит поддержку советского народа.

НА СНИМКЕ: Партийно-правительственная делегация Демократической Республики Вьетнам, возглавляемая Первым секретарем Центрального Комитета Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуаном, у Мавзолея В. И. Ленина.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

Советский Союз посетила миссия доброй воли Уганды во главе с министром общественных работ В. В. Калема. В Москве, Ленинграде, Ташкенте посланцам Уганды был оказан радушный прием.

Члены миссии имели встречи и беседы с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и другими советскими официальными лицами. Советская и угандийская стороны выразили твердую уверенность в том, что визит миссии доброй воли Уганды в СССР явился важным вкладом в дело дальнейшего развития и укрепления дружественных отношений между Советским Союзом и Угандой.

На снимке: миссия доброй воли Уганды во время осмотра Кремля.

Фото В. Мусаэльяна.

ПРЕДВЕСТНИКИ ДОБРЫХ ОТНОШЕНИЙ

У делегации молодежи из Республики Конго (Браззавиль), которая гостила в нашей стране, было мало времени. А дел было очень много: поездки, беседы, встречи. И среди самых интересных была встреча с космонавтом Юрием Алексеевичем Гагариным. Когда на пресс-конференции мы задали главе делегации, президенту ЖМНР («Молодежь национального революционного движения»), министру внутренних дел республики Андре Омбесса вопрос о его впечатлениях об этой встрече, он сказал:

— Все советские космонавты пользуются любовью и беспре-

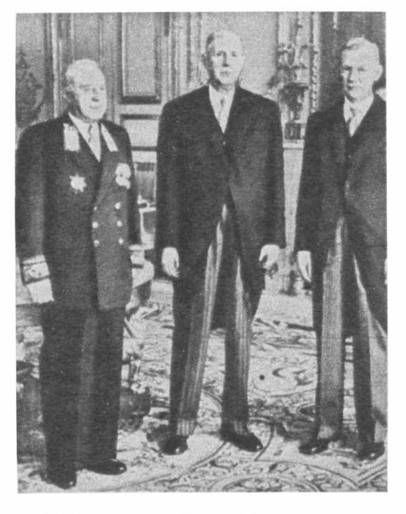

Эти снимки сделаны фоторепортером агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл в Да-Нанге, в Южном Вьетнаме. То, что здесь происходит, имеет короткое и точное название — ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Американские войска высаживаются на южновьетнамскую землю, чтобы кровью и смертью утвердить здесь власть доллара. Откровенная, грубая агрессия, не имеющая никаких оправданий. Империализм США предстал перед народами мира во всем своем отвратительном и зловещем облике. Готовятся новые далеко идущие провокации против Демократической Республики Вьетнам. В Вашингтоне, должно быть, забыли, что времена канонерок, времена безнаказанных расправ с народами Азии, Африки, Латинской Америки навсегда ушли в прошлое. Вьетнамский народ имеет надежных, истинных друзей, которые не оставят его в беде.

В Париже, в Елисейском дворце, Чрезвычайный и Полномочный посол Советского Союза во Франции В. А. Зорин вручил свои верительные грамоты президенту де Голлю. На снимке справа — министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль.

дельным восхищением Африки. И мне трудно найти слова, чтобы выразить наше удовольствие от знакомства с самым первым из них.

Молодые конголезцы приезжали в нашу страну, чтобы поближе познакомиться с жизнью советской молодежи, обменяться мнениями о роли молодежи в современной жизни.

— В прошлом,—сказал Андре Омбесса,— наша страна не могла поддерживать отношения с вашей страной. Преградой между нами был колониализм. Но теперь наша страна свободна. она встала на путь социализма. Когда мы заявили об этом во всеуслышание, империалисты стали организовывать против нас заговоры.

Андре Омбесса рассказал, как «бригады бдительности», состоящие из молодежи, помогают укреплению обороны страны, поддержанию общественного порядка, как они работают для повышения сознательности народа. Он сказал также:

— Наш визит — это выражение нашего стремления, чтобы молодежь всего мира совместно вела борьбу за лучшее будущее, против колониализма. Мы благодарны советской молодежи за ее вклад в эту борьбу. Мы за солидарность в нашем общем деле. Наша делегация была одной из первых в вашей стране. Мы уверены, что она предвестник новых добрых отношений между нами.

А. СЕРИКОВ

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов и заместитель председателя КМО СССР В. Б. Ломейко беседуют с главой делегации ЖМНР, министром внутренних дел Республики Конго (Браззавиль) Андре Омбесса.

Фото Н. Рясина.

Маски сброшены. Лидеры ку-клукс-клана больше не прячут лиц под капюшонами. Да и зачем? На сборище в Моргантоне, штат Северная Каролина, «имперский маг» Роберт Шелтон (вы его видите на переднем плане, в «цивильном облачении») требовал, чтобы президент Джонсон обсудил с ним актуальные проблемы внутренней и международной жизни. Мракобесы рвутся в большую политику, они требуют власти, безнаказанности для расистов. Видимо, агрессия во Вьетнаме вдохновляет американскую реакцию на активизацию своей деятельности...

ПОСЫЛКА ИЗ ПРИОЗЕРСКА

НАШ КОНКУРС

Уважаемые товарищи!

Я, Славинский Александр Леонидович, 1916 года рождения, живу и работаю в городе Приозерске на целлюлозном комбинате. По профессии электросварщик.

В 1955 году начал собирать коллекцию спичечных этикеток. Вторым в СССР стал членом английского клуба филуменистов (сейчас я член 8 международных клубов), и первый, с кем я начал вести обмен, был чех Лубир Колар из города Пардубице. Мы с ним стали большими друзьями. Он оказался не только хорошим коллекционером, но и добрым, отзывчивым человеком.

У него тяжело заболела мать. Он об этом мне написал и спросил, не смогу ли я как-нибудь ему помочь. Все дело в том, что лекарства, нужного для матери, в Чехословакии нет, а есть в Бельгии.

И вот я решил ему помочь. У меня в коллекции были очень ценные спичечные этикетки, выпущенные во время войны в осажденном Ленинграде. Выпускались они во время блокады. Довольно много у меня их было. Я их все собрал и отослал Лубиру. Он, в свою очередь, послал их в Бельгию, в клуб коллекционеров. Там они были проданы. На вырученные деньги куплено лекарство и переслано в Чехословакию.

Через некоторое время я получил письмо: «Дорогой мой друг! Большое тебе спасибо! Ты спас мою мать».

Вот и все. Я вам привел один факт из жизни. Если это вам надо, используйте, пожалуйста, сами. Как видите, рассказа у меня не получилось...

С уважением

Александр СЛАВИНСКИЙ

г. Приозерск,
Ленинградской обл.

ПОРТРЕТЫ МОИХ ДРУЗЕЙ

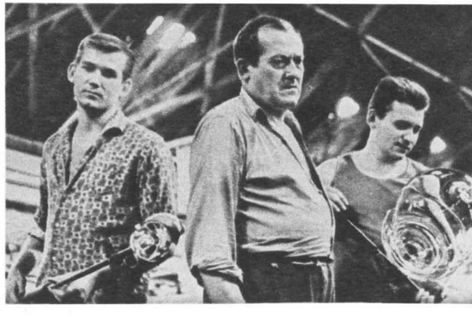
Мне посчастливилось трижды за последние три года побывать на чудесной чехословацкой земле. Я снимал в Праге и Брно, Братиславе и Пльзене, Годенине и Карловых Варах, Лидице и Кутной Горе. Встречался с людьми разных возрастов и разных профессий, начиная с милой словацкой школьницы, родившейся на берегах голубого Дуная в Братиславе, и кончая моими коллегами — чехословацкими фотожурналистами.

Вот несколько фотографий, сделанных в Чехословакии.

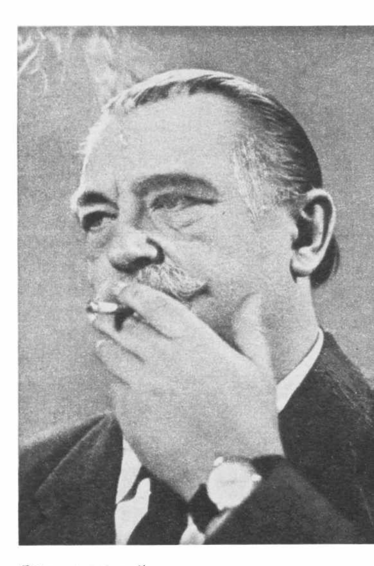
Яков ХАЛИП

Девочка из Братиславы

Семейство Димо — волшебники стекла: Йожеф-старший, Йожеф-младший и Юлиус.

Знаменитый режиссер-кукольник Иржи Трнка.

ЗЕМЛЯ ВОЛГИ И КАМЕНЬ ХИБИН

Это, конечно, случайность, что в тот день, когда нам доставили «Огонек», в котором объявлялось о конкурсе, здесь, в далеком Заполярье, меня разыскал какой-то человек и, переспросив фамилию, передал маленькую коробочку. Он объяснил, что недавно был в Чехословакии и там в одном из городов к нему подошли двое и, узнав, что в составе делегации есть и житель Крайнего Севера, просили его передать привет и маленький подарок «хорошему русскому другу». На коробочке было написано: «Привет из ЧССР».

Товарищ долго извинялся за некоторую задержку в доставке, а я смотрел на сувенир, на эту надпись и мысленно был за многие тысячи километров от Хибин, там, за Карпатами, у друзей...

...Два года назад с группой ленинградских студентов-медиков мне посчастливилось побывать в Чехословакии.

Прага, Карловы Вары, Градец-Кралове... Все это, конечно, великолепно, но меня больше всего поразила не красота Праги, не гейзеры всемирно известного курорта, а та необычная теплота и сердечность, с которой встречали нас повсюду в этой стране. С утра до поздней ночи нас окружали люди, готовые сделать все «для русского друга».

Признаюсь, вначале я даже думал, что меня, всех нас принимают за кого-то другого, и пытался выяснить это у чехословацких товарищей. Нет, ошибки не было. Нас принимали именно за тех, кем мы были,— за старых друзей, с которыми много пережито, нас принимали за представителей страны, с которой вместе стояли насмерть против фашистов, с которой делились хлебом в тяжелые годы, с которой сидели за одним праздничным столом в светлые дни.

Мой отец погиб двадцать лет назад, освобождая Прагу, и я давно мечтал побывать в этом городе, в стране, за которую отдали жизнь тысячи отцов и братьев. И когда я видел в Праге, Градце-Кралове, в других городах у гусениц танка-освободителя букеты цветов, когда на фасадах домов я находил памятные мемориальные доски с обязательным венком из цветов и надписью, гласящей, что здесь погиб русский солдат, освобождая наш город, я горд был за отца своего, за своих соотечественников, благодарен чехам за память о них и счастлив тем, что дружба наша не померкла с годами.

Мы много встречались с простыми, но в то же время необыкновенными людьми, мы много говорили, стремясь еще лучше понять друг друга, еще больше знать друг о друге, и, расставаясь, говорили: «Навеки вместе!»

Не скрою, мое самое большое желание — вновь когда-нибудь побывать в Чехословакии, вновь увидеть друзей своих. Правда, с большинством из них я часто «встречаюсь», когда вновь и вновь демонстрирую своим товарищам небольшой фильм, сделанный за время поездки по Чехословакии.

Но разве это заменит встречу? Разве можно назвать имена всех тех, кто стал для меня братьями?! Для этого я должен был бы перечислить имена 14 миллионов человек, населяющих эту чудесную страну.

Я не знаю, кто из них прислал мне свой подарок. На коробочке не было обратного адреса. И потому, воспользовавшись тем, что в редакции «Огонька» будут друзья из ЧССР, я хотел бы подарить им свой сувенир. Я видел в Праге горсть земли, которую с боями пронесли наши солдаты с берегов Волги. Это священная земля, израненная снарядами и политая кровью.

Земля, которую мне хотелось бы подарить своим чешским друзьям,—самая мирная. Это апатит, камень плодородия, который добываем мы здесь, на краю земли, из недр Хибинских гор.

Он несет изобилие, он несет счастье людям, он несет М И Р!

Валентин МИНИН

Мурманская область,
поселок Молодежный.

ОТГОНИ ОТ СЕБЯ БОЛЬ И СОСТРАД

Михаил **АЛЕКСЕЕВ**

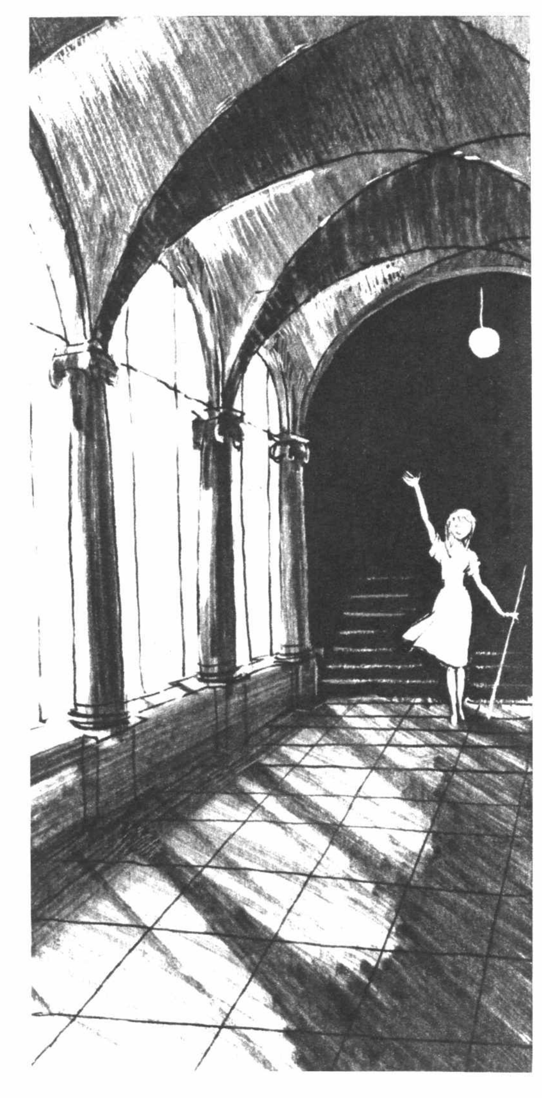
Путевые новеллы

На первой странице моего объемистого блокнота, предназначенного для чехословацких заметок, написано: «По возможности побывать в городах Микулов, Косова Гора, Лученец, Нитра, в селах Камендин и Модры Камень — отыскать могилу Воронцова и Ходжаева».

Так написано. Ну, а ежели говорить начистоту, я, в сущности, тут определил главную цель моего путешествия в Чехословакию. Любезное приглашение побывать в гостях у сотрудников журнала «Кветы» оказалось великолепным для того поводом. Некогда пройдя дорогою войны и, по счастью, оставшись живым и невредимым, ты непременно захочешь пройти по той же дороге и в дни мира. Желание это посетит тебя тотчас же после долгожданной победы и не покинет до конца дней твоих. Оно может исполниться и не исполниться, но надеяться на такое путешествие, с нетерпением великим ждать его изо дня в день, из года в год ты будешь всю жизнь.

Ждал и я. Ждал очень долго — без малого два десятка лет.

Мои гостеприимные хозяева быстро внесли необходимые поправки в первоначальный маршрут, так что я смог побывать почти во всех городах и селениях, помянутых мною выше. Скажу наперед, что побывал я и во многих других местах этой милой, славной страны и в свое время более подробно расскажу о своих впечатлениях. Сейчас же речь пойдет лишь о нескольких эпизодах, так или иначе связанных с окончившейся двадцать лет назад войной.

МИКУЛОВ

«Старинный город стоит почти на самой границе Чехословакии с Австрией. Древний за́мок возвышается над ним, бросая на землю, на деревья мрачные зубчатые тени. Ветер жутко свистит в бойницах его башен.

Перебив ночью сонных немецких патрулей, наши солдаты пробрались в замок. Теперь ребята осматривали это сооружение.

В зале, где в давние времена один завоеватель подписывал акт о капитуляции своего противника, бойцы задержались.

— А капитуляция была безоговорочной?—полюбопытствовал Ванин, обращаясь к Акиму.

— Тогда, кажется, и слова такого не было,— ответил Аким.

Между тем Ванин развалился на железной ржавой кровати, на которой, как свидетельствует мемориальная дощечка, почивал завоеватель, и с подчеркнутой развязностью задымил сигаретой.

— Аким, я похож на Бонапарта?— спросил он.

Аким промолчал. Он вспомнил про Наташу и загрустил...

Ванин, очевидно, поняв состояние друга, оставил его в покое, обратился к Никите, перечитывавшему уже, кажется, в десятый раз письмо отца. Толстые губы Пилюгина шевелились. На обожженном ветром лице солдата была скупая, робкая улыбка.

— Никита, удели мне внимание, оставь письмо-то.

— Что?— не понял Никита и заморгал глазами.

— Похож я на Наполеона, как ты думаешь?

— Хорошо, что непохож...

Из города поднялся в замок Пинчук. Он забрался на башню и водрузил там свой неизменный флаг, уже порванный в нескольких местах и полинявший.

— Хай усе бачуть, що мы идэмо!

Семен присел, разулся и, свесив ноги, стал нежно гладить их руками.

— Ну ж и потопали вы, друзья мои самоходные! Нет на вас ни одного нетронутого местечка. Ничего!.. Коли надо будет, еще столько прошагаем!.. Куда хочешь, дотопаем, хоть на край света!— Зеленые глаза его вдруг потеплели, голос дрогнул.— Дойдем!»

Так писал я о взятии микуловского замка в одной из своих военных книг. Мне и самому довелось вместе с разведчиками нашей дивизии вступать в него не то апрельской, не то майской ночью 1945 года. А перед тем замок этот, который был одновременно и крепостью, несколько раз штурмовал один из наших батальонов, но безуспешно. Многие советские солдаты пали на его подступах, у самых его древних стен. Пали всего лишь за несколько дней до Победы...

И вот спустя двадцать лет вместе с сотрудницей чехословацкого журнала «Кветы» Любишей Секеровой я вновь подымаюсь по узкой каменной лестнице в за́мок. Два десятка лет не прибавили ему старости. Замок словно бы помолодел. Разрушенные и полуразрушенные стены и башни его восстановлены, заново оштукатурены и даже побелены. Отовсюду слышатся девичьи голоса: тут теперь какая-то женская не то школа, не то мастерская. По длинному гулкому коридору бежала светловолосая и светлоглазая девчушка лет этак семнадцати. Моя спутница остановила ее и попросила провести нас по замку. Та охотно согласилась. Когда осмотр был окончен, девушка подвела нас к какой-то большой схеме, висевшей во всю стену, от пола до потолка. Отлучившись на минуту, она принесла лесенку и длинную указку, похожую на бильярдный кий.

— Это мы сами нарисовали,— не без гордости сообщила девушка.

Оказалось, что тут был изображен момент взятия замка советскими бойцами. Мы молчали, а наш юный стратег, как заправский начальник оперативного отдела в штабе какого-нибудь воинского соединения, с редкостным знанием предмета и тогдашней обстановки начала во всех подробностях рассказывать нам о событии двадцатилетней давности. Вот отсюда, говорила девушка, советские солдаты пошли на первый штурм. Отсюда стреляли немецкие пулеметчики и артиллеристы. А вот по этим лестницам ночью пробрались русские разведчики... От возбуждения она раскраснелась, светлые волосы растрепались, рассыпались по ее лицу, она то и дело отбрасывала их маленькой рукой и все говорила и говорила о том, как взята была крепость...

Мы поблагодарили и распрощались. Я уже направился к выходу, а Любиша Секерова немного задержалась. Оглянувшись, я увидел, что они о чем-то шепчутся. А в следующее мгновение девушка, красная от смущения, со счастливыми слезинками на светлых ресницах, стремительно подбежала ко мне, чмокнула в щеку и с такою же стремительностью побежала прочь от меня по длинному коридору, оглашая его своим звонким голосом.

Она только сейчас поняла, что рассказывала о подробностях боя одному из его участников. Глядя на ее маленькую, быстро удаляющуюся фигурку, я подумал в ту минуту: «Если б не было у меня на земле других волнующих встреч, то ради одной этой стоило бы приехать в страну, навеки ставшую родной и близкой».

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

АНИЕ

КАМЕНДИН—КАМЕНИН

Может быть, более всего мне хотелось побывать в этом селе. Часами мы склонялись над картой Чехословакии, отыскивая его. Я говорю «Камендин», а мои хозяева решительно утверждают, что нет такого в их стране. Я называю реку Грон, к которой прижалось памятное многим моим однополчанам селение, шарю пальцем по тонкой синей линии, но Камендина не нахожу, и на меня уже смотрят недоверчиво: не перепутал ли? Но погодите ж, а это что, Каменин? Это же словацкое название Камендина! Мы радостно хохочем, а уже через час, в дороге, в сердце моем сызнова поселяется тревога: а вдруг не то? От Братиславы до Каменина сотни верст — не ближний свет.

О сомнениях своих, однако, помалкиваю: что будет, то и будет.

Но вот еще издали узнаю очертания большого села, острой занозой засевшего в памяти моих фронтовых побратимов — тех, разумеется, кто остался живым после трагедии, разыгравшейся в районе доселе неведомого нам населенного пункта. Здесь именно сложили свои головы командир моего полка полковник Ходжаев, замполит подполковник Воронцов и тысячи других солдат и офицеров нашей дивизии; многие дошли сюда из-под самого Сталинграда, многим было присвоено звание Героя Советского Союза за Сталинград, за Курскую дугу, за Днепр, за Днестр, за Прут, за Тиссу, но никому за Грон, хотя после Волги и Днепра тут были, пожалуй, самые тяжкие для дивизии бои.

72-я гвардейская дивизия форсировала Грон с ходу, заняла село Камендин и в пяти-шести километрах за ним заняла оборону. Было это в конце декабря 1944 года, а в конце января 1945-го гитлеровцы, стремясь спасти Будапешт, обрушили на нас огромные бронетанковые силы. Две недели шли кровопролитнейшие бои, такие, каких уже давно не видывали гвардейцы. Может быть, их осталось бы в живых побольше, отойди они во время боев за Грон на исходные свои рубежи. Но к тому времени гвардейцы уже отвыкли отступать... Их окопы, артиллерийские и минометные позиции, пулеметные ячейки, воронки от бомб и снарядов оказались для них одновременно и крепостью и могилой.

Двадцать лет минуло, а стены многих домов, точно оспой, исковырены осколками. Ищу дом, где помещался наш штаб. Вот и примета — церковь, против которой стоял тот дом, точно против церкви. Примеряюсь, оглядываюсь — пусто против церкви.

— Сгорел,— подсказывает кто-то по-русски. Вздрагиваю от знакомого голоса.

— Мартин, ты?

— Я, товарищ капытен!

Он стоит рядом со мной и плачет. Я еще креплюсь, а щеки ходят ходуном, что-то заслонило дыхание. Вот он, наш милый Мартин, наш толмач, наш переводчик, певавший вместе с нами под аккомпанемент орудийного грома: «Броня крепка, и танки наши быстры».

Я и теперь не знаю, где, когда и при каких обстоятельствах Мартин Рак, в ту пору молодой солдат, по доброй воле своей оставивший службу в хортистской армии, обучился знанию русского языка, но это был единственный житель Каменина, который помогал нам в общении с местным населением. Сейчас он член кооператива, немного постарел, но глаза его не утратили прежней живости.

Не улеглось еще наше волнение, как Мартин, а вслед за ним Янкуш Радован (во время боев ему было 17 лет), по должности нечто вроде председателя сельского Совета, высыпали на мою голову кучу цифр, будто бы я для того только и приехал, чтобы узнать, что в Каменине нынче проживает 1 900 человек, что кооператив создан в 1958 году и что в кооперативе этом 1 700 гектаров пахотной земли, что в 1961 году построили школу-девятилетку на 500 учеников, а также хлебопекарню и 150 новых жилых домов, что в кооперативе теперь на фермах 1200 свиней и 690 голов рогатого скота, а после войны, точнее, в сорок пятом году, оставалось всего-навсего 5 коров. А потом столовая для престарелых, опять же детский сад...

Не за цифрами я ехал. Это правда. Но отчего же и они так волнуют? Ответ я нашел немного позже, в Братиславе, в словах, высеченных на граните памятника павшим советским воинам:

«Ты, который приходишь сюда, отгони от себя боль и сострадание; пусть капли слез твоих не стучат о могилу. За гордость человека, за счастье людей живущих, за твое ясное лицо мы приняли смерть».

Потом мы поехали за Грон, на высокую гору, отсюда далеко видны поля, которые когда-то были одним сплошным полем кровавой сечи. Расположились на самом лобном месте; из бункеров, служивших нам в ту далекую пору блиндажами, старики принесли густое вино цвета крови — той самой крови, которой так щедро была покроплена земля, где теперь раскинулись виноградники. С горы я показал дерево над самой рекой, возле которого когда-то вошел в ледяную воду, чтобы переправиться на другой берег.

Мартин поправил меня:

— Не у этого, а вон у того дерева вы переправлялись.

Я вспомнил, что первым человеком, которого я встретил в Каменине, был и тогда не кто иной, как Мартин.

Благословенна память друга!

КОСОВА ГОРА

Не знаю почему, но именно я повысил в звании это крохотное селеньице, окрестив его городом. На решительное заявление Иржи Лукаша, Любиши Секеровой и других сотрудников журнала «Кветы», что в Чехословакии нет и никогда не было такого города, я с не меньшей решительностью стоял на своем: есть! В доказательство приводил тот несомненный факт, что не только сам участвовал в освобождении этого города, но и встретил в нем 9 мая—первый день Победы. Мы сменили много карт, отыскивая мой город, и только на одной из них в районе Прибрам обнаружили точечку, столь крошечную по величине, что простым глазом ее не вдруг и увидишь — надобно было вооружаться увеличительным стеклом. И вот рядом с этой-то точечкой такими же малюсенькими буковками было начертано: Косова Гора.

Это совсем недалеко от Праги. Меньше часа езды на автомобиле. Въехали сразу на площадь, которая в сорок пятом казалась мне чрезвычайно просторной, а сейчас до того малой, что и площадью-то ее нельзя назвать без риска погрешить против истины. По форме она все та же, только появились высокие деревья, которых прежде не было,— выросли за минувшие двадцать лет.

И опять встречи. Вот Милош Блажен, школьный учитель, в доме которого 9 мая 1945 года мы остановились на постой; вот учительница Блажена Весела, за двадцать лет она постарела, стала совсем-совсем седой, а глаза молодые, счастливые, они блестят так же, как тогда, в те далекие дни, когда по вечерам она читала нам по-русски стихи Владимира Маяковского; а вот и дом с высоким забором, мимо которого каждое утро я шел на службу.

Меня, кажется, и тут узнали. Старушка подходит вплотную и, показывая мне на высокий забор у своего подворья, о чем-то хочет спросить. Я долго не могу понять, о чем она. Наконец переводчик помогает. Старушка спрашивает, помню ли я ее петуха, который каждое утро взлетал на забор и, встряхивая крыльями, горланил на всю Косову Гору.

Я вспомнил. Это был петух-красавец. Черный, обсыпанный серебром и златом, огромный, он всякий раз вызывал мое восхищение. Я останавливался у забора и долго любовался этим добрым молодцем. Хозяйка — она не была тогда еще старухой — видела это и радовалась за своего петуха.

Тогда мне не приходило в голову, отчего это я так любуюсь, в сущности-то, обыкновенным петухом. Вот теперь только, кажется, можно найти тому объяснение. Вероятно, на протяжении всей долгой войны можно было бы не раз услышать пение петухов, но почему-то и сейчас не могу вспомнить, что я когда-нибудь обращал на это внимание. Петуха в Косовой Горе я услышал в первый день мира, и это радостно поразило меня, как и всё, что нас тогда окружало.

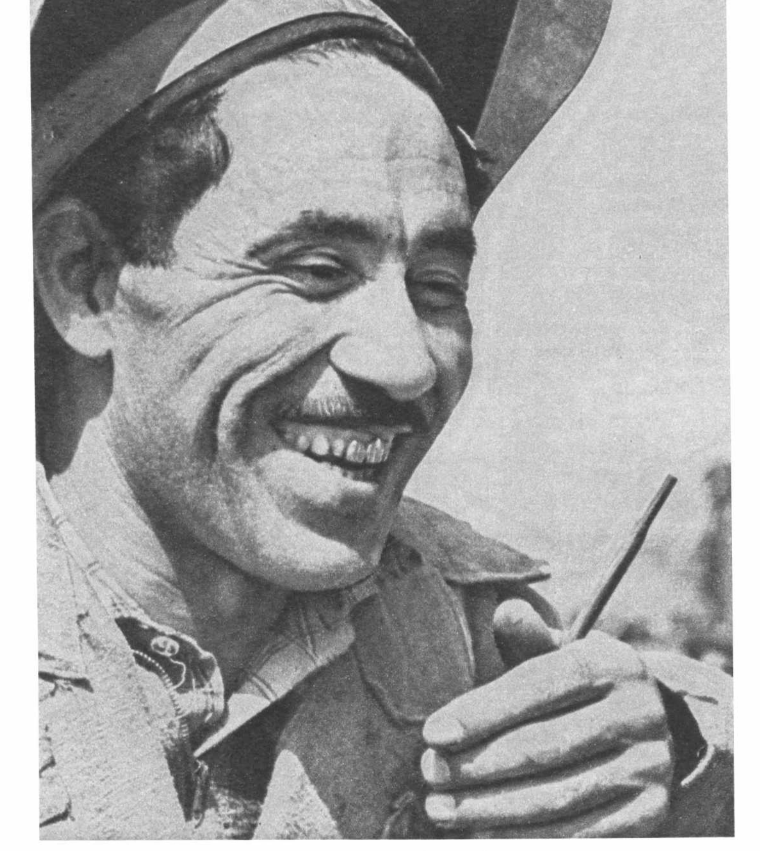
Не потому ли и крохотная деревушка по имени Косова Гора показалась мне в ту пору большим городом: в счастье человек склонен к преувеличениям, как, впрочем, и в горе своем.

Но то было преувеличение от огромного счастья.

До свидания, Косова Гора, мы еще с тобой увидимся непременно.

До свидания, милая страна, в которой двадцать лет назад я был на двадцать лет моложе...

До свидания...

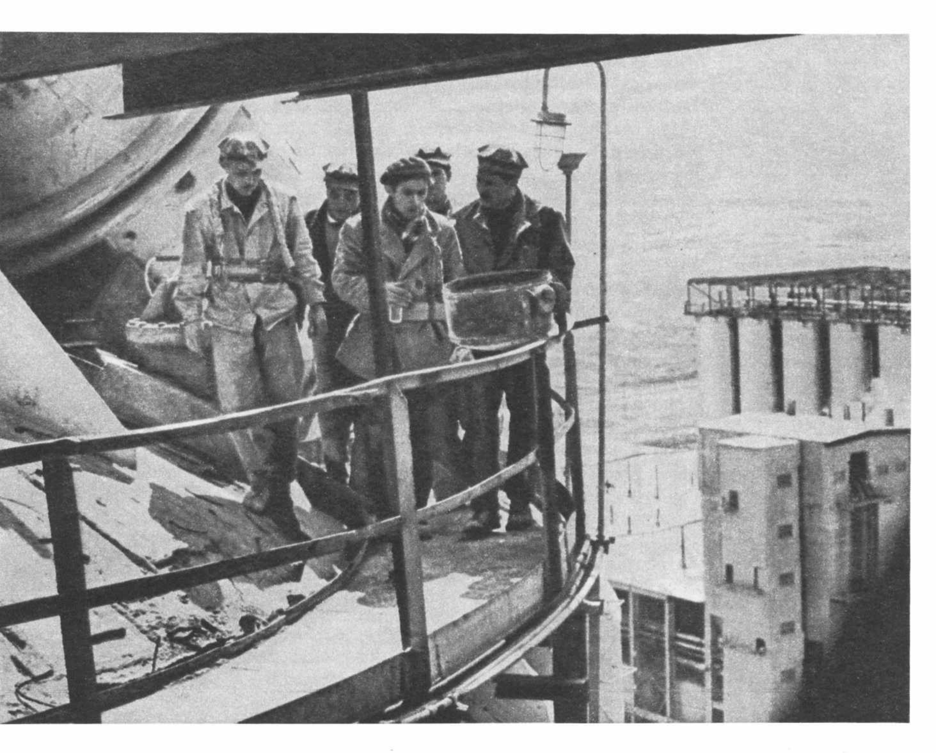
Газосварщик Айдин Мамедов — строитель КИРАЗа.

К 45-ЛЕТИЮ
УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

МОЛОДОСТЬ ГЯНДЖИ

Столько раз ее восстанавливали, переносили, столько раз меняли ее центры... Сейчас трудно сказать, где же все-таки была самая древняя Гянджа. Может быть, она шумела возле нынешнего Мингечаурского моря, которое подошло близко к современному Кировабаду. А может быть, и к югу от него, где раскопано то, что осталось от Гянджи после грандиозного землетрясения. Об этом землетрясении есть у Низами строки:

...И под небом угрюмым
Сотни выступов стен наземь
рухнули с шумом.
Тьма сокровищ пропала. Но
помним, дрожа:
В эту ночь на субботу исчезла
Гянджа!..

Идет работать на свою постоянную высоту (86 метров) молодежная бригада монтажников-высотников Энвера Ширмамедова.

В ночь на субботу... В других источниках есть дата — 25 сентября 1139 года. После этого Гянджу перенесли. Но потом, спустя столетие, ее сильно разрушили монголы. Она снова поднялась. В XVI веке ее захватил турецкий военачальник Фархад-паша, а в начале XVII сефевид Шах Абасс построил новый городской центр в нескольких километрах от старого.

Слово «Гянджа» означает «сокровищница». Видимо, город так назвали не зря. Видимо, он был богат. Но главное для нас сокровище — поэтическое наследство великого земляка Низами Гянджеви. Здесь его могила с мавзолеем, возведенным уже в наши дни, а рядом большая новостройка Кировабадского алюминиевого завода, или, как его называют, КИРАЗ.

Сорок пять лет тому назад жители Гянджи собрались на митинг. Это было 8 мая 1920 года. Они послали в Москву товарищу Ленину телеграмму: «Гянджинский ревком и все население области приветствует признание РСФСР независимости Азербайджанской Советской Социалистической Республики и выражает свою готовность беспощадно бороться против угнетателей трудового класса всего мира...»

А когда городу дали имя С. М. Кирова, он уже был центром легкой и пищевой промышленности.

Но довольно истории. Заглянем сегодня в этот старый восточный город. Посмотрим, как он живет в наши дни.

И. МЕСХИ
Фото А. ГОСТЕВА.

Кировабад приобретает облик современного города.

СТАРЕЙШИЙ ЗОДЧИЙ

...Людно сегодня в четвертой мастерской Моспроекта. Многочисленные ученики Владимира Георгиевича Гельфрейха пришли поздравить выдающегося советского зодчего с 80-летием. Ныне они сами возглавляют крупные творческие коллективы, решают сложные градостроительные задачи.

Список зданий и сооружений, возведенных по проектам самого Гельфрейха, занял бы целую тетрадь. Вместе со своим учителем В. Щуко он проектировал пропилеи Смольного, со скульптором С. Евсеевым — памятник Владимиру Ильичу на площади Финляндского вокзала; подстанции Волховской ГЭС, Ростовский театр. В Москве по его проектам сооружены Библиотека имени Ленина, Большой Каменный мост, станции метро «Электрозаводская» и «Ботанический сад», высотное административное здание на Смоленской площади...

С 1954 года Владимир Георгиевич руководит четвертой мастерской Моспроекта, которой поручена планировка и застройка Киевского района столицы.

Все стены мастерской увешаны схемами, чертежами, фотоснимками, многокрасочными рисунками: кварталы Филей — Мазилова, Кунцева, Рублевского шоссе; проекты будущих жилых массивов — Давыдкова и Крылатского; светлые, комфортабельные дома на Смоленской, Ростовской, Шевченковской набережных; великолепная магистраль — Кутузовский проспект.

Б. ЛЬВОВ
Фото Г. Дубинского.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

К. Ф. Телегин выступает на встрече в Подольске.
Фото Б. Туркина.

ПОДОЛЬСК ПОМНИТ ГЕРОЕВ

20 апреля Подольский горком партии и правление общества «Знание» устроили встречу участников обороны Москвы на Подольском направлении в октябре 1941 года со свидетелями событий, о которых рассказывалось в очерке О. Шмелева «Двенадцать часов из жизни генерала Телегина». Зал клуба имени Карла Маркса был заполнен до отказа. Молодые люди, знающие о минувшей войне лишь по литературе да кинофильмам, слушали рассказы бойцов. С воспоминаниями выступили генерал-лейтенант К. Ф. Телегин — бывший член Военного совета Московского военного округа, генерал-лейтенант И. С. Стрельбицкий — бывший начальник Подольского артиллерийского училища, генерал-майор В. А. Смирнов — бывший начальник Подольского пехотного училища, гвардии генерал-лейтенант артиллерии Г. Д. Пласков — участник боев под Юхновом, полковник Д. В. Панков — бывший комиссар батальона подольских курсантов.

Минутой молчания в память погибших героев началась эта встреча. И волнение той минуты не покидало присутствовавших весь долгий вечер.

Из блокнота военного корреспондента

Так было

Мартын **МЕРЖАНОВ**

Двадцать лет прошло с того дня, когда замолчали пушки, когда в предместье Берлина Карлсхорсте был подписан акт о капитуляции германских вооруженных сил.

Мне, военному корреспонденту «Правды», находившемуся в апреле — мае сорок пятого года в частях 79-го стрелкового корпуса, бравшего рейхстаг, посчастливилось быть свидетелем последних дней и часов жизни фашистского райха. Я присутствовал на допросе видных чиновников германского правительства, генералов, адмиралов, осматривал имперскую канцелярию, наблюдал, как опознавались трупы Адольфа Гитлера, Иозефа Геббельса и Евы Браун. В моих военных блокнотах — хроника исторических событий той поры.

* * *

Вечером 2 мая мне не удалось проехать через горящие кварталы Берлина в город Штраусберг — в штаб-квартиру всех военных корреспондентов, откуда я должен был передать в «Правду» материал о капитуляции Берлинского гарнизона. Я вернулся в Плетцензенскую тюрьму, где размещался штаб корпуса генерала С. Переверткина, и улегся отдыхать в одной из ее камер.

В 12 часов ночи мне сообщили, что привезли трупы Геббельса и его жены. Я выскочил во двор, а затем на улицу и увидел большую толпу людей. Они несли трупы во двор тюрьмы.

Спустя некоторое время полусожженный Геббельс лежал на плите в кухне квартиры, которая принадлежала начальнику тюрьмы. Позже труп перенесли в большой зал.

Где и как нашли все эти трупы?

2 мая подполковник Клименко, майор Быстров, пять солдат, а также начальник гаража имперской канцелярии Карл Шнейдер и гитлеровский повар Вильгельм Ланге направились в имперскую канцелярию. При подходе к бункеру, у запасного выхода, они увидели два трупа. Это были Геббельс и его жена.

По распоряжению Клименко солдаты погрузили трупы на грузовую машину с дощатой будкой и направились к тюрьме.

Всю ночь подполковник Клименко допрашивал чиновников, пленных офицеров, генералов, а также адмирала Фосса, которого только что поймали жители Берлина и привели в штаб корпуса. Фосс, переодевшись в солдатскую форму, пытался бежать к адмиралу Деницу, имея с собой какие-то важные документы, полученные от Гитлера. Сейчас он стоит у трупа Геббельса и отвечает на вопросы. Высокий, худой человек сник, опустил седую голову, плачет, бормочет: «Пропала Германия...»

Утром Клименко и его помощники провели так называемое «опознание» трупа, после чего был составлен акт.

За это время в Плетцензенскую тюрьму доставили трупы детей Геббельса, а позже труп застрелившегося генерала Кребса.

Тут же я встретился с майором Аксеновым, который только что вернулся из имперской канцелярии, где он побывал в бункере. Вот что он мне рассказал:

— Я туда попал рано утром. Сначала меня привели в квартиру Геббельса. В одной из комнат стоял стол, на столе — недопитое вино, закуски, яичница. Около стола — чемодан в чехле, на котором написано: «Доктор Геббельс». Я открыл чемодан. Там лежал портфель с бумагами, одеколон, духи, мыло, бритва. В гардеробе — несколько костюмов, два дамских платья, галстуки. На столе — электрический фонарик, портрет женщины.

Потом мы пошли в «апартаменты» Гитлера. В комнате стоял несгораемый шкаф, а в нем... один сапог с истоптанным каблуком. В этой же комнате — белье, платье, френч Гитлера с золотой свастикой. Затем я зашел на телефонную станцию, где застал двух телефонисток. На столе перед ними стояло несколько бутылок вина. Я спросил их: «Что вы делаете?» Они ответили: «Ждем своей судьбы». Они же сообщили мне, что Риббентроп, погрузив несколько машин с продуктами, уехал в неизвестном направлении...

На этом закончил свой рассказ Аксенов.

«ДВОЙНИКИ» ГИТЛЕРА

В эти дни нам приходилось много раз видеть так называемых «гитлеровских двойников». Всякого убитого фашиста с усиками и с косым зачесом на лоб считали Гитлером.

Находившийся в штабе 1-го Белорусского фронта В. В. Семенов, работавший раньше в советском посольстве в Берлине, осматривал многих найденных «двойников» и тут же давал заключение: «Это не Гитлер».

3 мая, вечер. Работа по опознанию трупа Геббельса и допрос крупных чиновников германского правительства закончены. Подполковник Клименко, старший лейтенант Катышев, владевший немецким языком, и адмирал Фосс выехали на легковой машине в имперскую канцелярию.

— Адмирал был очень расстроен видом разбитого Берлина,— рассказал позже Клименко.— Он ведь сидел последний месяц в бункере. Фосс показал нам убежище Гитлера. Когда мы ходили по подземелью, адмирал нервничал, бранился, не мог сдержать себя, ногами отбрасывал попадавшиеся на нашем пути пустые ящики. Затем он вывел нас из бункера по одному из запасных выходов и сказал: «Вот отсюда труп Гитлера выносили его адъютанты». Далее мы прошли по саду и в центре его увидели большой цементный сухой бассейн. На дне было около 40 трупов. В одном из них Фосс было опознал Гитлера, но тут же отказался: «Нет. Это не он».

НАХОДКА В ФУГАСНОЙ ВОРОНКЕ

4 мая мнимый труп Гитлера кем-то был перенесен в здание имперской канцелярии и положен на полу рядом с голубой столовой. Вечером в имперскую канцелярию приехал В. В. Семенов с группой дипломатических работников. Они осмотрели труп, лежащий у голубой столовой, и Семенов сказал: «Закопайте. Это не Гитлер». И уехал.

После этого подполковник Клименко и солдаты направились к месту, где накануне были найдены трупы Геббельса и его жены.

Солдат Чураков, проходя мимо большой фугасной воронки, залез в нее и, увидев кусок одеяла, крикнул:

— Товарищ подполковник, кажется, здесь трупы!

— Тащи, посмотрим.

Вытащили два сильно обгоревших трупа. Подполковник приказал завернуть их в одеяло и закопать в той же воронке от фугасной бомбы. 5 мая, в 4 часа утра, Клименко послал своего заместителя капитана Дерябина и солдат на грузовой машине со специальными ящиками в имперскую канцелярию. Из воронки были выкопаны найденные трупы, а также трупы овчарки Блонди и ее щенка. Машина находилась на улице. Чтобы ускорить «операцию» и не сделать ее достоянием ненужных глаз, солдаты перетащили тела через забор, уложили в ящики и увезли из имперской канцелярии.

Несколько дней они находились в сарае одного из окраинных домов берлинского предместья Бух. Затем были анатомированы.

ОХРАННИК РАССКАЗЫВАЕТ

10 мая. Берлин имел тогда странный вид: разбитые, опаленные дома, щебень на улицах, перевернутые танки и опущенные к асфальту дула замолкших орудий не могли скрыть ни свежей сирени, выглядывавшей из-за железной ограды, ни цветов, чудом сохранившихся на клумбах, ни травы, которая лезла сквозь швы брусчатки. На улицах танцевали наши солдаты, заливались аккордеоны, звучали тонкие женские голоса — первые признаки мира.

Гросс-Шенебек — маленький уцелевший городок под Берлином. На окраине, в домике, расположенном возле леса, я нашел Клименко. В первом часу ночи в кабинет вошел капитан Дерябин и сказал:

— Задержан немец, который может дать интересные показания о Гитлере.

Через несколько минут в комнату привели высокого, широкоплечего молодого человека. Он старался скрыть волнение.

Подполковник Клименко начал допрос, который тогда я записал довольно подробно. Вот он.

— Я Гарри Менгесхаузен. Мне тридцать лет. Я полицейский, окончил две полицейские школы. Служил в частях СС.

— Где вы находились в последнее время?

— С 10 по 30 апреля 1945 года я проходил службу в должности командира отделения в имперской канцелярии. С моей группой, в которой было пятнадцать человек, я защищал имперскую канцелярию. Говоря точнее, мое отделение охраняло фюрера Адольфа Гитлера.

— Где может быть сейчас Гитлер?

— 30 апреля Гитлер и его жена кончили жизнь самоубийством и в этот же день были сожжены и зарыты.

— Разве Гитлер был женат?

— Да, 28 апреля он женился на Еве Браун.

— Откуда вы знаете, что Гитлер и Браун были сожжены?

— Это я видел сам. В полдень 30 апреля я патрулировал в имперской канцелярии. Я ходил по коридору от рабочей комнаты фюрера до голубой столовой. В голубой столовой выходная дверь и окно были серьезно повреждены от бомбежек и артиллерийского обстрела. Я подошел к первому окну и начал наблюдать за садом. Вдруг я увидел, как штурмбаннфюреры Гюнше и Линге вынесли труп Гитлера. За ними кто-то нес труп женщины. Она была в черном платье. Расстояние от голубой столовой до выхода из бункера фюрера было около 60 метров. Я начал внимательно следить за происходящим.

— Ну и что вы увидели?

— Адъютант Гюнше облил труп Гитлера и труп женщины, по всей видимости, Евы Браун, бензином и поджег. В течение получаса они горели. Это было между 16 и 17 часами. Потом пришли два человека в форме СС и начали закапывать трупы. Они сначала занесли их в воронку, которая была поблизости от запасного выхода из бункера, и закопали. Затем они разровняли землю. Я это видел.

— По каким признакам вы опознали Гитлера?

— По форме. В ней я видел его накануне. Такой формы ни у кого не было.

— А что это за форма?

— Бежевого цвета френч с золотой свастикой на лацкане.

— А откуда там появилась овчарка?

— Она тоже была закопана в этой воронке. Мне рассказал Пауль Фени, который ухаживал за собакой Гитлера Блонди, что собака и ее щенок были отравлены ядом.

Менгесхаузена уводят из комнаты, и мы оформляем протокол допроса.

НУЖЕН ЗУБНОЙ ВРАЧ

Днем раньше полковник В. Горбушин и переводчица Е. Ржевская искали по Берлину профессора Эйкена, который лечил горло Гитлера, и профессора Блашке, который был личным зубным врачом рейхсканцлера. Труп фюрера обгорел до неузнаваемости, и для опознания его необходим был тщательный осмотр уцелевших челюстей. Профессора Блашке в Берлине не оказалось. Он бежал в Баварию. А его ассистентку Кете Хойзерман найти удалось. Нашлись и истории болезни Гитлера, Геббельса, Евы Браун. Но рентгеновских снимков зубов Гитлера не было. А они нужны были. Где же они могут быть?

И тогда было решено ехать в имперскую канцелярию, в зубоврачебный кабинет профессора Блашке. Полковник Горбушин, Ржевская и Хойзерман именно там и отыскали необходимые снимки и документы.

Первое собеседование было проведено с профессором Эйкеном — директором центральной берлинской клиники уха, горла и носа. Ему больше семидесяти лет. У него усталое лицо. Глаза безразличные ко всему происходящему.

— Кому вы оказывали медицинскую помощь?

— В мае 1935 года оперировал горло Гитлера — удалил полип. С июня по декабрь 1944 года я снова лечил Гитлера. В частности, я оказывал ему помощь после того, как на него было произведено покушение 20 июля в Восточной Пруссии. От взрыва мины у Гитлера были порваны барабанные перепонки и в связи с этим значительно потерян слух.

— Вы делали ему операцию?

— Нет, обошлось без нее. Слух постепенно стал восстанавливаться. Я лишь наблюдал. Кроме того, в это же время я лечил его от фолликулярной ангины. Из-за осложнений у него вновь образовались полипы. Вторично горло Гитлера я оперировал в ноябре 1944 года.

— Обращали ли вы внимание на полость рта?

— Да, я заметил, что у него большинство зубов были фарфоровые и золотые. Но это лучше знают Хойзерман и Эхтман.

С Хойзерман была проведена беседа. Ее вел полковник Горбушин с помощью переводчицы Ржевской.

Тут же осмотрели челюсти Гитлера. Днем раньше при медицинском исследовании во рту трупа были обнаружены мелкие осколки ампулы цианистого калия. Таким образом, сомнения в том, что рейхсканцлер отравился, отпали.

* * *

Война окончена. Международный трибунал начал следствие по делу о военных преступниках. Нюрнбергский процесс, длившийся около года, вынес свое решение. Главари фашистского райха были повешены, а их ближайшие помощники осуждены на долгие сроки тюремного заключения.

Прошло двадцать лет. Но многие военные преступники находятся на свободе. Больше того, боннское правительство ставит вопрос о прекращении судебного преследования их в связи с давностью преступления.

Все честные люди мира подняли голос протеста.

Вечно живой

А. СВЕШНИКОВ,
народный артист СССР, директор Московской консерватории имени П. И. Чайковского

Есть высшая степень популярности, когда творчество композитора становится совершенно неотделимым от нас.

Как рассказать о любви к «Евгению Онегину»? Я прожил долгую жизнь. Вся она в музыке. Однако, недавно побывав на «Онегине», не знаю, в который уж раз, я очень жалел, что вот опера кончается и придется на какое-то время, пусть ненадолго, расстаться с чудесным миром, полным чистой человеческой любви. Конечно, такое же чувство было у меня и много лет назад, когда я в первый раз слушал «Онегина». Оно оставалось неизменным и вместе с тем постоянно обогащалось: каждая встреча с оперой приносила новые открытия.

Не сомневаюсь, что все это знакомо не мне одному.

Безмерно счастливым даром должен обладать художник, чтобы держать в подобном гипнотическом обаянии неисчислимую аудиторию свою. Гений не знает границ.

— Несколько раз в месяц мы играем Чайковского,— говорил мне в Турции директор оркестра.— Этого требует публика!

— Чайковский — композитор всего мира,— говорили в Японии.— Неважно, в конце концов, кто его играет, был бы Чайковский!

— У нас нет такого города,— вторили в Швеции,— в котором не исполнялся бы Чайковский!

К нам, в Московскую консерваторию, носящую имя Петра Ильича, пишут из Южной Америки, просят рассказать о деятельности великого музыканта. Недавно побывала в консерватории группа композиторов из Соединенных Штатов Америки, зашел, естественно, разговор о музыке, о музыкальных вкусах американцев.

— Ваши сочинения слушают?— спросили мы.

— И да, и нет...

— Кого же любят у вас?

— Чайковского!..

Мы сейчас готовимся к Третьему международному музыкальному конкурсу имени П. И. Чайковского. Он состоится в 1966 году. Нет необходимости говорить о широчайшей всемирной популярности этого творческого соревнования, о том благоговении, которое испытывают молодые музыканты разных стран, выходя на концертную эстраду консерватории в Москве.

— Как я буду ходить по этому дому?— помню, волновался Ван Клиберн.— Ведь здесь бывал Чайковский!

Да, гений Петра Ильича Чайковского принадлежит миру. Но прежде всего он наш, русский. Всего пятьдесят три года прожил композитор, но как же он сумел возвеличить своим творчеством, глубоко национальным по духу, русское музыкальное искусство, русскую культуру! Россия родила и воспитала талант одного из своих сыновей, и родине своей он отдал все лучшее, чем она его наделила.

«...Я вырос в глуши, с детства, с самого раннего,— писал Петр Ильич,— проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки».

Он слушал ее ребенком в Воткинске, заводском городке, живописно раскинувшемся на склонах берегов большого пруда. Цепки ранние впечатления, на всю жизнь они остаются с нами. Было время, когда маленький Петя был в буквальном смысле слова болен музыкой. Не тогда ли зародились неповторимые по своему проникновению в русский характер во всем его многообразии музыкальные образы, впоследствии сформировавшиеся, философски осмысленные?

Десять лет от роду было мальчику, когда в первый раз он услышал «Сусанина» великого Михаила Глинки. Не с того ли августовского дня 1850 года появилось у него преклонение перед русским музыкальным гением, и гордость за него, и та неукротимая страстность, с которой он до конца дней своих музыкой и словом отстаивал священное право русского искусства жить и властвовать на родной земле своей?

Он не был национально ограниченным. К числу первых художественных впечатлений, которые он воспринял с редкой, присущей ему чуткостью, относятся творения Моцарта, Россини, Беллини и Доницетти, записанные на валиках старенькой семейной оркестрины. И всю жизнь он любил Моцарта и поклонялся ему, равно как умел любить и поклоняться всему талантливому, что создала музыка мира.

Но национальная русская музыкальная культура с ее источником — народным музыкальным искусством — была той питательной средой, в которой год от года мужало его творчество, поражающее нас своим необыкновенным многообразием, точностью образов, философской глубиной.

Вершина русского симфонизма — шесть симфоний П. И. Чайковского. Но как же было ему трудно, особенно на первых шагах, прокладывать дорогу! Вспомним хотя бы, что пленительная первая его симфония — «Зимние грезы», создававшаяся под впечатлением суровой и целомудренной красоты русской северной природы, была встречена холодком равнодушия в среде даже передовых по тому времени музыкантов. Они не могли понять стремления молодого композитора к симфонизации русской народной музыки, начатого некогда М. И. Глинкой; им казалась дерзкой и неуместной сама идея программного симфонизма, идущая в противоречие с принятыми академическими догмами.

Время рассудило, кто прав. Время сохранило нам музыку Чайковского и предало забвению споры о праве гения творить так, а не иначе.

Родоначальник русского классического балета; создатель галереи музыкально-драматических образов, равных, быть может, по своей силе и глубине характеристик шекспировским; творец шедевров инструментальной и вокальной камерной музыки, без которой немыслим репертуар ни одного значительного артиста или артистического ансамбля,— таким мы знаем нашего Петра Ильича Чайковского. Подобно Пушкину, он всегда с нами, и в полной мере к нему могут быть отнесены вещие слова поэта:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

В полной мере. Потому что нет сегодня уголка в нашей стране, где бы не звучала его музыка, донесшая до нас с помощью черных нотных строчек живое волнение, грусть, радость, раздумья нашего великого соотечественника и, не боюсь сказать, современника.

И нас не удивляет, что сегодня киргизская певица чудесно поет русскую Татьяну, что на сцене рабочего клуба где-нибудь на Урале слесари и инженеры играют трио «Памяти великого художника».

Мы к этому шли и к этому теперь привыкли. Так народ отдает должное своему гениальному художнику, своему певцу. Какими же еще словами можно говорить о популярности композитора, когда не расстаемся мы с его творчеством от самых юных до преклонных лет?

Это произошло именно потому, что Петр Ильич Чайковский, как всякий истинный гений, не мыслил своего существования и своей деятельности без теснейшей близости к своему народу и к искусству его.

Так случилось, что музыкальный гений композитора отодвинул на второй план необычайно искренний талант Чайковского-публициста. А вместе с тем неполным был бы его образ человеческий без этих непримиримых, страстных, во многом созвучных и нашему времени мыслей вслух, раскрывающих душу замечательного художника-патриота, его гражданственность.

«Не умею говорить о музыке»,— записал он однажды в своем дневнике. Это величайшая скромность. Передо мной лежит сборник музыкально-критических статей Петра Ильича. Перечитывая его, я искренне пожелал бы нашей современной музыкальной критике подобной глубины и страстности в оценке тех или иных художественных явлений.

Вспомните, какое было время. Семидесятые годы прошлого столетия. Именно тогда развернулась музыкально-критическая деятельность молодого П. И. Чайковского. Совсем недавно юный правовед, титулярный советник, студент Петербургской консерватории принял решение целиком отдаться музыке. Нужда, всяческие лишения встретили его. Брат композитора Модест Ильич вспоминает, что один из друзей Чайковского, озабоченный его бедностью, серьезно предлагал устроить его надзирателем за свежей провизией на Сенной площади...

И вот в печати появляются первые статьи и рецензии молодого профессионального музыканта. Что заставило его взяться за перо публициста? «...Приносить пользу своим согражданам, содействуя их музыкально-эстетическому развитию» — так отвечает сам композитор. Нет у нас сомнения в том, что здесь звучит беспокойно, взволнованно гражданская нота, живой отголосок могучего призыва к общественному служению, служению делу просвещения народных масс, верность подвижническим идеям Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Как по-детски, душевно радовался Петр Ильич каждому успеху родной русской музыки, видя в том предвестник недалекого торжества могучей русской музыкальной культуры!

...Громадным был человеком Петр Ильич Чайковский. Великим русским художником, великим гражданином родины своей. Впрочем, не хочется говорить — был. Да так сказать было бы и неверно. С нами осталась его музыка, а значит, вечно живая душа его.

Н. Кузнецов. ПЕТР ИЛЬИЧ ЧАЙКОВСКИЙ. 1893 год.

Государственная Третьяковская галерея

Клин. Вход в Дом-музей П. И. Чайковского.

Фото В. ТЮККЕЛЯ.

Кабинет Петра Ильича.

РОССИИ — ЕГО СЕРДЦЕ, МИРУ — ЕГО ГЕНИЙ

И. ВЕРШИНИНА

Он приехал в Клин знаменитым, может быть, самым знаменитым композитором того времени.

Еще недавно в Праге толпы почитателей заполняли вокзальную площадь в день его приезда; в Париже известные музыканты были непременными слушателями его концертов; Нью-Йорк открывал его выступлением свой новый концертный зал — блистательный Карнеги-холл; Лондон запрашивал о согласии принять звание доктора Кембриджского университета. ...Приемы, почести, восторги, лавровые венки, чествования...

Но Чайковский тоскует о деревенском уединении. «Не могу изобразить, до чего обаятельны для меня русская деревня, русский пейзаж и эта тишина, в коей я всего более нуждался...»

Так 5 мая 1892 года поселился в Клину, в небольшом деревянном доме, мало отличавшемся от соседних, в самом зените славы композитор Чайковский.

Он провел уже не один год в этих местах, жил в Майданове, тут же на берегу Сестры, во Фроловском—верст за семь от Клина. Но докучливые дачники со своими неизменными пассажами на фортепьянах, многолюдность да непрестанная рубка леса заставили его искать другой приют для уединения.

И вот домик в Клину, «чудесные комнаты, свой небольшой сад и полное отсутствие соседей». Все же, чтобы оградить себя от непрошеных визитеров, Чайковский на двери дома вывешивает привезенную сюда еще с московской квартиры медную табличку: «Прием по понедельникам и четвергам от 3 до 5».

И хотя до смерти жаль ему этих часов, скрепя сердце отдает он их, а то паломничество будет целые дни, и тогда—прощай работа, прощай строгий распорядок, которого так педантично придерживался он всегда. «Вдохновения нельзя ожидать,— говорил Чайковский,— да и одного его недостаточно; нужен прежде всего труд, труд и труд... Даже человек, одаренный печатью гения, ничего не даст не только великого, но и среднего, если не будет адски трудиться... «вдохновение» рождается только из труда и во время труда. Я каждое утро сажусь за работу и пишу. Если из этого ничего не получается сегодня, я завтра сажусь за ту же работу снова. Так я пишу день, два, десять дней, не отчаиваясь, если все еще ничего не выходит, и на одиннадцатый день, глядишь, что-нибудь путное и выйдет».

ДЕНЬ ГЕНИЯ

Когда часы на камине, пробив восемь часов, принимались за исполнение веселой чешской песенки, хозяин дома, если было теплое время года, сидел у себя наверху на веранде за маленьким круглым столиком и пил чай... Он просматривал «Русские ведомости», корреспонденцию, занимался английским или читал «серьезные книги» — Спинозу, Шопенгауэра... Приходил дворник и сообщал о погоде — ветрено ли, хороша ли дорога (на деле все было наоборот). Петр Ильич внимательно выслушивал сообщение, хотя по давно заведенному обычаю совершал ежедневную прогулку при всякой погоде. Потом заказывались обед и ужин. Заморские яства не изменили его вкуса. Он по-прежнему любил русскую кухню: щи с кашей, борщ, квашеную капусту. Вообще был крайне неприхотлив, восторгался любой едой и расточал благодарности кухарке и повару за самую скудную пищу.

В десять часов, после небольшой прогулки, он садился за стол или к роялю — сочинял, занимался корректурой, оркестровкой, не терпя при этом ничьего присутствия, кроме Алексея — лакея, которому все произведения казались «тем же самым».

После обеда, по-деревенски раннего — в 1 час дня,— Чайковский в любую погоду и в любом месте, где бы он ни был, отправлялся в дальнюю прогулку верст за 5-6, непременно в полном одиночестве. Это было, может быть, основное время сочинений. Новые темы, новые композиции рождались в эти мгновения, поэтому его всегда влекли широкие просторы — леса, поля, луга... Он слушал их многоголосый хор, слушал музыку, которую они доверительно слагали при нем.

Злится ветер с утра, и ветви шепчутся тревожно, и листья кружатся — раз, два, три; раз, два, три,— словно вальсируют... И снова вальс, но не тот, от которого кружится голова и теснит дыхание. Этот вальс мягкий, плавный, и снежинки напоминают лебедей, когда плывут они, грустные, но гордые, по озеру... Снег уже совсем запорошил землю, и только удалая тройка, птица-тройка несется по тракту... Но солнце — Ярила — пригревает все сильней и сильней, тоненькими колокольчиками звенит капель, голосом флейты зажурчал ручеек, а на ветках собрался весь многоголосый птичий грай и, как оркестр перед концертом, настраивает инструменты...

Весна. Любимая Чайковским пора... Вон промелькнула в лесу какая-то тень — не Снегурочка ли это с Лелем заводят свои песни?.. Времена года. Как любовно отмечал всегда и всюду композитор их смену, как упивался каждой порой!

И в записной книжке после прогулки прибавляется нотная строчка, порой очень короткая — три-четыре такта,— но она-то и есть начало начал.

Усталый возвращается композитор. А после чая вновь занятия. Только вечером он рад прогулке вдвоем с гостем и беседе за ужином, рад коротать время игрой на фортепьяно в четыре руки или сделать два-три роббера в винт. Нередко бывали дни, когда комнаты для гостей, что заботливо устроил Петр Ильич тут же, на втором этаже, рядом со своими, пустовали. Братья и многочисленные племянники были заняты своими делами, друзья — кипучей музыкальной жизнью. Самое горячее участие принимал в ней и «клинский отшельник», по мнению некоторых теоретиков, бежавший сюда от людей. Занятый, казалось бы, только своим творчеством, он проявляет большую заботу о воспитании молодых музыкантов. После того, как умер первый директор Московской консерватории Николай Рубинштейн, ему не нашлось достойного преемника. Приехав как-то на экзамены, Чайковский с горечью констатировал развал, упадок. Нужны были срочные меры. После отказа Римского-Корсакова единственной достойной кандидатурой на пост директора оставался молодой композитор, ученик Чайковского, Сергей Иванович Танеев. «Я решил добиться назначения на эту должность Танеева, человека безупречной нравственной чистоты и превосходного музыканта, хотя слишком молодого. В нем я вижу якорь спасения Консерватории»,— пишет П. И. Чайковский. «Чтобы поддержать авторитет Танеева, я решил войти снова в число профессоров; а именно взял на себя класс свободного сочинения... (безвозмездно)». Это была большая жертва со стороны Чайковского, с отвращением вспоминавшего свою педагогическую деятельность. По его же совету в консерваторию приглашают Сафонова, впоследствии успешно заменившего Танеева на посту директора.

Но вернемся к нашему «клинскому отшельнику», которого мы оставили в одиночестве в столовой за ужином. По винтовой лестнице подымается он к себе, ступает тихо, осторожно: здесь, под лестницей, комната Алексея, и маленький Егорушка — крестник и любимец Петра Ильича — только что уснул.

В кабинете-гостиной — бóльшей из двух комнат, принадлежавших композитору,— полумрак; он поправил фитиль в фаянсовой лампе, что стоит на письменном столе, и тотчас запрыгали радостные зайчики на рояле, словно приманивая композитора. Нет, играть он больше сегодня не будет, надо разобрать письма. Только вчера отнес на почту тридцать конвертов и накануне столько же, и вот опять.

«...Размер моей корреспонденции становится ужасен... Скоро, кажется, все время будет уходить на письма, главным образом, на скучные ответы посторонним...» Петр Ильич зябко поеживается — холодно в пустой комнате, впрочем, он всегда мерзнет. Алексей приносит дров, и через несколько минут из камина уже доносится уютное потрескивание, а на рояле мечутся в адском хороводе зловещие красные тени, словно в аллегорических картинах рисуя то, что произойдет здесь через пятьдесят лет...

НАШЕСТВИЕ

Он уехал из Клина 7 октября 1893 года, уехал на несколько дней, но больше не вернулся. С тех пор камин не горел. Его зажгли в ноябре 1941 года, зажгли варвары.

Сельская учительница Раиса Михайловна Егорова и ее ученики.

В концертном зале Музея. Поет Геннадий Пищаев.

Фото Д. Ухтомского.

Когда подходили они к Клину, все, кто в течение десятков лет свято оберегал незыблемость порядка в этом доме, теперь торопились бережно упаковать бесценные реликвии и увезти их на родину композитора в Воткинск. Руководил этой сложной операцией его племянник Юрий Львович Давыдов.

Фашисты знали: это Дом Чайковского. Но что свято для варвара? В прихожей поставили мотоциклы, в архиве устроили шорную мастерскую, наверху, в комнатах композитора,— казарму и нужник. На улице было морозно, и в камин летело все, что могло гореть.

Однажды ночью сторож Спиров, ветеран первой мировой войны, проснулся от запаха горящей масляной краски. Горит дом! Взбежав по лестнице, он стал дубасить в дверь; солдаты проснулись, впустили старика: действительно, возле камина горел пол. Махнув рукой, они стали одеваться, предоставляя огню завершить начатое, но дед показал на пальцах, что мороз на улице 45 градусов. Хитрость удалась. Огонь был потушен. Дом Чайковского уцелел.

В это время в Воткинске работники музея распаковали коллекцию, работали с архивом. По вторникам крошечное помещение было забито до отказа: люди в комбинезонах — прямо после многочасового рабочего дня—приходили на лекцию о музыке. Мелодии Чайковского разучивал вокальный кружок завода, о его творчестве рассказывали в цехах в обеденный перерыв, в пионерских лагерях, госпиталях: близилась дата — 50-летие со дня смерти композитора.

Ее отмечали и в освобожденном Клину. Вот первая запись в книге отзывов: «3/II-42 год. В Клин я со своими двумя товарищами вошли первыми при освобождении его от фашистских оккупантов 14 дек. 1941 г. До этого никогда не был. Когда входил, сразу подумал, что здесь жил П. И. Чайковский. ...Теперь, проезжая мимо, я зашел в музей и с большой радостью узнал, что экспонаты были вывезены... и все, что фашисты попортили, можно восстановить. Как советский человек, благодарю сотрудников музея. Лейтенант-орденоносец Бер...» (подпись далее неразборчива). Последующие записи того времени также сделаны воинами Советской Армии.

УМНЫЕ ВЕЩИ

Музей был восстановлен, все вещи Чайковского водворились на места, которые определил им Петр Ильич.

Он не любил перемен и не очень искусен был во всяких хозяйственных заботах. Поэтому когда пришла долгожданная пора обставлять пусть нанятую, но всамделишную квартиру, он поручил ее заботам Алексея. Тот знал привычки хозяина и как нельзя удобнее все оборудовал. Развесив фотографии и разложив книги и ноты, Петр Ильич остался совершенно удовлетворен созданным уютом и сохранял неизменность обстановки, независимо от перемены квартир, до конца жизни.

Вернувшись из Воткинска, вещи занимали свои места... Вот в углу спальни встала узенькая железная кровать с пружинным матрасом, на ней белье с вензелем «П. Ч.» и пестрое шерстяное вязаное одеяло ручной работы. На стенке — коврик гарусный и картина «Меланхолия». В Берлине после концерта, в котором исполнялась «Меланхолическая серенада», немолодая женщина в знак благодарности просила композитора принять картину, как ей кажется, близкую по настроению.

На стенах спальни висят еще четыре небольших пейзажа — виды Каменки. Их подарил художник Сангурский — сын местного инженера. Чайковский помог ему устроиться в Училище живописи, ваяния и зодчества. Этюд «Перед грозой» принадлежит художнику Кузнецову, тому самому, который создал лучший его портрет. Это было в 1893 году в Одессе. Чайковский согласился позировать, но все ему было недосуг, и художник писал его из оркестра, во время репетиций «Пиковой дамы». Петр Ильич остался изображением доволен, но взять его в дар отказался. Зная, что автор нуждается, он сообщил о его холсте Третьякову, который давно хотел приобрести для своей галереи портрет Чайковского. На память художник предложил композитору любую свою картину. Он взял— «Перед грозой».

Поскольку мы заговорили о портретах композитора, надо сказать, что при жизни их было сделано четыре: работа Кузнецова — в Клину находится замечательная ее копия; карандашный набросок дочери издателя Юргенсона— «Чайковский за игрой в карты» и великолепный живописный портрет «Голова юноши» Лемана. Когда на последнем курсе Академии художеств Леман получил задание написать портрет вдохновенного юноши, он выбрал 18-летнего Чайковского: тонкие черты лица, порывисто вскинутая голова, гордая осанка, большие, горящие глаза. Четвертое изображение — скульптура Гинцбурга: Чайковский пишет, стоя у высокого стола.

Остальные портреты композитора были созданы после его смерти, в том числе и знаменитая скульптура Беклемишева, что в Ленинградской консерватории. История ее создания знаменательна для царской России. В прихожей клинского дома, которая служит первой комнатой экспозиции, на витрине стоит красная жестяная кружка для пожертвований. Когда в передовых общественных кругах возникла мысль о необходимости увековечить память великого русского композитора, царское правительство дало лишь свое высочайшее разрешение на сбор пожертвований среди населения. Деньги были собраны: Россия знала и любила своего композитора.

А разве не свидетельство любви все эти вещи, которые вот уже десятки лет живут в этих стенах? В гостиной хранятся маленькие серебряные башмачки, на них нотные строки — отрывки из арий оперы «Черевички» — подарок фон Мекк.

Они никогда не были знакомы, никогда не встречались, но в течение тринадцати лет Чайковский и мысли и дела поверял в письмах «лучшему другу» — Надежде Филаретовне фон Мекк. С оперой «Черевички» связана еще одна очень важная страница биографии Чайковского — его дирижерская деятельность. «...при одной мысли о выходе с палочкой перед публикой я трепещу от страха и ужаса»,— писал он фон Мекк, многие годы избегая дирижерской деятельности.

Состоявшаяся 19 января 1887 года на сцене Большого театра премьера «Черевичек» была дебютом дирижера Чайковского. Меньше чем через два месяца он дирижировал в симфоническом концерте в Петербурге. «Величайшее наслаждение чувствовать себя властелином оркестра, господствовать над морем звуков, небольшим движением вызывать и укрощать ураганы гармонических сочетаний».

С того времени и начинаются триумфальные гастроли Чайковского — композитора и дирижера по концертным залам России, Европы и Америки. Вот об этом и напоминают три дирижерских палочки. Рабочая — повседневная, почетный жезл, поднесенный ему в 1893 году в Одессе, и черная костяная с надписью: «Завещана Гензельтом Чайковскому». Предание гласит, что этой палочкой дирижировал Мендельсон — первый дирижер, взявший в руку дирижерскую палочку.

Рассказывать о сувенирах можно без конца, собственно, они и составляют душу и украшение жилища знаменитого композитора, в котором нет ни антикварных вещей, ни дорогих предметов роскоши. Ценность каждой вещи определяется только отношением к ней Чайковского и тех, кто любил и любит его...

О ТЕХ, КТО ЛЮБИТ

В спальне, рядом с кроватью, висел бухарский халат, в котором утром выходил Чайковский к чаю; сейчас халата в экспозиции нет. Он истлел. Не ждет ли та же участь остальные вещи?

В пятидесятые годы, несмотря на тщательность хранения, пришла в совершенную негодность шелковая обивка красной гостиной мебели и дивана, что стоит в спальне Петра Ильича. Работники музея обратились в Научно-исследовательский институт шелка, дали им образцы обивки. Долго и скрупулезно исследовали их там, а потом соткали точно такую же ткань. Примечательный эпизод произошел с туалетным фаянсовым прибором. Разбился большой кувшин, в котором подавал Алексей Петру Ильичу воду для умывания. На приборе стояла марка петербургского завода. Туда сообщили об этом. Были найдены матрицы столетней давности, и на заводе изготовили точную копию.

Но главные меры принимаются, конечно, не для замены, а для лучшего хранения экспонатов музея.

Вы знаете историю создания Дома-музея? По завещанию Чайковский все движимое имущество оставлял Алексею, преданно слу-

жившему ему много лет. После смерти композитора Алексей по совету Модеста Ильича купил у судьи Сахарова этот дом. Вскоре его владельцами стали Модест Ильич Чайковский и его племянник Владимир Львович Давыдов. В 1894 году здесь уже был открыт музей. Заботясь о его сохранности, Модест Ильич перед смертью завещал дом Русскому музыкальному обществу, обусловив его неприкосновенность. В 1921 году декретом за подписью Ленина Музей Чайковского был национализирован.

Когда-то Дом-музей был единственным культурным очагом в этом провинциальном городишке. Сейчас город не узнать, но по-прежнему Дом-музей занимает ведущее место, и не только в городе, но и в области.

Директор Дома Наталья Григорьевна Кабанова нам рассказывает о подготовке к публикации писем и новых материалов о Чайковском, показывает афишу недавно построенного концертного зала. Тут и абонементные концерты из произведений Чайковского с участием Виктора Мержанова, Геннадия Пищаева, тут и пять бесплатных циклов лекций по эстетическому воспитанию. В прошлом учебном году в городе проводили конкурс школ — любителей музыки. Победившей школе № 1 присвоили имя Чайковского. Сейчас Дом пионеров проводит конкурс детских рисунков, посвященных знаменитому земляку. Лучшие будут выставлены в музее. Когда-то Петр Ильич писал: «...Жалко смотреть на этих детей, обреченных жить материально и умственно в вечном мраке и духоте. Хотелось бы что-нибудь сделать, и чувствуешь свое бессилие...» Мы вспомнили об этом письме, когда встретились в концертном зале с учительницей школы села Воронино, что стоит за тринадцать километров от Клина, Раисой Михайловной Егоровой и ее учениками. Наперебой они рассказывают нам о своем КДИ (клуб друзей искусства), о стенной газете «Искусство» — ее выпускают два раза в месяц — и журнале «Бригантина», о конкурсе сочинений на музыку Чайковского, которую слушают на уроках. В конце беседы мы знали, что среди них есть художники, музыканты, поэты. Они читали нам свои стихи:

Музыка — это чудесная молодость!
Музыка — это счастье, мечта.

РЕКВИЕМ САМОМУ СЕБЕ

«Я давно лелею мысль — написать симфонию, подытоживающую всю мою жизнь. Хочу надеяться, что не умру, не осуществив замысла».

Бесконечные заграничные странствия отрывают композитора от осуществления задуманного. В роскошных номерах чужих гостиниц он не может писать и с тоской думает о доме. Рояль, струганый стол у окошка спальни, три березки, цветы, что сам посадил под окном... Ах, как ему не хватает их! А в голове все настойчивей звучат темы будущей симфонии.

В далеком детстве в Воткинске в такие минуты он бежал к гувернантке Фанни Дюрбах и просил, молил своего друга избавить его от музыки, которая сидит в голове. С той поры прошла большая жизнь. И вот оказалось: Фанни жива и очень хочет видеть своего любимца!

Он пробыл у нее в Монбельяре два дня и словно совершил путешествие в детство. Она берегла его сочинения, стихи, письма матери, вспоминала, как Пьер разрезал руку, «играя» на окне, когда его отрывали от рояля; как часами сидел у оркестрины, упиваясь божественным Моцартом. Благоговение перед этим композитором он сохранил на всю жизнь.

Вероятно, под влиянием этой встречи в дороге на обрывках писем, счетов возникают наброски тем Шестой симфонии. Она не выходит у него из головы. «И нередко во время странствования, мысленно сочиняя ее, я очень плакал...» А тут еще поездка в Каменку. Самые счастливые минуты юности провел он там, в гостях у сестры Саши. Сколько было веселья, мечтаний! Сколько надежд и больших дум вызывала эта усадьба, где творил Пушкин, где собирались декабристы! Теперь в усадьбе тишь. Сестра умерла, молодые разлетелись кто куда, и в опустевшем доме только владелица, старая жена декабриста Давыдова, доживала свой век...

3 февраля 1893 года Чайковский вернулся из Каменки. Утро 4 февраля застает его в спальне на любимом месте — за рабочим столом у окна. Торопливо заносит он на бумагу то, что уже созрело в душе: четыре дня пишет первую часть, сразу же приступает к третьей. Кажется, у него «...выходит лучшее из всех сочинений...». Это будет программная симфония, только программу он сохранит в тайне от всех, ведь «в симфонию эту я вложил, без преувеличения, всю мою душу». Пусть каждый истолковывает симфонию сам.

7 октября 1893 года он покинул Клин. 16 октября в Петербурге состоялось первое исполнение Шестой симфонии. Дирижировал автор. На концерте 6 ноября симфония звучала уже как реквием ее создателю.

* * *

...Весна 1965 года. Смеркается. В домах зажглись огни, а на улице Чайковского в Клину все еще стоят иногородние автобусы. И хотя давно уже пришло время закрывать музей, в дверь с металлической дощечкой все шли и шли посетители.

КАЗАХСКАЯ ТАТЬЯНА

Этот снимок почти двадцатилетней давности был сделан, когда на сцене Казахского оперного театра еще пела знаменитая Куляш Байсеитова.

Куляш рассказывала: когда она была еще девчонкой, на свадьбах, сходках, на любом празднике пели акыны, аккомпанируя на домбре «Песню Татьяны». Не все уже помнили, что сочинил ее Абай Кунанбаев.

В свое время он переводил отрывки из романа Пушкина на казахский, а письмо Татьяны переложил на музыку. Знал Абай, что до него это уже сделал большой русский композитор, но не был уверен, что услышит музыку Чайковского казахский народ. Песню Абая запел Казахстан. И Куляш Байсеитова пела ее девчонкой и уже певицей с эстрады.

Когда же в 1946 году она стала готовить партию Татьяны в опере Чайковского, характер героини ей был уже близок. Так Абай помог рождению Чайковского на казахской сцене.

Я МЕЧТАЮ

На этом снимке вы видите Нину Васильеву на сцене Колонного зала Дома союзов. Не напрягайте память: вы едва ли вспомните эту фамилию. Ведь Нина не знаменитость. Она по профессии скромный товаровед, всего несколько лет назад окончила экономический институт.

В этот вечер, когда участники художественной самодеятельности в Колонном зале исполняли произведения любимого композитора, Нина пела ариозо Иоланты. И сколько свежести, теплоты, лирической наполненности было в ее голосе. Нина рассказала нам о своей мечте. Сейчас в МГУ силами студентов готовится постановка «Иоланты». На исполнение заглавной партии Иоланты будет объявлен конкурс. Конечно, Нина примет в нем участие. Если бы ее мечта осуществилась!..

ВО ВСЕХ СТОЛИЦАХ

Константин ИВАНОВ

Чайковский дал мне путевку в музыкальную жизнь: в 1938 году я исполнил свой первый дипломный концерт — «Франческа да Римини»... Первая опера, которой я дирижировал, была «Евгений Онегин». И ни одна моя гастрольная поездка — будь то за рубеж или по стране — не обходилась без Чайковского.

Где бы ни приходилось исполнять произведения Чайковского, везде я находил его поклонников, горячих и восторженных. Лондон, Париж, Нью-Йорк, Мехико, Прага, Хельсинки, Будапешт — все столицы аплодировали Чайковскому.

Вспоминается случай на международном фестивале «Современная музыка» в Польше, куда съехались все самые знаменитые джазовые и симфонические оркестры. Мы тоже были приглашены. Кроме обязательной программы, в которую входили произведения только современных авторов, разрешалось исполнить любую вещь по усмотрению дирижера. И даже тут я, конечно, выбрал Чайковского, мою любимую Пятую симфонию. Выступление Государственного симфонического оркестра было встречено восторженно. А когда после концерта мы выходили из зала Варшавской филармонии, нас благодарили словами: «Конечно, современная музыка хороша, но нам-то хочется поблагодарить вас за Чайковского! Большое спасибо!»

Иногда спрашиваешь себя: в чем жизненность Чайковского? Почему его любят и знают во всем мире, даже в тех странах, где в музыке процветают ультрамодернистские течения?

Чайковский человечен от первой до последней ноты, и каждый человек находит в его музыке что-то свое.

Чайковского любят всюду. Но, может быть, самое бурное поклонение Чайковскому мы встретили в Японии. В Токио, входишь ли ты в лифт или в номер гостиницы, в маленькое кафе, везде можно услышать льющиеся из репродуктора чарующие звуки музыки. И чаще всего это Чайковский...

Всегда созвучен...

В. БУРМЕЙСТЕР

Жозетт Амиель и Питер Ван Дийк в «Лебедином озере» на сцене «Гранд-Опера».

Я вспоминаю военные годы, суровый наш театральный быт, а по вечерам, когда не было спектаклей, увлекательнейшие беседы с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко. Он мечтал о постановке такого балета, который был бы созвучен и близок сердцам всех, согрел бы и окрылил в то трудное время... Он мечтал о новой редакции «Лебединого озера». Вот-вот, именно Чайковский!.. И какие же смелые, блестящие мысли рождала музыка старого балета у Владимира Ивановича! Им суждено было найти воплощение уже после смерти Немировича — в 1953 году.

Именно в этом году наш Театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко показал «Лебединое озеро». В прежних постановках отношение к музыке Чайковского было несколько небрежное: отдельные куски, даже сцены выбрасывались или переставлялись. Такое отношение шло еще с тех первых постановок, когда живо было мнение, бытовавшее и при жизни Чайковского, что он, мол, не балетный композитор!..

А Чайковский с гениальной прозорливостью в своей музыке угадал возможности нового пластического языка и пластического рисунка: создал новый балет.

Восстанавливая подлинную партитуру, мы старались постигнуть самую сущность замысла, его цельность, возможность современного воплощения...

В 1961 году министерство культуры Франции просило меня осуществить постановку «Лебединого озера» в «Гранд-Опера». Надо сказать, что причиной этого были успешно прошедшие несколько лет ранее гастроли нашего театра в Париже.

После первых же репетиций я узнал, что Чайковский во Франции популярен и любим. Партию Одетты-Одилии танцевала на премьере Жозетт Амиель, принца — Питер Ван Дийк. После каждого действия занавес поднимался десятки раз.

Газета «Фигаро» дала на первой странице большой снимок, а репортаж со спектакля был назван «Буря аплодисментов на «Лебедином озере».

Резонанс этой постановки в Париже был неожиданным для меня. Буквально через несколько месяцев я получил письмо из Лондона. Дирекция «Лондон-фестивал-балет» просила меня осуществить на сцене их театра постановку «Снегурочки». Как известно, у Чайковского такого балета нет — им была написана музыка с хорами и песнями для одноименной постановки пьесы Островского.

В мастерских нашего театра были изготовлены прелестные декорации и костюмы по рисункам художников Ю. Пименова и Г. Епишина. Сумеют ли английские артисты проникнуться духом русской сказки и музыкой, такой прозрачной, по-весеннему чистой, напитанной ароматами русской природы? Исполнители зажглись именно скрытым внутренним содержанием, внутренней поэзией музыки Чайковского.

Артисты не раз шутили, что считают Чайковского английским композитором. Ведь еще при его жизни именно в Лондоне, в Кембридже, ему было присвоено звание доктора музыки.

А премьера «Снегурочки» состоялась в Италии! Дело в том, что «Лондон-фестивал-балет» — театр гастрольный. Он только два раза в году выступает в Лондоне, остальное время ездит по всей стране и за границу.

Репетировали «Снегурочку» во время переездов и поставили во Флоренции. Была страшная жара, а на сцене царила русская зима. Это произвело большое впечатление на итальянцев. Впрочем, и в Лондоне спектакли проходили так же успешно. Мне было очень жалко оставлять новорожденный балет на чужой земле. И по приезде в Москву началась работа над «Снегурочкой» на ее родине.

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В РИМЕ

В начале 1965 года в Риме на сцене оперного театра состоялась премьера оперы Чайковского «Евгений Онегин». Спектакль поставлен известным американским дирижером Лорин Маазелем.

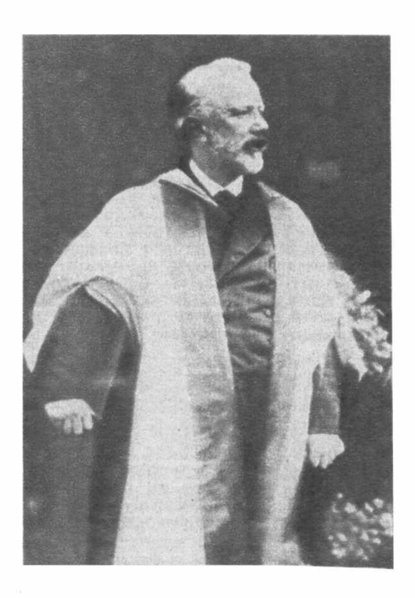
Роль Татьяны готовили две певицы, только перед премьерой был сделан выбор.

На снимке: на репетиции Лорин Маазель дает указание исполнительницам роли Татьяны.

СЛЫШНА

Осенью прошлого года на выставке ГДР москвичи рассматривали сложное сооружение — макет сцены Большой лейпцигской оперы, оборудованной по последнему слову техники. На этой сцене год назад советский режиссер Б. Покровский и художник Б. Мессерер поставили «Пиковую даму» П. И. Чайковского. Одновременно в Берлинской комической опере над постановкой той же «Пиковой дамы» работал главный интендант театра (по-нашему, главный режиссер) Вальтер Фельзенштайн — талантливый постановщик-новатор. Обе премьеры почти совпали —

ЛИСТАЯ ПОЖЕЛТЕВШ

В 1893 году в Лондоне П. И. Чайковскому было присуждено звание доктора музыки. Профессор Кембриджского университета Мейтланд снимал торжественную церемонию, но о существовании снимка в России ничего не было известно. Только недавно дочь профессора Мейтланда нашла в архиве отца негатив и переслала его.

Режиссером первой постановки «Онегина» в 1879 году, осуществленной силами консерваторской молодежи, был известный драматический артист И. Самарин.

«Да помните вы, чертенята, что вы священнодействуете!» — кричал он на репетиции будущим исполнителям, а среди них многие не умели даже ходить по сцене.

Увлеченный новаторством оперы Чайковского, Самарин хотел ее поставить по-новому; он не признавал оперной условности и требовал от исполнителей игры, как в драматическом театре. Поэтому так бурно протекали репетиции, так много было споров с дирижерами, с Н. Рубинштейном, который главным считал точность музыкального исполнения.

Интересно, что сам Чайковский часто брал в этих спорах сторону Самарина.

К Самарину же композитор обратился с просьбой: подписать слова для последней музыкальной фразы Евгения. Кто сочинил эти слова: «Позор, тоска, о жалкий жребий мой!» — пока все остается невыясненным.

* * *

В 1868 году в Москву с итальянской труппой приехала Дезире Арто. Побывав на одном из спектаклей с ее участием, Чайковский уже не пропускал следующих. ...Если бы ты знал, какая певица и актриса Арто, — пишет он брату. — Еще никогда я не бывал под столь сильным обаянием артиста, как в сей раз... Как бы ты восхищался ее жестами и грацией ее движений и поз! Судя по рассказам, Арто не была красавицей, но, человек большой душевной одаренности, она привлекала к себе решительно всех силой обаяния и мягкой женственности.

Чайковский увлекся ею не только как актрисой. К концу года они уже были женихом и невестой. Свадьбу назначили на лето. Друзья отговаривали композитора: суетная жизнь, вечные переезды с женой могли помешать его творчеству. Наступил разрыв. И когда в следующем сезоне артистка снова выступила на сцене Большого театра, она уже носила фамилию мужа.

* * *

Один из великолепных концертных залов Америки — Карнеги-холл — был открыт в 1891 году. Композитора пригласили на открытие, оказав ему поистине триумфальный прием. В письме к племяннику он рассказывал: оказывается, что я в Америке вдесятеро известнее, чем в Европе. Сначала, когда мне это говорили, я думал, что это преувеличенная любезность, теперь я вижу, что это правда. Есть мои вещи, которых в Москве еще не знают, а здесь их по нескольку раз в сезон исполняют и пишут целые статьи и комментарии к ним (например, «Гамлет»)... Вызывали без конца, кричали... махали платками,— одним словом, было видно, что я полюбился в самом деле американцам.

* * *

Модест Ильич Чайковский, увидев в 1912 году «Онегина» с уча-

У ТЕЛЕФОНА ВАН КЛИБЕРН

Заказываем Нью-Йорк. Через несколько часов женский голос сообщает, что абонент ожидается к вечеру.

— Будете ждать?

— Конечно. Ведь не так просто застать Клиберна в Нью-Йорке.

Наконец:

— Соединяю... Говорите...

Рассказываю о предстоящих торжествах в Москве — 125-летии со дня рождения П. И. Чайковского. Услышав имя Чайковского, Ван встрепенулся:

— Очень жалею, что не смогу присутствовать на торжествах, посвященных 125-летию со дня рождения Чайковского. Мои гастроли в Советском Союзе начнутся только 1 июня, а до этого — контракт есть контракт — играю в Европе. Сперва в Португалии, потом на музыкальном фестивале в Испании. Наверно, как всегда, буду играть Первый концерт Чайковского. Он пользуется такой любовью в Европе, что нет страны, где не пришлось бы его исполнить. Я же его играю с 12 лет. Больше обычного волнуюсь перед концертами в Москве. Мне предстоит выступить и в качестве дирижера — так сказать, мой дебют перед советской публикой. За дирижерскую палочку я взялся четыре года назад. Это была моя давнишняя мечта. Первый раз я выступил как дирижер и солист в Третьем концерте Сергея Прокофьева.

Теперь дирижирую «Симфоническими танцами» Сергея Рахманинова, увертюрой Дмитрия Кабалевского «Кола Брюньон», симфонией Брамса, «Романтической симфонией» современного американского композитора Хенсона, «Адажио для струнных» Барбета... Но в общем, не так много. Между прочим, в прошлом году я выступал с детской оперой Прокофьева «Петя и Волк». В роли рассказчика со мной выступила 17-летняя дочь нашего президента — Люси Джонсон.

В предстоящий приезд в Ленинград я собираюсь принять участие в фестивале «Белые ночи», он в этот раз будет посвящен творчеству Прокофьева. Буду выступать с оркестром и с сольными программами. Надо сдержать слово, данное ленинградцам в 1962 году. В последний раз я не смог посетить город, который мне очень дорог, и не только воспоминаниями о теплом приеме. В этом городе находится могила П. И. Чайковского, горсть земли с нее я увез к себе домой, в Америку, еще в 1958 году.

Собираюсь ли я дирижировать произведениями Чайковского? Хочу, очень хочу. Но по-прежнему главное в моей жизни — рояль. А в моем репертуаре дирижера пока только одно произведение Чайковского — симфоническая поэма «Ромео и Джульетта». Я впервые исполнил ее 1 августа 1963 года.

Мечтаю когда-нибудь дирижировать его симфониями, но об этом говорить пока рано. Музыка Чайковского не просто эмоциональна и выразительна. Это умная музыка, заставляющая чувствовать и думать, думать о жизни и обо всем, что окружает нас.

Г. БЕЛЯЕВА

Ван Клиберн в Ленинграде у могилы Чайковского.

ПОВСЮДУ

весна 1964 года. Оба спектакля идут и сейчас с большим успехом.

...Директор Варшавской оперы Ждислав Сливинский с нескрываемой радостью сообщил по телефону: «Мы готовимся праздновать новоселье... 18 сентября на Театральной площади польской столицы, на месте разрушенного фашистами театра, откроет сезон Большой театр Польши. Среди первых спектаклей будет «Лебединое озеро». Ведущие наши танцовщики Мария Кржижсковская, Божена Котюлковская, Генрих Геро, Збигнев Стрелковский уже сейчас с увлечением готовятся к премьере».

Их увлеченность разделяет артист венгерского балета Виктор Фюлеп.

«Танцевать в балетах Чайковского — для каждого танцовщика счастье,— говорит он.— Настоящее творческое счастье! Сюжет наивен, но зато как чисты и прекрасны чувства, которые должен передать артист! Чтобы их выразить, мало одной техники, работа над образами Чайковского — очень большой труд. Но чем больше артист может отдать себя людям, тем он счастливее. Поэтому я так люблю свои партии в «Лебедином озере» и «Щелкунчике». Балеты эти не сходят со сцены театра в Будапеште почти два десятка лет. Так что можно сказать: молодой венгерский классический балет рожден и выпестован на музыке Чайковского».

А чем живет в предъюбилейные дни Злата Прага? Какие произведения Чайковского идут сейчас на ее сценах?

В ответ на эти вопросы в посольстве сказали: «О, это очень длинный список!

У нас в стране, пожалуй, нет оперного театра, где не звучали бы оперы, не блистали балеты Чайковского, нет симфонического оркестра, не исполняющего его произведений. С тех пор, как в 1888 году Чайковский дирижировал в Праге оперой «Евгений Онегин», а позднее «Пиковой дамой», мы считаем этого великого композитора своим соотечественником.

И сегодня по-прежнему слушаем «Пиковую даму», «Евгения Онегина», «Черевички», смотрим «Щелкунчика», «Спящую красавицу», «Лебединое озеро». Музыка Чайковского на его «второй родине» звучит в театрах, концертных залах, ее передают по радио и телевидению, она входит как близкий друг в каждый наш дом».

Эльвира ПОПОВА

ИЕ СТРАНИЦЫ...

стием Собинова, воскликнул: «Как жаль, что брат не дожил до такого Ленского! Это как раз то, о чем он в разговорах со мной не раз мечтал, но в возможность чего не верил».

Партия Ленского — любимейшая в репертуаре Леонида Витальевича Собинова — была последней, которую исполнил на сцене шестидесятилетний певец, уступая настойчивым просьбам молодежи театра, не видевшей его ранее в роли Ленского.

М. Максакова—Ольга вспоминает, что, услышав фразу: «Ужель я заслужил от Вас насмешку эту?»,— а в ней и горечь, и ревнивый упрек, и робкую надежду, и любовь, она взглянула Собинову в глаза и обомлела от восторга. Перед ней был Ленский. И было ему без малого осьмнадцать лет ...

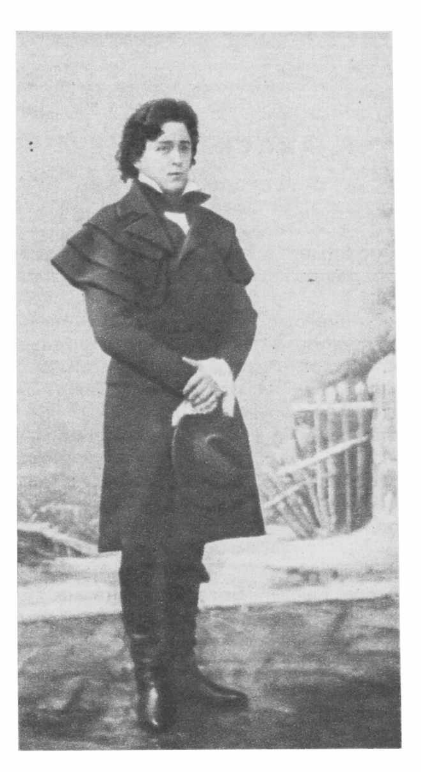
* * *

Постоянная творческая самоуглубленность Чайковского делала его человеком рассеянным, и об этой рассеянности знакомые и друзья композитора рассказывали забавные случаи... Однажды, задумавшись по обыкновению, Чайковский шел по улице в Женеве, куда приехал, чтобы ни с кем не встречаться и работать без помехи. Вдруг какая-то незнакомая дама остановила его радостным восклицанием на русском языке: «Петр Ильич, какая приятная неожиданность!» «Простите, сударыня, я не Чайковский»,— поспешно ответил композитор, не замечая, что выдал себя с головой.

* * *

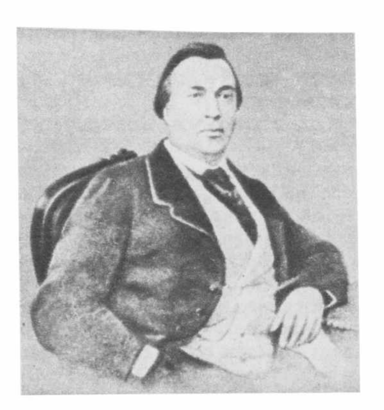
Образы героев — действующих лиц в операх Чайковского—становились для него близкими и как бы совершенно реальными существами.

Написав сцену смерти Германа, композитор горько разрыдался и поторопился уехать из Флоренции, где, работая над «Пиковой дамой», предполагал оставаться дольше... После этого, приезжая во Флоренцию, которую раньше очень любил, Чайковский всякий раз, как он сам говорил, испытывал такое чувство, будто похоронил здесь родного человека.

Ленский — Собинов.

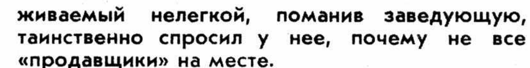

И. В. Самарин.

Борис ЗУБАВИН **РАССКАЗ** Рисунок И. УШАКОВА

Наступал морозный вечер. Было зеленое небо, негреющее солнце за соснами и голубые, холодные тени по снегу, растянувшиеся поперек главной улицы, ведущей от железнодорожного переезда к поселковому Совету и почте. Даже по этой улице давно уже ходили не по тротуарам, заметенным сугробами, а посреди дороги, укатанной колесами автомобилей и утоптанной пешеходами так, что она жирно лоснилась в этот предвечерний час.

Над домами стояли сизые, чуть розовеющие с запада неподвижные дымы. Всюду топили печи, мороз все крепчал, и ночь в такой безветренной тишине должна была быть яростно-звездной, с черным бархатным небом, как и надо, чтоб она была в канун Нового года.

Капитан милиции, или как его все звали в поселке участковый, Карпов легко, не торопясь, шагал, поскрипывая снегом, посреди улицы, чуть отстав от толпы, высыпавшей вместе с паром из теплых вагонов электрички и с топотом скатившейся по заледенелым ступенькам платформы.

Карпов ездил в соседний городок, его вызывал начальник районного отделения. Разговаривали откровенно, доброжелательно, и тем не менее у Карпова было очень смутно на душе. Начальник клонил все к тому, что в милиции растет талантливая молодежь, многие уже окончили юридические, автодорожные, филологические факультеты, и им надо давать дорогу, простор.

Капитан Карпов за всю свою жизнь ничего такого не успел окончить. Он все служил, стараясь как можно лучше,— в погранвойсках, в милиции,— думал и дальше долго еще будет так служить, а тут вдруг понял, что после Нового года надо подавать на пенсию. Это огорчило его.

«Ну и ладно,— думал он теперь, успокаивая себя.— Уйду. Может, я в самом деле устал. Стану ходить по улицам, как посторонний, и до всего не будет мне никакого дела».

А он был кряжист, широкоплеч, круглолиц, нахлобученная на уши шапка делала его лицо еще круглее, скуластее и добрее, чем на самом деле.

В поселке он обосновался давно — как демобилизовался из армии, семнадцать лет назад: все эти годы служил участковым и про тех, кто жил на его участке, особенно про мужчин, знал, где и кем они работают, какая у них семья, какой заработок и так далее. Его тоже все знали — от старух до первоклассников.

Иные дома зимой стояли заколоченными, хозяева их, дачники, приезжали в поселок только на лето, но и об их жизни он тоже многое знал, хотя и не так подробно, как о жизни тех, которые были на его глазах круглый год.

На участке Карпова давно уже не случалось ни краж, ни драк, ни иных нарушений общественного порядка, он простосердечно гордился этим перед другими офицерами, хотя те были много грамотнее его. Карпов, к примеру, всех продавцов почему-то называл «продавщиками». Знал, как надо говорить правильно, вообще старался не произносить этого слова, чтобы не конфузиться, но оно, черт бы его побрал, так и просилось на язык.

Сегодня по пути в районное отделение нелегкая занесла его в магазин сельпо. Он даже и не собирался заходить в этот магазин, но нелегкая вдруг завладела его ногами, и те, подчиняясь ей, затащили туда Карпова. Так, вероятно, злодейка нелегкая затаскивает каждого уважающего себя мужчину в такие места, куда он даже и не собирался заглядывать. В закусочную, например. А ведь туда, известно, только ногой ступи.

Предпраздничная торговля в магазине шла бойко, весело, можно бы и поворачивать назад, но коварная нелегкая уже успела завладеть не только ногами участкового, а всем его существом. Он уже, помимо своей воли, козырем прошелся вдоль прилавков и, подзуживаемый нелегкой, поманив заведующую, таинственно спросил у нее, почему не все «продавщики» на месте.

Заведующая засмеялась и сказала, что недостающий «продавщик» расфасовывает в подсобке товар, а Карпов, которого в этот момент покинуло наваждение, понял свой промах и смутился.

Теперь, поскрипывая хромовыми сапожками по морозному снегу, он вспомнил этот случай, но даже не рассердился на себя за оплошность, как это бывало раньше, а очень спокойно, расчетливо опять представил разговор с начальником и печально хмыкнул.

Тем временем по давней привычке, выработанной еще на границе, он быстро и незаметно оглядывал редких прохожих. Но все это были знакомые, и он раскланивался с ними.

Вдруг Карпов насторожился: встречь ему неторопливо скользил на лыжах чужой человек с охотничьим ружьем на плече. Был он в валенках, галифе, стеганой куртке, пыжиковой шапке и так же, как и Карпов, круглолиц и шлепонос.

— Здравствуйте. На охоту ходили?— с приветливой, простодушной улыбкой осведомился Карпов.

Они остановились друг против друга. Карпов как бы ненароком преградил дорогу незнакомцу.

— Тулочка?—восхищенно продолжал Карпов.— Не откажите в любезности, поскольку сам люблю поохотиться, особенно по водоплавающей,— и, не дожидаясь разрешения, протянул руку к ружью, властно снял его с плеча незнакомца.

Тот не проронил пока ни одного слова и иронически рассматривал Карпова темными умными глазами. А капитан, делая вид, что не замечает этого проницательного, насмешливого взгляда, повертел ружье в руках, любуясь им, и откинул ствол. Ружье оказалось незаряженным.

— Хорошо, хорошо,— восхищенно приговаривал Карпов, вскинув ружье и глядя в него через червонно-зеркальные, стремительно сужающиеся к небу ствольные отверстия.

— Так ни разу и не стрельнули?—умильно удивился он, успев тем временем на всякий случай прочесть и запомнить своей острой, цепкой памятью номер ружья.

Незнакомец продолжал снисходительно усмехаться. Он прекрасно понимал, для чего этому хитрому милиционеру понадобилось восхищаться самым обыкновенным ружьем, и терпеливо ждал, что будет дальше.

— А я, простите, вроде бы не видел вас в нашем поселке,— великодушно протягивая ему ружье, молвил Карпов.— Или вы не здешний?

— Не здешний,— сдержанно сказал незнакомец.— Что еще интересует вас?

— Совсем ничего.— Карпов козырнул.— Будьте здоровы. Желаю хорошо встретить Новый год!

— И вам тоже,— церемонно, насмешливо поклонился незнакомец и, вскинув ружье на плечо, не спеша и старательно заскользил, разъезжаясь, по глянцевитой дороге.

Карпов поглядел ему вслед и отметил, что на лыжах он стоит не очень уверенно.

Человеку, скользившему на лыжах, эта встреча испортила настроение. Он приехал сюда утром из города, чтобы перед встречей Нового года походить на лыжах. Позавтракав, он вышел из дому, вскинул на плечо ружье и долго бродил по лесу, то целиком, то выходя на укатанные полозья лыжни, намахался руками и ногами, приятно устал, уже остро предчувствовал радость отдыха, домашнего тепла, как повстречался этот не в меру старательный капитан.

А капитан Карпов, опять думая о разговоре с начальником райотдела, шагал своей дорогой.

На перекрестке Почтовой и Коминтерновской, самых многолюдных в поселке улиц, он увидел паренька, читавшего, задрав голову, налепленные на телеграфный столб объявления. Паренек был одет совсем не по-морозному, легко, будто на скорую руку. На нем было коротенькое продувное пальтишко, модные узенькие порточки и столь же модные башмачки на подошве толщиной с кленовый листок. На голове его торчала не менее легкомысленная кепочка. Мороз прохватывал паренька насквозь, и он пританцовывал, словно бегун перед стартом.

— О, кого я вижу!— радостно закричал Карпов.— Здравствуй, Женька!

Паренек, однако, не выказал такой радости, когда оглянулся и увидел, кто стоит перед ним, улыбаясь во все свое широкое, доброе лицо.

— Здравствуйте, товарищ начальник,— сдержанно сказал он.

— Прибыл?

— Как видите.

— Давно?

— Две недели назад.

— И не зашел! Как же это мне расценивать?

— Как хотите.

Помолчали. Женька стоял насупясь, глубоко сунув руки в карманы пальтишка. Карпов, по-прежнему радушно улыбаясь, рассматривал его.

— Где же ты работаешь?

— Нигде.

— Почему?

— А потому, что не берут,— жестко и зло сказал Женька.— Вам понятно? Покрутят в руках документики и культурно показывают на дверь.

— Ай-яй-яй, вот и надо было ко мне идти, чудак!— с сожалением покачал головой Карпов и похлопал по Женькиному плечу своей огромной, как лопата, ладонью. Он сделал это доброжелательно, легонько, но Женька зашатался.— Ну, не горюй,— продолжал Карпов,— отгуляем Новый год, и я мигом схлопочу тебе должность.

— Это известно,— криво усмехнулся Женька, чуть отступив, чтобы Карпов не вздумал опять хлопнуть его по плечу.— Вы один раз уже схлопотали.

— Ты же меня благодарить должен, человек!— Карпов был великодушен.— Сколько твои дружки получили?

Женька поплясал на холоде, словно весенний журавль, и сказал:

— От четырех до шести.

— О!— воскликнул Карпов.— А тебе даже года не дали, отпустили до срока. Так?— Он приподнял вверх указательный палец.— А это потому, что я вовремя схватил тебя за руку. Помог опомниться. Понял?— Он доброжелательно, склонив голову набок, глядел на Женьку.— Дома у тебя в порядке?

— В порядке,— неохотно сказал Женька.

— Ну и хорошо. А чего ты здесь пляшешь? Женька кивнул на столб.

— Думал, кто на работу приглашает, а тут все кровати продают, детские коляски, еще чего... А то вот щенка ищут. Интересное, между прочим, объявление.

Карпов прочел:

«Дорогие граждане!

Кто нашел черненького щенка с белыми лапками, просим вернуть по адресу Каменная улица, дом пять. А то мальчик очень плачет».

Карпов огорченно крякнул. Каменная улица была на его участке. Пятый дом много зим пустовал, обитали тут лишь сезонные дачники, но нынче в нем осталась старушка с мальчиком, который серьезно болен и которому врачи прописали жить за городом. Родители, научные работники, жили в Москве и навещали мальчика каждое воскресенье.

А еще Карпову известно, что Женькины «дружки» пытались очистить именно этот дом и именно здесь Карпов арестовал их.

В компанию заезжих воров Женька попал случайно, стоял «на стреме» у калитки и был приговорен всего к семи месяцам заключения. Тем не менее вся эта история тогда очень огорчила Карпова, который считал своей прямой обязанностью наблюдать за тем, что делают и чем интересуются проживающие на его участке молодые люди. Выходило, что Женьку он тогда проворонил. Но вот все позади, малый на свободе, и надо будет ему всячески помочь.

— Объявление занятное,— сказал Карпов и внимательно поглядел на посиневшего от холода Женьку.

— Щенок-то — черт с ним, мальчика жалко!— отозвался Женька, поеживаясь от холода.

— Будем искать,— мгновенно решил Карпов.— Такая сейчас наша с тобой задача — найти этого дурного щенка, чтобы на нашем участке не было ни одного огорченного человека. Даже мальчишки. Ты иди к станции, а я по участку.— Карпов ударил кулаком по столбу.— Встретимся здесь. Понял?

— Понял,— сказал Женька.

Еще глубже сунув руки в карманы и так вздернув плечи, словно пытаясь, вроде улитки, влезть в свое пальтишко вместе с головой и кепочкой, он резво зашагал к железнодорожному переезду.

А Карпов не спеша тронулся в обход, намереваясь обойти участок таким манером, чтобы прилегающие к Каменной улице заснеженные переулки и тупички все время были в центре его внимания. Щенку, как рассудил Карпов, деваться было некуда. Он давно должен был скулить возле чьей-нибудь калитки. Тут-то Карпов и намеревался взять его.

Однако вот и квартал, определенный им в уме, замыкался, а щенка все не было видно.

Мороз тем временем крепчал. У Карпова вовсе зашлись ноги в легких его сапожках, покраснел нос, и он уже дважды тер варежкой то одну, то другую щеку.

Солнце только закатилось, а небо из зеленого вдруг легко превратилось в синее, быстро загустело, и на нем замигали, проявляясь то тут, то там, звезды. На земле после этого враз потемнело. Еще сильнее и яростнее заскрипел под ногами снег.

Но все это капитан Карпов перестал замечать. Дело в том, что впереди него с некоторых пор замаячила чья-то фигура в теплой ватной куртке... «Кто бы это мог быть?»— подумал любопытный Карпов и догнал незнакомца. Тот резко обернулся. Карпов, изумясь, приложил руку к шапке и сконфуженно сказал:

— Прошу прощения.

Перед ним был тот самый человек, у которого он недавно и, как ему казалось, очень невинно проверял ружье.

— Вы что же?..— сказал незнакомец, теперь уже откровенно зло глядя на капитана из-под насупленных бровей.— Вы что же,— повторил он, передохнув,— в самом деле решили преследовать меня? Я понимаю, что вы исполняете свою службу, но есть же меры приличия, такта... В конце концов не позволю!.. По поселку, оказывается, нельзя гулять без особого внимания милиции!

Капитана Карпова эта встреча тоже взбесила не на шутку.

«Идите вы к чертовой матери!— зло подумал он.— Мне нет до вас никакого дела, я занят своими заботами, мне совершенно наплевать, ради чего вы тут бродите».

Но не таков был капитан Карпов. Больше всего на свете он уважал ту должность, которую исполнял, те погоны, которые носил, те до блеска начищенные сапожки, что так обжигали сейчас его ноги, что никак не смел уронить достоинство и ответить на грубость незнакомца тоже обидными и резкими словами.

Усмирив гнев, он сдержанно ответил:

— Извиняюсь. Прошу прощения.

Незнакомец угрюмо оглядел Карпова и шагнул в сугроб, уступая ему дорогу.

— Всего хорошего,— добродушно сказал Карпов и пошел, поскрипывая по морозному снегу совсем уже, казалось бы, голыми ногами.

И тут получилась удивительная история: вслед за Карповым стал пробираться и незнакомец. Карпов повернул направо и опять, даже не оглядываясь, узнал своим особым, присущим только ему чутьем, что незнакомец и здесь идет следом.

Нет, он не боялся преследователя! Было только неприятно, что тот отвлекает его, мешает ему сосредоточиться и внимательно глядеть по сторонам.

В одном из переулков незнакомец отстал. Но вот и перекресток, и столб, и уже желтеющий фонарь над ним, и танцующий в свете этого фонаря весь иззябший Женька.

— Что же вы пропали, товарищ капитан? Так я могу и концы отдать,— плачущим голосом проговорил Женька, увидев входящего в свет фонаря, бодро размахивающего своей офицерской сумкой Карпова.

— Нашел?— деловито осведомился Карпов.

Женька оттопырил воротник пальто, и на Карпова уставилась добродушная вислоухая собачья морда.

— Где?

— В забегаловке на станции, как вы сказали. Сидит под столиком и вообще...

— Понесешь за мной,— распорядился Карпов.— Шагом марш!

Шли недолго. Каменная улица была рядом. Карпов смело, по-хозяйски толкнул ногой калитку и, прошагав по разметенной тропке к ярко освещенному дому, постучал вконец захолодевшими ногами по порожку крыльца.

Женька приплясывал сзади него.

Дверь открыл тот самый опостылевший Карпову незнакомец.

— Так,— зловеще сказал незнакомец, увидев добродушную замерзшую физиономию участкового.— Даже в моем доме вы не можете оставить меня в покое.— Он с отчаянием всплеснул руками.— Это невыносимо!

Это было выше его сил. Казалось, он все блестяще продумал: взял на работе свободный день, приехал на дачу загодя, вдоволь набродился. Пока не повстречался с этим дотошным милиционером. И с этой встречи все полетело вверх тормашками. Придя домой, он узнал, что пропал щенок, забава его больного мальчика, тут же пошел искать щенка, заблудился на незнакомых улицах, а милиционер вновь настиг его, очень уже уставшего, рассерженного и огорченного.

Теперь капитан вновь стоял перед ним.

— Извиняюсь,— охрипшим голосом сказал Карпов и обернулся к Женьке.

Малый, пританцовывая, продвинулся к крыльцу и поспешно вытащил из-под пальто теплого вислоухого щенка.

— Этого не может быть!— вскричал незнакомец.— Нашли!— заорал он в дом.— Проходите, проходите,— уже радушно приглашал он Карпова и Женьку и сам, счастливый, пошел впереди, бережно неся щенка, уверенный, что и они разделят его радость и последуют за ним.

Карпов и Женька в самом деле вошли в жаркие, сильно освещенные комнаты. Там уже стояла большая, увешанная игрушками елка и только что накрытый хрустящей накрахмаленной скатертью стол.

Бледный, печальный мальчик, сидевший в углу дивана, спрыгнул на пол и просиял от радости.

— Ну и хорошо,— просипел Карпов.— Все, значит, в порядке. Будьте здоровы.

— Кому я обязан?— растерянно спросил незнакомец.— Это так необыкновенно...

Но Карпов с Женькой уже спустились с крыльца, прошли по тропке и хлопнули калиткой. Тут они, правда, постояли, и Карпов спросил:

— Ты куда же теперь?

— Домой,— бодро сказал Женька.— Меня давно дома ждут, сами понимаете, Новый год.

А дома его никто не ждал. Мать, повариха, всю ночь будет работать в ресторане, старшая сестра — танцевать на своем фабричном новогоднем балу.

— Ну, бывай,— сказал Карпов, пожав ему руку.

И уже дома, сняв мундир и согревшись, разговаривая с женой, накрывавшей новогодний стол, Карпов все беспокойно думал, а о чем, и сам не мог понять. Он перебирал в памяти и разговор с начальником, и историю со щенком, и нелепые встречи с незнакомцем,— это было просто и понятно, и что-то тем не менее не давало ему покоя. Что-то он упустил, не довел до конца, что-то надо было выполнить завтра же утром, не откладывая. Дел у него, оказывается, было еще много, и ему до жути стало жаль так вот, не закончив, расставаться с ними. Хотя бы с этим неустроенным Женькой.

На тихом фронте

Яков **ХЕЛЕМСКИЙ**

ГДЕ ТЫ КОНЧАЛ ВОЙНУ!

Уже двадцатилетье миновало,
И, что ни год, наращиваем счет,
А все я вижу щели, и завалы,
И землю, что качается, как плот,
И зыбкую лежневку через топи,
Осевшую под тяжестью сапог,
И лужу в наспех вырытом окопе,
И едкий над землянками дымок.

...Достаточно сойтись былым солдатам,
Всплывет вопрос — беседы всей итог:
— А где тебя носило в сорок пятом?
Ты где войну-то завершил, браток?

Пойдут ответы:
— Я в самом рейхстаге!
— Под Веной ногу прострелило мне.
— Я дважды завершал... Весною в Праге
И осенью в маньчжурской стороне.

— А я в Париже... Был в плену, в Эльзасе.
Случалось и такое, старики.
Из лагеря бежал. От пули спасся.
Стал партизаном. Воевал в маки́.

Всех выслушав, пренебрегая риском
Прослыть провинциалом (он привык):
— А я войну кончал на Прибалтийском,—
Негромко скажет пятый фронтовик.
Куда ему до остальных!
Но, право,
Мне скромность прибалтийца дорога.

* * *

Меж городами Ту́кумс и Либава
Зажали мы,
держали мы
врага.
«Тотальников», подростков желторотых,
Гнала на фронт Германия в те дни.
А тут ржавели в чащах и болотах
Дивизии отборной солдатни.
Их били, из «мешка» не выпуская,
Их всюду неусыпно стерегли
Пехота,
авиация морская,
Балтфлота боевые корабли.

...Пускай о вас не сложены баллады,
Молва не разнеслась во все концы,
Но вам чрезмерно скромничать не надо,
Второго Прибалтийского бойцы.
Война — не только мчащиеся танки,
Не только гул решающих побед.
Она — уменье ждать, копать землянки,
Толкать машину, сползшую в кювет.
Она — уменье обеспечить фланги,
Когда не ты штурмуешь, а сосед.

В БЕРЛИНЕ И У НАС

Сейчас в Берлине, в шумном Карлсхорсте,
Подводится большой итог войны.
Съезжаются корреспонденты, гости,
Союзных армий высшие чины.
Уже к столу подводят побежденных.
Они еще в мундирах и погонах.
И Кейтель перед тем, как сесть на стул
И расписаться в пораженье полном,
Какой-то старый ритуал исполнив,
Нелепо жезлом маршальским взмахнул.

...Здесь все у нас куда скромней и проще.
Обычный домик средь сосновых рощиц.
Но все-таки История и тут
Присутствует, чтобы в свои анналы
Все занести, не пренебречь и малым.

Командующий входит. Все встают.
Он офицерам руки жмет: — С Победой!
Мне кажется, что слышен стук сердец.
О, сколько дней мечтали мы об этой
Минуте!
Наступила наконец!

Немецкий генерал в малолитражке
Сдаваться прибыл, спесью обуян,
В своей высокой вздыбленной фуражке,
Напыщенный, сидит, как истукан.
Сидит, как будто он почетный гость.
Все ленты и регалии на месте.
Блестит монокль. Посверкивает перстень,
Как будто ничего и не стряслось.
Но пальцы, что покрыты рыжей шерстью,
Предательски дрожат, сжимая трость.
С ним свита — генерал пониже чином,
И оберст, представительный вполне,
С ним адъютант — изысканный мужчина
С изящной папкой, в крагах и в пенсне.
От напряженья потный и багровый,
Платком протерши лысину сперва,
Шпаргалку вынув, хрипло просит слова
Всей этой «делегации» глава.
Он изрекает:
— Группировка наша
Стояла, как германский бастион.
O, Gott mit uns![1] Солдат наш есть бесстрашен
И фюрером достойно награжден.
Я дважды был великих войн участник.
Здесь, на Восточный фронт. И вот опять
Для нас исход случается несчастный.
Но я притом обязан заявлять,
Что мы могли бы продержаться долго
In Kurland[2]... Но Берлин gefallen, пал.
В сознании исполненного долга
Нам разрешает наш гросс-адмирал
Покинуть пост... Тяжелая утрата.
Вся нация в слезах. Но в скорбный час
Геройский дух курляндского солдата
В страданьях обнадеживает нас.

Командующий выслушал спокойно
Тираду эту.
— Ясно, генерал.
Вас ничему не научили войны.
Я тоже дважды с вами воевал.
Итак, выходит, ваша группировка
Покрыта славой,— усмехнулся он,—
Но то, что по-немецки «бастион»,
То в русском переводе — «мышеловка».
Итак, держаться дали вам приказ.
Мол, вы герои. «Дейчланд юбер аллес»[3].
Но вы в «мешке» курляндском оказались.
Держались вы? Нет, мы держали вас!
Но возвратимся к теме нашей встречи.
Итак, Берлин gefallen... Пал Берлин.
Сдаетесь? Выход, видимо, один.
К чему, скажите, ваше красноречье?
Здесь места нет напыщенным словам.
Учтите факты. Вы же не младенец.
Сдаетесь ведь?
— Так приказал нам Дениц...
— Так пораженье повелело вам!

* * *

...По фронту густо выброшены флаги,
Они белеют с вражьей стороны.
Сдавай оружье, отправляйся в лагерь,
Виновник разрушительной войны!

Вот обер-лейтенант, холеный малый.
Сама любезность. Выдержка видна.
Но за очками у него, пожалуй,
В глазах белесых ненависть одна.
И он сдает, копаясь в длинном списке,
Фауст-патроны, автоматы, диски,
Винтовки, бронебойки — целый склад.
Гранаты с деревянной рукояткой.
Старательно сдает, как будто рад.

А наш комбат сверяется с тетрадкой.
Чуть усмехаясь, говорит комбат:
— Стой! Где же пулемет вон с той площадки?
— Herr Hauptmann, das ist alles...[4]
— Нет, позволь.
Ты брось мне тут загадывать загадки.
Мы ночью засекли его.
— Jawohl[5]
И вот уже ефрейтор белобровый
Услужливо сгибается, несет
Крупнокалиберный, почти что новый,
Еще вчера стрелявший пулемет.

...В рассветной дымке дремлет краснолесье,
Прохладный бор туманами повит.
Но жаворонок в сизом поднебесье
Над обнаженной озимью звенит.
Над елями поет, над валунами,
Над луговиной в россыпях росы.

Повеселели дюны над волнами
И рощицы прибрежной полосы.
Травою покрываются воронки,
Подсохли танковые колеи.
И, напрягая все свои силенки,
У дзота копошатся муравьи.

Обложенные дерном капониры,
Орудий отгремевшие стволы,
Одетые в защитные чехлы,
Молчанием встречают Утро Мира.
Фанерный щит:
«Дорога под обстрелом».
Вчера пришлось бы двигаться в объезд.
Теперь не то.
Езжай, водитель, смело!

Из поэмы.

[1] О, бог с нами!

[2] В Курляндии.
[3] Германия превыше всего.
[4] Господин капитан, это все.
[5] Так точно.

А. Лактионов. ПИСЬМО С ФРОНТА. 1947.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Дейнека. ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ. 1942.

Государственный Русский музей.

В. Костецкий. ВОЗВРАЩЕНИЕ. 1945—1947.

Киевский государственный музей украинского искусства.

Все от врагов очищено окрест.
Сияет небо над пустым окопом,
Над ржавыми спиралями Бруно́.
Меж облаков пробив себе окно,
Голубизна смывает гарь и копоть
С усталых лиц и обожженных рук.
И все преображается вокруг.

* * *

А у шоссе, под яблоневой кроной,
Средь первых лепестков и росных брызг,
Как будто белой люстрой озаренный,
Стоит простой фанерный обелиск.
Тут все еще свежо: венки из хвои,
Штакетник новый, пахнущий смолой,
Могильный холмик, дерна свежий слой
С несмелою весеннею травою.
Тут все свежо: и острота печали,
И надпись, что чернеет пред тобой:
«В бою за Тукумс смертью храбрых пали...»
А бой за Тукумс был последний бой.
И пять пятиминутных фотографий
На памятнике временном видны.
И, значит, пять солдатских биографий
Оборвались на краешке войны.
Пришлось, должно быть, с документов
снять их —
Те карточки. У каждого нашлась.
На белых уголках следы печатей,
А на одной кровинка запеклась.

Друзей теряя, муки принимая,
Мы в эти годы все смогли стерпеть.
Но дата гибели — восьмое мая —
Бьет по́ сердцу наотмашь, словно плеть...

* * *

Еще вчера с усердьем и упорством
Они сопротивлялись как могли.
Теперь они отмеривают версты,
Мундиры и пилотки их в пыли,
Без ропота идут в часы развязки.
Как роботы идут. А пыль густа.
И посерели белые повязки
На рукавах. И выправка не та.
Вглядись, у них уже не лица — маски,
В глазах потухших только пустота.

Здесь оберсты и обер-лейтенанты,
Тут все чины и звания подряд.
Их кухни за колоннами дымят,
Скрипя, ползут повозки с провиантом.
Над каждой фурой — флаг капитулянтов,
Венчающий последний их парад.

А следом едут пушки всех калибров.
Должно быть, на потеху детворе
Был кем-то знак для канониров выбран —
Мюнхгаузен, летящий на ядре.
Красуется изображенье это
И на стволе и на щитке лафета.
На тягачах и на трескучих фурах —
Везде барона-хвастуна найдешь.
Но канониры что-то смотрят хмуро:
Не помогли ни хвастовство, ни ложь.
И стало быть, не очень-то надейся
На блеск реклам и мишуру значков.

Но вновь мелькают стрелы, эдельвейсы —
Трескучая геральдика полков.
Драконы, белки, черные олени,
Слоны и тупомордые быки.
Цветную мишуру изображений
Проносят на бортах грузовики.

...Путем позора, как по жарким углям,
Теперь они идут за взводом взвод.
Инерция тупая их ведет.
Так ходят механические куклы,
Когда уже кончается завод.

* * *

Те, что сегодня к западу от Эльбы,
Опять муштруют молодых ребят,
Проводят смотры, производят стрельбы,
На реваншистских сборищах вопят.
Те, что опять горланят: «Über alles!» [1] —
И рвутся воевать в который раз,
Пусть лучше вспомнят, как они сдавались
В Берлине
и в Курляндии у нас.

[1] Превыше всего!

ЗОРГЕ

Сергей ГОЛЯКОВ,
Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

54

Донесение Зорге от 11 апреля 1941 г.

«Представитель Генерального штаба в Токио заявил, что сразу после окончания войны в Европе начнется война против Советского Союза».

55

«Всеми своими мыслями мы проходим вместе с вами Красную площадь. Рамзай. 1 мая 1941 года».

56

Телеграмма от 2 мая 1941 года: «Гитлер решительно настроен начать войну и разгромить СССР, чтобы использовать Европейскую часть Союза в качестве сырьевой и зерновой базы. Критические сроки возможного начала войны:

а) завершение разгрома Югославии,
б) окончание сева,
в) окончание переговоров Германии и Турции.

Решение о начале войны будет принято Гитлером в мае... Рамзай».

57

— Покой и только покой! Никаких движений. Все это очень серьезно. Гораздо серьезнее, чем может показаться.

Рихард недоуменно посмотрел на посольского врача.

— И даже не пытайтесь возражать. С сердцем шутки плохи.

Доктор поднялся, бережно спрятал секундомер в жилетный карман.

— Я, конечно, понимаю, что при вашем образе жизни, господин пресс-атташе, лежать в постели — невероятная мука. И все же придется потерпеть.

Рихард откинулся на подушку и закрыл глаза. Этой беды он совсем не ждал. И нужно же было, чтобы она свалилась на него именно теперь, когда он должен работать с двойным напряжением!..

Он вспомнил чьи-то случайно услышанные слова: сердце здорово до тех пор, пока ты не чувствуешь, что оно у тебя есть. Теперь Рихард чувствовал свое сердце. Мягкий болезненный комок сокращался неровно, вяло. И каждый удар отдавался во всем теле тупой, ноющей болью.

Доктор ушел. После него в комнате остался едва уловимый запах лекарств. И несколько бумажек на низеньком столике возле тахты.

Окончание. См. «Огонек» №№ 9—16.

Порывистым движением Рихард сбросил с себя покрывало. Нет, сейчас он не может болеть! Просто не имеет права.

Накануне вечером в саду посольства Рихард видел двух дипломатических курьеров. Значит, пришла новая почта. Мог ли он остаться равнодушным к содержимому опечатанных красным сургучом плотных брезентовых мешков, которые привезли из Берлина эти белобрысые громилы? Быть может, в них находились ответы на мучившие его загадки. Быть может, он уже сегодня сможет узнать дату начала гитлеровского вторжения в СССР.

Рихард стал быстро одеваться. Каждое резкое движение рождало новые приступы боли. Тысячи маленьких острых иголок впились в грудь, раздирали все тело. Кружилась голова, ноги подкашивались и дрожали. Да, это была расплата за многолетний труд, расплата за непрекращающееся напряжение всех духовных и физических сил.

Почти восемь лет он ни на минуту не знал покоя, не давал себе передышки. Восемь лет изнуряющей работы — разведчика, журналиста, нацистского чиновника.

Несколько месяцев назад он написал в Центр: «Я уже сообщал вам, что до тех пор, пока продолжается европейская война, останусь на посту... Мне между делом стукнуло 45 лет, и уже 11 лет, как я на этой работе. Пора мне осесть, покончить с кочевым образом жизни и использовать тот огромный опыт, который накоплен. Прошу вас не забывать, что живу здесь безвыездно и в отличие от других «порядочных» иностранцев не отправляюсь каждые три — четыре года на отдых. Этот факт может казаться подозрительным.

Остаемся, правда, несколько ослабленные здоровьем, тем не менее всегда ваши верные товарищи и сотрудники».

Невероятным усилием воли Зорге научился заглушать в себе щемящую тоску по дому, Родине, близким, друзьям.

Разум подчинялся воле. Здоровье отказывалось подчиняться. Оно требовало передышки, хотя бы короткого расслабления. Вчера вечером прозвучал первый звонок — сердечный приступ. Круги в глазах, непривычная слабость. Требование врача звучало веско и убедительно. Ему следовало подчиниться. И все же надо идти сейчас в посольство.

— Входи, входи, дорогой Рихард,— поднялся ему навстречу Отт.— А я уже собрался навестить тебя. Мне передали, что ты болен.

— Пустяки,— улыбнулся Зорге, садясь в кресло.— Думаю, что все обойдется. Просто нужно бросить курить.

— Боюсь, дорогой мой, ты выбрал не самое лучшее время для этого,— многозначительно проговорил Отт. Посол выдержал паузу и продолжал:— Дело в том, дорогой Рихард, что пройдет еще несколько месяцев, и мы станем получать не эту вот дрянь,— Отт презрительно кивнул на пачку немецких сигарет, лежавшую на столе,— а знаменитые русские табаки. Они, кажется, выращивают их в Крыму.

— И когда же все это начнется?— меланхолично спросил Зорге, догадываясь, к чему клонит Отт.

— Точную дату назвать не могу. Но знаю — где-то в июне.

Отт взглянул на часы. До обеденного перерыва оставалось около десяти минут. Неторопливой походкой он направился в другой конец кабинета. Там, в стене над портьеркой, рядом с портретом Гитлера, был замурован сейф.

Отт достал из кармана ключи на позолоченной цепочке, установил наборный механизм и повернул рукоятку. Массивная дверь плавно отошла. Посол вынул несколько папок с бумагами и подал их Рихарду:

— Посмотри, пожалуйста, эти бумаги, Рихард, там есть кое-что любопытное и для нас с тобой.

— Опять требуют какой-нибудь доклад?— спросил Зорге.

— Черт возьми!— Отт всплеснул руками. — У тебя просто дьявольская проницательность. Я очень рад, что ты так быстро поправился. Иначе мне пришлось бы очень туго. Предстоит написать целый трактат о внутреннем положении Японии. Ты сам понимаешь, насколько им важно знать перед началом Восточного похода, что у нас тут творится.— Отт снова взглянул на часы. Стрелка приближалась к двум.— Извини, Рихард, но мне пора.

Зорге сделал вид, что не расслышал этих слов. Он весь ушел в чтение секретных документов рейха. Отт вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь. Разве мог он подозревать, каких усилий стоило Рихарду скрыть свое волнение перед его уходом!

В папках, переданных ему послом, содержались важнейшие сведения о подготовке наступления гитлеровцев на Советский Союз. Точно указывались места предполагаемого пересечения советских границ, количество дивизий, сосредоточиваемых вблизи наших рубежей, оснащенность техникой и т. д.

Рихард лихорадочно перебирал тонкие листы бумаги с колонками цифр, схемами, планами. Кое-что он старался тут же запомнить. Но все запомнить было практически невозможно. Стоило лишь перепутать некоторые данные, и ценнейшая информация помимо воли Рихарда могла дезориентировать Центр.

Подождать еще несколько дней и вновь перечитать эти документы?

Но Зорге понимал: каждый час промедления мог обернуться потерей тысяч жизней в будущей войне. Кроме того, не было никакой гарантии, что он увидит документы еще раз.

Рихард взглянул на большие часы, стоявшие в углу кабинета. Отт отправился на обед и мог отсутствовать еще минут двадцать пять — тридцать. Как и большинство немецких чиновников, посол отличался крайней пунктуальностью и, как правило, не нарушал раз навсегда заведенного распорядка дня.

Зорге принимает решение. Содержимое секретных папок ложится на письменный стол. В руках Рихарда — миниатюрная фотокамера. Жадно ловя любой шорох, доносящийся из прихожей, он нажимает на спуск затвора. Главное — скорость. Быстрее, еще быстрее! Больное сердце бешено стучит. Отснято полтора десятка кадров. Самые важные документы — на пленке...

Несчастный случай может произойти в любую секунду: кто-то ошибется дверью, ненароком заглянет в кабинет... Раньше времени вернется Отт... Его секретарша...

Один глаз — на дверь, другой — в окошечко видоискателя. Бешено стучит в висках...

Когда Отт вошел в кабинет, Зорге сидел в глубоком кожаном кресле, там, где оставил его посол. Аккуратно сложенные папки лежали на столе. И, казалось, ничто не говорило о минутах нечеловеческого напряжения, которые только что пережил разведчик. Разве что эта неестественная бледность Рихарда. И Отт заметил ее.

— Мне сдается, Рихард, что тебе все же надо отдохнуть,— проговорил он, кладя руку на плечо Зорге.

Рихард как бы нехотя поднялся.

— Если ничего не случится, я буду вечером, как обычно,— сказал он, прощаясь.

Отт проводил его до дверей. Из окна своего кабинета он видел, как Рихард медленно пересек сад, утопавший в белой кипени цветущей сакуры. Рихард глубоко вдыхал терпкий аромат. Сердце постепенно успокаивалось.

Дома Зорге позвонил Вукеличу. Бранко явился ровно через пятнадцать минут.

Рихард передал ему пленки и продиктовал короткое сообщение в Центр.

— Телеграмму Клаузен должен отправить немедленно. Пленки вручишь связнику. Он будет здесь через неделю. Запомни: ресторан «Ямаго», три часа дня.

58

Вечером того же дня в эфир полетела телеграмма: «Против СССР будет сосредоточено 9 армий, 150 дивизий. Рамзай».

59

Бранко пришел в ресторан около трех часов дня. Сел за свободный столик возле стойки. Заказал красного вина.

Ресторанчик был небольшой, но изысканный. Он славился своей кухней, и европейцы бывали здесь довольно частыми гостями.

Официант поставил на стол стеклянный графин с широким горлышком. Налил вино в рюмку. В запасе у Бранко было еще минут десять. Он вынул из кармана газету, пробежал заголовки. Потом, потянувшись за рюмкой, легонько налег грудью на край стола. Убедился: все в порядке. Пакет с пленками по-прежнему покоился в правом внутреннем кармане пиджака.

Бранко хорошо знал, что должно было произойти дальше, в следующие четверть часа. Ровно в три в ресторан войдет еще один посетитель — европеец. Скорее всего это будет молодой человек, лет двадцати пяти—двадцати шести. Он подойдет к стойке, достанет длинную гаванскую сигару с золотым ободком и будет держать ее в правой руке, не зажигая. В ответ на этот знак Бранко набьет табаком свою трубку и попытается раскурить ее. Но табак, видимо, отсырел, трубка не горит. Тогда вошедший откусит кончик своей дорогой сигары и зажжет спичку. После нескольких затяжек загорается, наконец, и трубка Бранко. В воздухе повисает гирлянда сизых колец. Лицо незнакомца выражает явное недовольство. Скорее всего ему не нравится предлагаемый выбор блюд. Он поворачивается и уходит прочь... Бранко допивает вино и тоже выходит на улицу. Он видит, как недовольный посетитель направляется к ближайшему скверу. Бранко следует за ним на некотором расстоянии. На одной из пустынных аллей он поравняется с незнакомцем и услышит от него всего одну фразу: «Привет от Мэри». Сам ответит: «Поклон от Густава». Через мгновение они разойдутся, успев передать друг другу по небольшому свертку.

Разойдутся, чтобы не встретиться больше никогда...

Бранко взглянул на часы и не поверил своим глазам. Было пять минут четвертого, никто не приходил.

Странно... Точность для подобных встреч — абсолютный закон. Они были расписаны буквально по секундам. Все заранее оговаривалось с Москвой: дата, место, время. Связник, который не появлялся по своей вине в назначенный час, совершал тягчайший проступок. Бранко знал по своему опыту, что такого никогда еще не было. Оставалось предположить, что произошло нечто непредвиденное.

«Подожди, не торопись с выводами,— успокаивал себя Бранко.— Внимательно следи за дверью. Смотри! Вот он, твой долгожданный, идет как ни в чем не бывало».

В зал действительно вошел какой-то человек. Но, вместо того чтобы остановиться у стойки и вынуть дорогую сигару, пришелец плюхнулся на первый попавшийся стул и потребовал дать ему «чего-нибудь холодного».

Потом пришло еще несколько человек. Но ни один из них не подал условного сигнала. Ждать дальше становилось бессмысленным. Бранко допил вино, вышел на улицу.

«Неужели связник провалился?— сверлило в мозгу.— Неужели пропадут результаты напряженного многодневного труда всей группы?»

Бранко позвонил Рихарду:

— Битый час ходил по магазинам, но твоих любимых сигар нигде нет.

Рихард все понял, усмехнулся.

— Ничего страшного, Бранко, большое спасибо за заботу. Что-нибудь придумаем.

Бранко вышел из кабинки, мысленно вновь восхищаясь выдержкой своего друга. «Сколько поставлено на карту, а он и глазом не моргнул».

Звонок Бранко действительно не расстроил Рихарда. Накануне из Центра сообщили: встреча со связником отменяется. Тот задерживается в Гонконге. Эта телеграмма была получена, когда Вукелича уже нельзя было предупредить. Он на несколько дней уезжал из Токио по делам своего агентства.

Рихарда одолевали сейчас другие заботы. Связник из Центра задерживается. Когда он появится, неизвестно. Если же собранную информацию не отправить в ближайшие дни, многое из того, что удалось узнать с таким трудом, устареет, потеряет актуальность. Значит, нужно искать возможность самим переправить почту в Центр. Для этого кто-то должен поехать к своим людям в Шанхай или в Гонконг. Но кто? Все члены группы нужны здесь. Каждый день может измениться обстановка, возникнуть новые задачи. К тому же после расширения войны в Индокитае японцы почти полностью запретили короткие выезды иностранцев за пределы страны. И без того трудная задача еще более осложнялась. Где же выход?

Зорге в тысячный раз задал себе этот вопрос, но ответа не находил. Конечно, какую-то часть информации можно передать по радио. Но сообщить обо всем было трудно, а главное, опасно: Клаузену пришлось бы часами не выключать передатчик. Нет, это не выход. Спасти положение может только курьер.

Снова раздался звонок. Рихард с ненавистью взглянул на телефон: проклятый аппарат отвлекал его, мешал думать. Мог ли он предполагать, что это был сигнал самой судьбы?

В трубке звучал голос Хильды.

Хильда говорила резко. Она сама приняла решение. После того, что произошло на «Вечере берлинцев», она не может оставаться в Токио. Она отправляется в Берлин. «Взбалмошная баба»,— подумал Рихард. И тут его осенило.

— Вы действительно собираетесь так поступить?

— Да, все уже готово. Я сообщила о своем решении послу и Мейзингеру. Они согласились. Завтра вечером я улетаю в Гонконг. Оттуда пароходом — в Германию... Если хотите, можете проводить меня до аэродрома.

У Зорге созрел дерзкий план.

— Непременно, дорогая Хильда!— воскликнул Рихард.— Надеюсь, вы не откажетесь сделать для меня маленькую любезность? Я хотел бы передать с вами одну крохотную безделушку для своего друга в Гонконге. Он встретит вас прямо на аэродроме.

Хильда с радостью согласилась.

Остальное не представляло особых трудностей. На аэродроме Рихард передал Хильде деревянную фигурку будды. Накануне

Клаузен аккуратно вырезал в ней вместительное дупло. Вложили в него пленки. Рихард ахнул: «Ювелирная работа, хоть в микроскоп смотри — не подкопаешься».

— Убежден, дорогая Хильда, что вы с удовольствием познакомитесь с моим гонконгским приятелем. Я уже отправил телеграмму. Он будет ждать вас с нетерпением.

И Рихард не лгал. Его посыльную в Гонконге встретили у самого трапа. Правда, знакомый доктора Зорге оказался крайне занятым человеком. Сославшись на дела, он вежливо распрощался. Хильда даже не успела его как следует разглядеть.

60

15 мая 1941 г. Зорге радировал в Центр: «Нападение Германии произойдет 20—22 июня. Рамзай».

61

Донесение от 15 июня 1941 г.: «Нападение произойдет на широком фронте на рассвете 22 июня. Рамзай».

62

«Выражаем наши лучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу. Рамзай. 26 июня 1941 года».

63

Отт стоял возле большой карты Европы, утыканной флажками, радостно потирал руки.

— Дела идут как по маслу. Ты только взгляни.— Он сделал широкий жест.— Литва, Латвия, Западная Украина, Белоруссия — и все за каких-нибудь две недели! Если мы сохраним такой темп, через месяц-полтора падет Москва. Представляешь, какое это будет эффектное зрелище: на кремлевских стенах — полотнища со свастикой. Ряды войск замерли в ожидании фюрера. Он выезжает на белом коне, окруженный пышной свитой. Гремят барабаны, звучат фанфары. Делегация русских вручает Гитлеру ключи от поверженной столицы. А?

— Да у вас, господин посол, блестящее воображение,— сделав над собой усилие, сказал Рихард,— я вам просто завидую.

Отт расплылся в самодовольной улыбке.

— По случаю такой победы нам тоже кое-что перепадет,— продолжает он развивать свою мысль.— Я бы, например, с удовольствием прикрепил на твою грудь, дорогой Рихард, рыцарский крест первой степени с дубовыми листьями. А почему бы и нет, черт возьми! Мы с тобой в конце концов тоже не сидели сложа руки.

Рихард понимал, что имел в виду Отт: на днях в Японии объявлена была всеобщая мобилизация. Сообщение о ней вызвало такую радость в Берлине, что Риббентроп лично поздравил посла с блестящим дипломатическим успехом.

Дело в том, что до последнего времени немцы ничего не знали о ближайших планах своего дальневосточного союзника. Они всячески толкали Японию на войну с Советским Союзом, но из Токио каждый раз поступали уклончивые ответы. Через Одзаки Рихард выведал, почему это происходит: среди правящей японской верхушки шла ожесточенная борьба между сторонниками двух разных направлений агрессии. Армия ратовала за немедленный поход на север, против России. Представители военно-морского флота считали, что главный удар следует нанести по Юго-Восточной Азии и Соединенным Штатам Америки. Эта борьба велась в строжайшей тайне. В ее перипетии был посвящен крайне ограниченный круг лиц. Немцам приходилось довольствоваться лишь отдельными слухами, которые еще ни о чем не говорили. Отт ходил мрачнее тучи. Он не мог сообщить в Берлин ничего определенного. И лишь после того, как стало известно о мобилизации, посол воспрянул духом. Он принял это сообщение за признак того, что Япония решилась наконец включиться в войну против Советского Союза.

— Как ты думаешь, Рихард,— спросил Отт, переходя на серьезный тон,—как скоро России придется начать войну на два фронта?

— Если бы это знать! — задумчиво сказал Рихард.

Да, если бы знать. Чего только не отдал бы Зорге за ответ на этот вопрос, самый важный, самый серьезный за всю его долголетнюю работу.

«Собирается ли Япония напасть на Советский Союз?

И если да, то когда?»

В отличие от Отта Рихард был значительно шире осведомлен о планах японских милитаристов. Ему было известно: борьба между соперничающими группировками все еще продолжается. 22 июня, в день вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, японский посол в Берлине Осима передал Гитлеру решение своего правительства: «В настоящее время Япония предпочитает воздержаться от прямого военного нападения на Россию. Однако она готова нанести Англии и США мощный удар в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане». Это означало, что японские милитаристы на какое-то время решили притаиться. Они внимательно следили за развитием событий на советско-германском фронте, старались выиграть побольше времени для подготовки к решающему прыжку. Но в какую сторону?

Не теряя времени, Рихард бросил на поиски нужных сведений всю свою группу. Каждому ее члену он дал определенное задание. Одзаки должен был информировать о всех зигзагах умонастроений правящей верхушки. Мияги — следить за движением войск после объявления мобилизации. Перед Вукеличем стояла задача собирать сведения о планах США и Англии в отношении Японии.

Первым пришло донесение от Мияги. Один из его знакомых, работавший в военном министерстве, молодой подполковник, увлекавшийся живописью, мимоходом обмолвился о том, что в управлении стратегического планирования сооружается в специальном помещении огромный макет Филиппин. От других своих знакомых Мияги удалось выяснить и нечто еще более важное. Из миллиона новобранцев, прибывших в армию после мобилизации, только небольшая часть будет отправлена в Маньчжурию. Основная же масса направляется на юг. Уже по двум этим сообщениям можно было прийти к выводу: наиболее вероятное направление японской агрессии — юг. Но что скажет Одзаки?

— Многое зависит от того, сумеет ли Красная Армия остановить или хотя бы замедлить продвижение гитлеровских орд на Восток. Это все, что мне удалось выяснить,— сказал Одзаки во время очередной встречи с Рихардом.

В эфир немедленно полетела телеграмма: «Япония вступит в войну, если будет взята Москва. Рамзай. 30 июля».

Прошло еще две недели, прежде чем Рихарду снова удалось встретиться с Одзаки. Глаза Ходзуми радостно блестели.

— Очень важная новость. На заседании кабинета принято решение в текущем году не выступать против Советского Союза.

Рихард с трудом сдерживал желание расцеловать своего друга.

— Но есть одно «но», Рихард. Квантунская армия будет оставаться в Маньчжурии до весны будущего года. Она выступит, если Советский Союз потерпит к тому времени поражение.

Рихард задумался.

— Сейчас для нас самое главное — спасти Москву. Если японцы отложили войну до весны, значит, советское командование сможет снять с маньчжурской границы некоторое количество свежих дивизий. Они укрепят заслон перед столицей, преградят врагу путь к сердцу России. Ты понимаешь, что это значит! Враг будет остановлен. В войне наступит перелом. «Блицкриг» окончательно захлебнется...

Рисунок Г. Калиновского.

Еще одно важное известие поступило от Вукелича. Через своего друга, корреспондента «Нью-Йорк геральд трибюн», ему удалось раздобыть текст секретного доклада американского посла в Токио Грю. Из доклада было ясно, что отношения между Соединенными Штатами и Японией быстро ухудшаются. Война на Тихом океане неотвратимо приближалась.

Новая встреча с Одзаки. Новые вести.

— Какое-то количество войск, видимо, скоро вернется из Маньчжурии на острова,— сообщил Ходзуми.— Теперь уже нет никаких сомнений: Советскому Союзу не придется воевать на два фронта. Поздравляю, Рихард!

Они крепко обнялись, не скрывая своих чувств.

«Есть много людей, которые придут и будут хвалить цветущие вишни, но истинно добрые те, которые придут к нам, когда они отцветут»,— вспомнил Рихард класси-

ческое японское четверостишие и прочитал его Одзаки.

Японец был явно растроган.

— Спасибо, Рихард, это действительно прекрасные слова.

64

«В течение первых недель подготовки выступления против СССР командование Квантунской армии распорядилось призвать 3 000 опытных железнодорожников для установления военного сообщения по сибирской магистрали. Но теперь это уже отменено. Все это означает, что войны в текущем году не будет. Рамзай. 4 октября 1941 г.».

65

15 октября Клаузен пришел к Зорге на его квартиру на улице Нагасаки-мати. Макс был взволнован.

— Мне показалось, что за моим домом и конторой установлено наблюдение. Все время слоняются около какие-то подозрительные типы, а вчера при выходе из конторы я лицом к лицу столкнулся с переодетым офицером из «кэмпейтай».

— Выдержка и еще раз выдержка,— успокоил радиста Рихард.

Но слова Макса лишь подтверждали его собственное ощущение того, что над ним и его группой нависает опасность. Особенно серьезных оснований для тревоги не было. Откуда же возникло это чувство? Может быть, оттого, что он вновь уловил пристальное внимание к себе агентов «кэмпейтай» — токийской тайной полиции. А уж он-то мог подмечать их пронзительные глаза. Так старательно следили за ним только в самые первые дни его пребывания на японской земле. Теперь же по отношению к известнейшему журналисту, фюреру нацистской организации колонии, пресс-атташе германского посольства эта слежка была по меньшей мере странной.

Может быть, просто расшалились нервы? Или подводить стала интуиция? Сколько раз полагался он на эту свою обостренную интуицию, и от скольких бед она его спасала!..

И все же он бы так не беспокоился, если бы не другие, вызывавшие особую тревогу причины. На 10 октября у Рихарда была назначена встреча с Ходзуми Одзаки. Но тот в условленное место не явился. Зорге косвенно навел справки. Советника премьер-министра уже несколько дней не видели ни в правительственной канцелярии, ни дома. 13 октября Рихарда должен был повидать Иотоку Мияги. Однако молодой художник как в воду канул... Что случилось с этими его друзьями, надежными помощниками?

Но что бы там ни было в будущем, с чувством тревоги в его душе боролось чувство торжествующей радости. Сейчас он испытывал ту высшую радость, которая вознаграждает человека, когда он сознает: выполнено самое главное дело жизни. Да, генеральная цель, поставленная Москвой перед группой «Рамзая» еще восемь лет назад, ныне выполнена! И если что и может омрачить эту радость, так это то, что гитлеровские армии рвутся сейчас к Москве, яростно растаптывая города и села Родины, а он не там, не на фронте, а здесь...

— Выдержка, Макс! — повторил он.— Главное — мы сделали свое дело. Вот тебе последняя радиограмма, которую ты должен передать в Москву. После этого уничтожь все документы, имеющие хоть какое-нибудь отношение к нашей работе. А когда получишь ответ из Центра, уничтожь и рацию.

И он протянул Клаузену текст последней радиограммы :

«Наша миссия в Японии выполнена. Войны между Японией и СССР удалось избежать. Верните нас в Москву или направьте в Германию. Рамзай».

Макс пробежал записку и с надеждой поднял на него глаза:

— Все? Неужели все?

— Да, Макс. Мы победили.

Но ни Рихард Зорге, ни Макс Клаузен, ни Бранко Вукелич, ни уже схваченные контрразведчиками Номуры их верные товарищи Ходзуми Одзаки и Иотоку Мияги в тот день, 15 октября 1941 года, еще не могли в полной мере знать, что значила эта одержанная ими незримая и бескровная победа.

66

Казалось бы, какая связь между последней встречей Рихарда Зорге и Макса Клаузена в доме № 30 на токийской улице Нагасаки-мати 15 октября 1941 года и тем, что происходило в этот день за десять тысяч километров, на покрытых ранним снегом полях и лесах Подмосковья?..

В этот самый день на знаменитом Бородинском поле дала решающий бой у Шевардинских редутов 32-я ордена Красного Знамени стрелковая дивизия полковника Полосухина — дальневосточная дивизия, за три года до этого прославившая свое знамя под Хасаном, а теперь прямо с марша брошенная против гитлеровской пехоты и танков.

В этот самый день на другом участке Западного фронта, на Волоколамском направлении, грудью встали перед рвавшимся к столице врагом батальоны бригады морской пехоты Тихоокеанского флота.

А несколькими днями раньше в основном из дальневосточных и сибирских частей была образована 5-я армия генерал-майора Говорова и пополнена 16-я армия генерал-лейтенанта Рокоссовского, принявшие на себя жестокий удар фашистской группы армий «Центр» на Можайском и Волоколамском направлениях — главных рубежах обороны Москвы.

К концу ноября в распоряжении Западного фронта уже было несколько свежих стрелковых и кавалерийских дивизий, танковых бригад и артиллерийских полков. И одновременно Верховное Главнокомандование втайне от врага выводило на рубежи свежие армии резерва.

6 декабря на всем тысячекилометровом рубеже московского стратегического направления советские армии рванулись в контрнаступление. В этом контрнаступлении приняли участие 3 фронта, 16 общевойсковых армий, 2 фронтовые оперативные группы. И на каждом направлении шли вперед свежие дальневосточные части.

А в это же самое время по Транссибирской магистрали на бешеных скоростях, по «зеленой улице» мчались к столице все новые и новые эшелоны с солдатами, с танками, артиллерией, самолетами.

Поражение гитлеровских армий в зимнем сражении под Москвой оказало огромное влияние на весь дальнейший ход Великой Отечественной войны. Уже тогда было положено начало решающему повороту в пользу Советского Союза.

Генеральное наступление гитлеровских полчищ на столицу разбилось о величайший героизм и мужество Красной Армии, о неколебимость социалистического строя.

Последняя радиограмма Зорге так и не была передана в Центр. И даже искаженным газетным эхом не дошел до Рихарда гром московской битвы.

Ночью 18 октября его дом окружили агенты «кэмпейтай». Когда они вошли, он листал перед сном книгу стихов японского поэта Ранрана...

В тот же час на своих квартирах были арестованы Бранко Вукелич и Макс Клаузен.

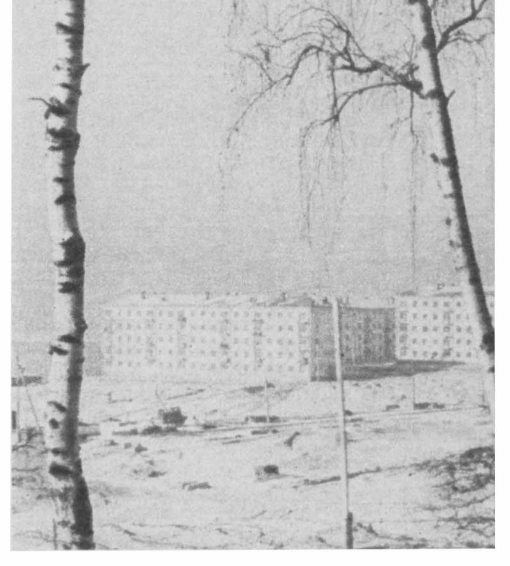
Рихард Зорге был брошен в токийскую тюрьму Сугамо.

— Кто вы, герр доктор Зорге?

Неделю не давая сомкнуть ему глаз, допрашивали его председатель следственной коллегии Токио Мацудзо Накамура и другие высшие чины японской жандармерии.

25 октября Рихард Зорге сказал наконец Накамуре четыре слова:

— Я — гражданин Советского Союза.

Новый микрорайон.

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

Говорят, что не стоит возвращаться в город своей юности.

Возможно, это и так. Приехав в Иркутск, где я вырос и окончил школу, я не узнал города. То, что когда-то казалось мне значительным и красивым, теперь буднично и заурядно. Главная улица словно уменьшилась в размерах. Стал совсем крошечным и сквер на берегу Ангары — место наших свиданий. Однако, прожив некоторое время в родном городе, я понял, что он вовсе не «похужел». Правда, Иркутск потерял свою первозданную патриархальную прелесть тихого сибирского городка. Но тогда Иркутск был почти весь деревянный. Сейчас приземистые из почерневшей от времени лиственницы дома уступают место современным, многоэтажным зданиям. В скобках заметим, что сибирские добротные деревянные дома совсем не такая уж плохая штука. Они теплые, в них очень хорошо дышится. К сожалению, они не имеют современных удобств, но не забудьте, когда они строились: дома из лиственницы стоят сотни лет.

* * *

Режиссер театра И. Б. Колтынюк показал мне случайно сохранившийся любопытный документ. В двадцатых годах руководителю Иркутского молодежного театра Николаю Павловичу Охлопкову, ныне народному артисту СССР, было выдано удостоверение на бланке с круглой печатью:

«Квартальный комитет удостоверяет, что в квартире Н. П. Охлопкова по Кузнечной улице, дом 15, имеется электрическое освещение. Но ввиду частого выключения, он, Охлопков, нуждается в керосине».

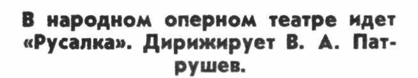
На основании этого удостовере-

раски утска

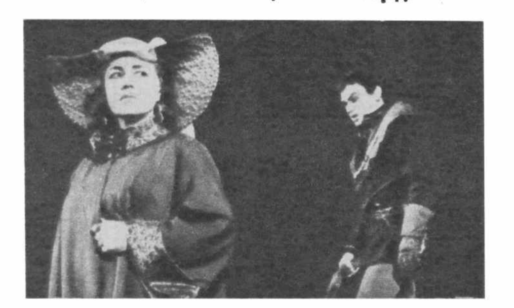
В просторных аудиториях политехнического института учатся студенты разных национальностей.

В народном оперном театре идет «Русалка». Дирижирует В. А. Патрушев.

В. Шекспир на иркутской сцене. Сцена из «Ричарда III». Артисты А. П. Зимарева — Елизавета и В. С. Ростовцев — Ричард.

Баскетбольная баталия в новом спортивном зале.

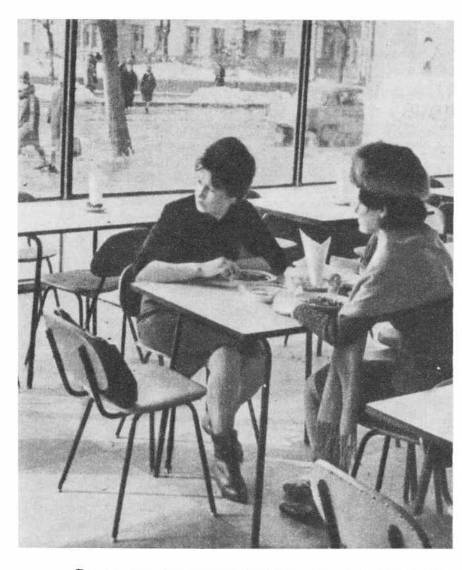

Вот мы какие, сибиряки!

Растут корпуса институтов в академическом городке.

Студентки медицинского института Валя Катышевцева и Галя Кравцова по пути в институт забежали перекусить в кафе «Огонек».

Не каждый город может похвалиться электрифицированными кухнями в жилых домах.

ния по особой ведомости ему было выдано целых два фунта керосина.

А сейчас, куда ни взглянешь, всюду мачты электросети высокого напряжения и провода, провода, провода. Иркутск — город электрический. Братская и местная ГЭС в избытке снабжают его энергией.

Далеко не везде домашние хозяйки могут похвастаться, что они готовят обед в кухне, оборудованной удобной электрической плитой. Далеко не везде жилые дома отапливаются при помощи электроэнергии, а здесь целые микрорайоны переводятся с угольного отопления на электричество.

* * *

Иркутск — город студенческий. Кроме университета, здесь еще несколько институтов: политехнический, финансово-экономический, медицинский, педагогический. Пока они разбросаны по всему городу. Но на левом берегу Ангары строится огромный студгородок, куда со временем перейдут высшие учебные заведения. Уже вступил в строй политехнический институт — целый архитектурный комплекс из нескольких корпусов.

Зайдем в спортивный зал, где идут соревнования по баскетболу. Несмотря на яростные вопли болельщиков, тщетно старавшихся поддержать свою команду, она, увы, явно проигрывала студенткам Владивостока.

В многочисленных светлых аудиториях и лабораториях тишина: идут занятия. В институте, считая его филиалы, учится около двадцати тысяч студентов. Здесь готовят специалистов почти для всех отраслей промышленности края: геологов, горняков, металлургов, механиков, химиков, строителей, энергетиков. Большинство учащихся — сибиряки. В этом свой расчет. Здесь их родина, и отсюда они не уедут.

На берегу Ангары в бывшем дворце генерал-губернатора расположилась одна из крупнейших в Сибири научная библиотека Иркутского университета. Вернее, не разместилась, а втиснулась. Губернатор явно не предусмотрел потребностей библиотеки, уже сейчас насчитывающей более двух с половиной миллионов книг. Хранилищ и рабочих помещений не хватает. Читальный зал не вмещает всех желающих попасть сюда. А ведь сюда, кроме студентов, приходит много научных сотрудников. Приезжают и из других городов. Как воздух, нужно новое помещение. А пока строится здание университета за Ангарой, работники библиотеки шутят, что «положение у них хуже губернаторского».

По соседству с политехническим институтом вырос городок Академии наук СССР. Уже высятся корпуса научно-исследовательских институтов земной коры, органической химии, энергетики, биологии. Всего здесь будет десять институтов. Наука двигается на Восток.

* * *

Всюду расклеены афиши: Драмтеатр. Премьера. В. Шекспир. «Ричард III».

Спектакль хочется посмотреть, но до этого нужно еще успеть побывать в училище искусств, где готовят учителей рисования, музыки, пения, художников промышленной графики; и в картинной галерее музея, где должна открыться выставка картин из частных коллекций, переданных их владельцами в дар городу Иркутску.

...Театр здесь отличный. Может быть, я пристрастен, но уже одно пребывание в этом уютнейшем здании, его коридорах, фойе и зрительном зале создает торжественно-приподнятое настроение.

Ни одного свободного места! Иркутск театральный... Театр музыкальной комедии, Юного зрителя, Кукольный, Филармония. Недавно вступил в строй великолепный цирк на две тысячи мест. Работают несколько кинотеатров.

А сколько народу собирается у голубых экранов! Подумать только! Ведь, кажется, совсем недавно я устанавливал здесь один из первых радиоприемников и разъезжал с первой в Сибири радиопередвижкой по окрестным селам, где еще вообще никогда не слышали радио!

Народный оперный театр. Здесь можно послушать оперу Даргомыжского «Русалка». Выступают на сцене только любители: инженеры, рабочие, педагоги, врачи. Поют хорошо. Знакомлюсь с руководителем — Василием Алексеевичем Патрушевым. Это один из тех фанатиков, на которых держится художественная самодеятельность. Оперный театр не единственное его детище. Патрушев возглавляет еще и хоровое общество, насчитывающее ни много ни мало четыре с половиной тысячи человек, и уже более двадцати пяти лет руководит он студенческим хором медицинского института.

Хор очень хороший. Выступал в различных городах Союза и даже в Москве, в Кремлевском театре. Недавно этот хор пригласили поехать летом на гастроли в Польшу.

Правая рука и неутомимый помощник Патрушева — рабочий завода тяжелого машиностроения Петр Алексеевич Плуталов, человек необыкновенно разносторонний. Он владеет двумя иностранными языками, учится играть на фортепьяно, поет в оперном хоре. Он же помощник хормейстера и спортивный судья по волейболу.

Я его расспрашиваю о народной опере, а он переводит разговор на заводские темы и с увлечением рассказывает мне о строящейся гигантской драге для добычи золота:

— Представьте, какая это будет махина! Целый дредноут. Высота — с десятиэтажный дом. Черпак — шестьсот литров, а площадь понтона, на котором она будет плавать, — футбольное поле. И знаете, с какой глубины будет забирать грунт? С пятидесяти метров. Она одна заменит двенадцать тысяч землекопов. А экипаж — всего семь человек. Вот это машина!

* * *

В кабинете председателя горисполкома Николая Францевича Саластина идет обсуждение проекта благоустройства «Острова Юности», расположенного около города на Ангаре. Главный архитектор Виктор Петрович Шматков показывает планы детского стадиона, водной станции и городских пляжей. Глядя на эти планы, вспоминаю, что в мои времена остров назывался Конским и там в пору весеннего перелета мы охотились на диких гусей.

Из окон кабинета видна площадь Кирова, центральная площадь города. Слева высится строгое здание Дома Советов, напротив поднимаются из земли этажи строящейся гостиницы.

Николай Францевич — иркутянин. Он близко принимает к сердцу все, что касается его города. Несмотря на занятость, едет со мной смотреть новые жилые микрорайоны. Сетует, что строятся они не всегда так, как этого хотелось бы. Местность здесь сейсмически неблагополучна. Приходится строить здания, рассчитанные на землетрясения до восьми баллов. Здания более пяти этажей строить нельзя. Это еще полбеды. Плохо, что для таких районов пока существует лишь три типовых проекта домов. А это очень обедняет архитектурный облик города. Делает его плоским, однообразным. Горсовет добился как исключение разрешения на постройку нескольких многоэтажных зданий, но этого мало. Нужно, чтобы разработали больше типовых проектов.

— Понимаете, какое дело, — говорит Саластин. — Ведь Иркутск по-настоящему стал строиться только в последние годы. С развитием промышленности на Востоке. Еще недавно у нас не было ни одного квадратного метра асфальтовой мостовой и тротуары были деревянные. А теперь все основные улицы асфальтированы, да и тротуары из досок остались лишь на окраинах. Строим много. Вот мы с вами посмотрели два новых микрорайона — квартал «А» и Лисиху. Сколько еще построено на левом берегу Ангары и за речкой Ушаковкой!

В ближайшее десятилетие думаем создать крупный жилой массив выше плотины ГЭС, на берегу водохранилища. Ну, конечно, займемся и реконструкцией центра города. Решается вопрос о постройке большого оперного театра.

Короче говоря, приезжайте через пяток лет, и вы Иркутска не узнаете...

ДОЛГ ЖИВЫХ ПЕРЕД

КАК ЕГ

В редакцию нашей районной газеты пришел пожилой человек. Представился: Шастало Николай Ильич из деревни Косиловцы. Потом вытащил из бумажника маленькую паспортную фотографию.

— Вот, — сказал он. — Без малого двадцать четыре года храню. Для меня она дороже всего...

И Николай Ильич рассказал нам историю фотографии.

Было это в первые дни войны, когда по шоссе Гродно — Лида, около которого расположены Косиловцы, на восток с грохотом двигались колонны гитлеровских войск. Однажды утром из леска, расположенного поблизости от

Я хочу рассказать о двух дорогих мне людях — о командире нашего танкового батальона майоре Петре Карповиче Иванове и еще об одном человеке, имени которого я не знаю.

В феврале сорок второго, вскоре после разгрома гитлеровцев под Москвой, наша 69-я танковая бригада действовала на Северо-Западном фронте. Однажды нашему батальону была поставлена задача — занять деревню Кобылкино, которую обороняла сильная гитлеровская группировка.

Но на этот раз наша атака не удалась. Немцы подбили две машины. Одной из них была командирская «тридцатьчетверка»...

Поздно вечером меня и еще трех танкистов вызвали в штаб бригады.

ПОЛКОВ

О И М Я?

шоссе, раздались пулеметные очереди. Вспыхнула и зачадила дымным пламенем одна машина, за ней другая. Разбрасывая во все стороны искры, затрещали в огне ящики с патронами. На дороге образовалась пробка. Гитлеровцы с криками выскакивали из машин, открывали огонь. Но пулемет в лесу все не замолкал...

Несколько вражеских «универсалов», давясь железными лентами, старались нащупать разноцветными трассами сверкающую звездочку в лесочке. Минометы, срочно выгруженные с машин подоспевшего минометного подразделения, били по ней беглым огнем. Но звездочка упорно не хотела гаснуть. Она вспыхивала то под одним деревом, то под другим. И после каждой вспышки загорался еще один гитлеровский крытый брезентом грузовик и еще несколько тел в новеньких серо-зеленых униформах навсегда застывали на земле, вцепившись в нее скрюченными руками...

Наконец на пятом часу боя взбешенные гитлеровцы окружили лесок со всех сторон и повели на него планомерное наступление. В чаще раздались взрывы... Пулемет смолк.

Когда все стихло и гитлеровцы, возбужденно переговариваясь, расселись по машинам и уехали, косиловецкие жители, среди которых был и Н. И. Шастало, пробрались в лесок. И тут они увидели, что бой с сотнями фашистов вел один человек. Он лежал рядом с исковерканным «дегтярем», откинув в сторону руку, в которой был зажат пистолет. Николай Ильич попробовал найти документы. Карманы убитого были пусты. Видимо, все забрали гитлеровцы. Зато рядом Николай Ильич обнаружил присыпанную землей небольшую коробочку. В ней-то и оказалась та самая фотография, которую он двадцать четыре года спустя принес в редакцию нашей газеты.

И. ЛЕШЕНЮК,
учитель

г. Лида.

От редакции: Мы публикуем репродукцию фотографии, которую нам прислал из г. Лиды И. М. Лешенюк. На покрытой сеткой трещин эмульсии можно с трудом разобрать, что герой, погибший под деревней Косиловцы, был сержантом срочной службы (на фотографии он острижен наголо и в петлицах у него два треугольника). Возможно, до войны он был курсантом какого-либо военного училища — на эту мысль наводит офицерская портупея, которая виднеется на правом плече. Кроме того, известно, что его могила находится неподалеку от Косиловцев, у самой дороги, и что Николай Ильич Шастало и другие жители деревни тщательно ухаживают за ней. И это пока все. Тем не менее мы надеемся, что кто-либо из читателей «Огонька» узнает на этой фотографии близкого или знакомого. Но если вам и неизвестно это лицо, обязательно вглядитесь и запомните твердый взгляд и мужественные черты человека, который одним из первых у самой границы в одиночку бесстрашно встретил огнем до зубов вооруженного, упоенного военными успехами врага. Это один из тех, благодаря ратному подвигу которых празднуем мы нынче двадцатилетие величайшей Победы.

НЕ ЗАБУДУ ТЕБЯ, КОМАНДИР!

— Надо во что бы то ни стало вытащить майора,— сказал комбриг.— Он остался в танке... Согласны пойти?

— Согласны! — хором ответили мы.

Еще бы, во всей бригаде не нашлось человека, который отказался бы от такого дела!

Было уже совсем темно, когда я остановил свой танк на опушке леса. Над передовой то и дело взлетали осветительные ракеты, выхватывавшие из мглы змеистые линии окопов и черный силуэт подбитого танка. Лейтенант, который командовал вылазкой, приказал механику-водителю быть наготове. Потом мы напялили белые халаты и, прижимаясь к заснеженной земле, ползком двинулись к подбитой машине... Вот и танк. С неостывшей еще брони осыпается окалина. Вокруг множество тел. Как опознать комбата? Огня не зажжешь. Мы начали ощупывать убитых. Большинство из них — гитлеровцы. Редко-редко под руками шершавилось толстое сукно русской шинели... Но среди них не было Иванова...

Метрах в ста от танка мы наткнулись на чье-то теплое тело. Я ощупал петлицы — рядовой.

— Наверное, был тяжело ранен,— чуть слышно сказал один из бывших со мной танкистов.— Только что скончался...

И вдруг «труп» ожил.

— Братцы, родные, свои! — горячо зашептал он.— А я-то думал, немцы. Притворился мертвым!..

— Что с тобой? — спросил я.

— Перебиты обе ноги... Спасите, братцы!

Мы взяли солдата за руки и ползком потащили его к сгоревшему танку, около которого вел поиски лейтенант.

Лейтенант приказал нам двоим вынести раненого с поля боя и доставить в санчасть, а самим немедленно возвращаться обратно.

По дороге раненый спросил наши фамилии и адреса. Потом назвал свое имя. Но записать мне его было негде и не на чем.

Оставив раненого на попечении врачей, мы вернулись обратно. Лейтенант ждал нас на опушке леса, около моей машины. На броне уже лежало обгоревшее тело комбата. Пока мы ходили, его нашли. На следующий день в деревне Ромашкино, неподалеку от Старой Руссы, мы схоронили майора.

С тех пор прошло много лет. Много хорошего и плохого навсегда позабылось. Но ту зимнюю февральскую ночь под Старой Руссой, дорогого моего комбата и молоденького солдата, которого мы нашли у сгоревшего танка, я никогда не забуду.

Если жив ты, солдат, если отыщутся родные и друзья самого дорогого для меня человека майора Петра Карповича Иванова, откликнитесь. Я жду.

Ш. МАМЫРБАЕВ,
директор средней школы села Сару, Джеты-Огузского района, Киргизской ССР.

НИК ЖИВ!

Его судьба — это уже история. История освобождения Пятихаток, узловой станции в Днепропетровской области. История памятника героям и многолетних поисков всех, кто мог бы помочь восстановить события тех грозных лет.

Человек, о котором я хочу рассказать, был танкистом. Солдаты, форсировавшие Ингулец, говорили, будто он погиб там. Ширина реки в том месте составляла не меньше тридцати метров, к тому же быстрое течение и большая глубина. И вот офицер-танкист, о котором идет речь, посоветовавшись с механиками, решил превратить свои танки в подводные лодки. Он приказал замазать, заклеить все щели в броне. И переправил бригаду по дну реки, под водой, на другой берег. И продолжал преследование фашистов.

Известен еще один факт. Танкист был тяжело контужен в бою под Кировоградом.

Но позвольте... Ингулец, Кировоград... Ведь все это было уже потом, после Пятихаток! Каким же образом появилась фамилия командира танковой бригады гвардии полковника Васецкого в списке воинов, похороненных в братской могиле Пятихаток?.. Может быть, есть два комбрига, два танкиста Васецких? Если это так, то подвиги одного стóят подвигов другого.

Пятихатки брала 41-я гвардейская танковая бригада. Старый железнодорожник Николай Григорьевич Степко вспоминает, как двадцать два года тому назад он явился под вечер в штаб бригады, готовящейся к атаке. Спросил самого старшего воинского начальника. Ему показали молодого — лет тридцати — полковника, на груди которого было множество орденов. Присев возле рации, полковник страшно ругался в микрофон, требовал, чтобы ни один гитлеровец из Пятихаток не выскользнул и ни один немецкий эшелон, которыми была забита станция, не ушел.

— Прибыл принять станцию, — доложил Степко.—Но неужели они все разрушат? Это когда ж мы движение откроем?

Полковник пожал плечами.

— Могут и разрушить. Но постараемся вам помочь!

С наступлением темноты комбриг Васецкий провел свои танки гитлеровцам в тыл и с запада внезапно бросился в атаку. В коротком, но жестоком бою бригада Васецкого вышибла врага с узловой станции, на которой гитлеровцы не успели ничего взорвать, и захватила огромные трофеи.

Но если верить надписи на памятнике, установленном в Пятихатке, то в этом бою комбриг Васецкий сложил голову...

Так как же быть? Кто ответит: жив Васецкий или погиб? И где погиб: в боях под Пятихаткой или под Кировоградом?

И вот после многих запросов и розысков у меня в руках адрес: Киев, бульвар Ленина, 21.

Поднимаюсь на четвертый этаж. Звоню. Дверь открывает широкоплечий, крепкий мужчина.

Замечаю, что на вешалке висит шинель полковника.

— Вы Васецкий Федор Прокофьевич?

— Да!

— Родились в 1909 году, в городе Бобринце?

— Да!

— Командир 41-й танковой? Той, что освободила Пятихатки?

— Да, это я!

И тут выяснилось, что Федор Прокофьевич Васецкий освобождал Пятихатки, форсировал Ингулец, дрался под Кировоградом, что он был ранен, контужен, похоронен... но остался в живых.

Легко представить, что было дальше. Весть о том, что Васецкий жив, мгновенно разнеслась по Пятихаткам. Комбриг, узнав о памятнике, который установили ему там, сразу же выехал на место. Его встретил начальник станции Николай Григорьевич Степко, тот самый, которому он эту станцию передал 22 года назад, после штурма города.

...Двадцатилетие Победы бывший комбриг Федор Васецкий проведет в Пятихатках, в городе, с судьбой которого так тесно и так необычно переплелась его жизнь.

В. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

г. Киев.

Донцы на Дунае

Н. ПРИВАЛОВ,
гвардии полковник в отставке

Двадцать лет прошло с тех пор, как Советская Армия освободила Венгрию от фашистских захватчиков.

Среди советских частей и соединений, которые сражались на венгерской земле, неувядаемой славой покрыл себя 5-й гвардейский донской казачий кавалерийский корпус, принявший на себя главный удар во время знаменитого гитлеровского контрнаступления в районе озера Балатон...

Сегодня мы знакомим наших читателей с воспоминаниями бывшего начальника политотдела корпуса Н. И. Привалова.

О командующем 5-м гвардейским донским казачьим кавалерийским корпусом генерал-лейтенанте С. И. Горшкове говорили, что его даже в бане невозможно захватить врасплох. Именно эта черта характера командующего в ту январскую ночь последней военной зимы решила исход сражения. А заодно, быть может, и судьбу окруженной в Будапеште группировки гитлеровцев.

В ту ночь мы с командующим ехали в одном «виллисе». Порывистый северный ветер подхлестывал нас вдогонку мокрым снегом пополам с дождем, задувал то с одного бока, то с другого, норовя свалить верткую машину в кювет. Утонув по самую папаху в лохматой бурке, командующий неподвижно застыл впереди, рядом с шофером.

— Комиссар!.. А, комиссар!— неожиданно окликнул Горшков, поворачиваясь ко мне вполоборота.— Знаешь, комиссар, что-то не по нраву мне этот приказ о наступлении...

— Почему же, Сергей Ильич! Четвертый танковый корпус СС отбыл на запад... Самое время организовать преследование. Не дать оторваться.

— Отбыл, отбыл!..— проворчал генерал.— Откуда это известно, куда он отбыл? Сейчас отбыл, а через час прибыл. Не люблю я, когда сведения добываются так легко... Будто Гитлер их сам преподнес — лишь бы поверили!

— Вы думаете, враг морочит нам голову?

— Откуда мне знать! Я ж не разведотдел... Но не нравится мне это...

Впереди, в тусклом свете притененных фар, показался конник. Он ехал шагом, конь осторожно ступал по обледенелой дороге.

— Эй, односум!— окликнул Горшков, высовываясь из машины.— Куда путь держишь? Никак, до дому собрался?

Узнав генерала, казак подкинул к папахе руку.

— До вас, товарищ генерал! Начальник головной походной заставы прислал... Впереди дюже сильный бой идет... Гремит, аж в конском брюхе екает!..

— Так,— сказал генерал.— Вот что, казак, скачи назад. Скажи: я приказал занимать оборону. Понял?.. Да пусть вышлет разведку. Немедленно!..

Казак резко повернул коня и исчез в темноте.

— Остановить колонну!— тихо приказал комкор начальнику штаба, сидевшему на сиденье рядом со мной.— Собрать командиров. Вон там!

Горшков кивнул на неясные силуэты строений какого-то местечка. Через минутку шофер круто затормозил, и машина остановилась в центре села, около большого дома, в окне которого мерцал тусклый огонек.

В чистой горнице начштаба аккуратно расстелил оперативную карту, исчерченную красными и синими стрелами. Горшков молча принялся мерить ее четвертью. Четверть у комкора вымеренная—точно 26 сантиметров. Хоть линейкой проверяй.

Один за другим прибывали командиры частей. Когда все собрались, Горшков встал со стула и медленно обвел горницу глазами.

— Пока не будут ясны намерения противника,— сказал он,— займем оборону...

В этот момент на улице раздались резкие выхлопы мотоциклетного мотора. Затянутый в кожу связной из штаба фронта протянул засургученный пакет. Горшков нетерпеливо взломал печати, пробежал текст.

— Четвертый танковый корпус гитлеровцев перешел в наступление на нашем участке... Наши 18-й танковый и 133-й корпуса отрезаны. Танковые части противника стремительно продвигаются в нашем направлении... Прошу немедленно разойтись по своим частям!

За окнами скупой январский рассвет. Меж порывами северного ветра с юга доносились гром и лязг боя, возвещая начало третьей, самой мощной попытки гитлеровцев прорваться к окруженной в Будапеште группировке.

В пакете из штаба фронта оказалось послание и для меня. Это было обращение Военного Совета фронта. «Товарищи казаки!— говорилось в нем.— На вас Военный Совет фронта возлагает почетную, решающую задачу: уничтожить рвущихся к Будапешту фашистских бандитов...»

Я поднял глаза и встретился взглядом с командующим. Мы не сказали ни слова. Да и о чем было говорить? Мы оба отлично знали: единственный резерв фронта на нашем участке на направлении главного удара отборных эсэсовских частей между озером Веленце и Дунаем — наш казачий корпус. От нас сейчас во многом зависело, прорвутся ли гитлеровцы к своим окруженным частям. Удастся ли нашим войскам отстоять то, что было достигнуто такой дорогой ценой?

— Будем стоять насмерть! Донцы не подведут!— сказал Горшков.

Генерал-лейтенант Горшков и на этот раз не дал врагу застигнуть себя врасплох. Когда я вскоре приехал в передовые части, бой там был уже в полном разгаре. С этого часа гром битвы не затихал ни на минуту в течение восьми дней, вплоть до 27 января, пока наконец подкрепления, прибывшие с других фронтов, не восстановили превосходства наших сил, и врагу пришлось повернуть вспять...

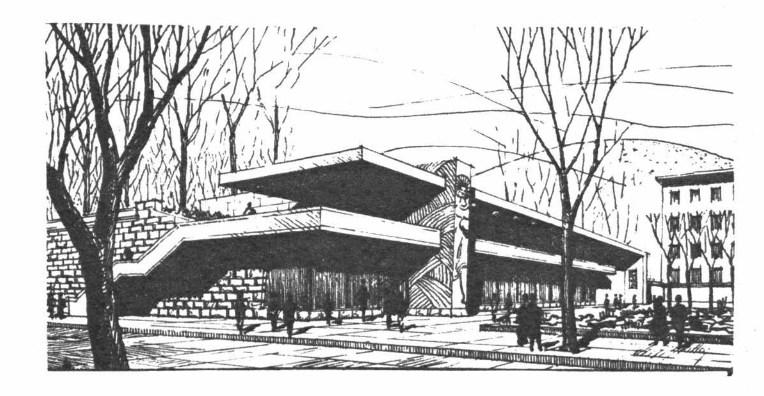
В течение этих восьми дней донцы нашего корпуса совершили немало героических подвигов. Особенно отличился в этих боях 37-й гвардейский казачий полк под командованием подполковника М. Ф. Недилевича. Его заместителем по политчасти был питерский рабочий, бесстрашный большевик майор Ковальчук. Еще в 1917 году он вступил в ряды Красной гвардии, участвовал в Октябрьских боях. Еще в гражданскую был комиссаром полка Первой конной. Номер этого полка и имя его замечательного командира заслуженно упоминаются в «Истории Великой Отечественной войны».

Полк Недилевича и Ковальчука первый принял удар танкового тарана гитлеровцев. Враг атаковал с разных сторон. Через несколько часов полк, занявший оборону в местечке Гебельяроши, оказался в окружении. Первый же натиск эсэсовцев на позиции полка был отбит. Гитлеровцы откатились, оставив на поле боя около ста убитых. Но фашистское командование решило во что бы то ни стало проложить себе путь на Будапешт через Гебельяроши. Прошло еще несколько часов, и враг предпринял вторую атаку. На этот раз гитлеровская пехота двигалась под прикрытием 35 танков и 25 бронетранспортеров. И опять донцы выстояли, отбросили врага на исходные позиции и нанесли ему большой урон. В третий раз гитлеровцы решили атаковать полк одновременно со всех сторон. С фронта в наступление двинулись семнадцать танков.

Массированный удар не принес гитлеровцам желаемого результата. Казаки не отступали ни на шаг. Три долгих дня и ночи в полном окружении стояли они. Ни один солдат не дрогнул. И в этом немалая заслуга старого питерского рабочего, большевика-комиссара Ковальчука. О его неприметной, но очень важной, требовавшей величайшей выдержки и храбрости боевой работе рассказать трудно, пожалуй, и невозможно...

27 января 1945 года подошли подкрепления с других фронтов. Свежие силы Советской Армии опрокинули врага и погнали его знаменитые эсэсовские дивизии прочь от берегов Дуная и озера Балатон...

ПАВИЛЬОН ЧАЯ

В этом году в Тбилиси появляются наряду с кафе и чайные. Можно выпить стакан горячего чаю в некоторых гастрономических магазинах. А скоро на проспекте Ильи Чавчавадзе закончится строительство нового красивого павильона «Грузинский чай».

В первом этаже павильона можно будет купить грузинский чай любого сорта, познакомиться с технологией его производства, увидеть выставку — мировая чайная коллекция. На втором этаже расположится большая чайная. Напиток будут готовить мастера за открытой стойкой. Здесь же демонстрация учебных фильмов для тех, кто хочет пить дома чай, заваренный по всем правилам искусства, причем разный: черный, зеленый, холодный, с мороженым...

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

Так будет выглядеть павильон «Грузинский чай».

В. Руднев. П. И. ЧАЙКОВСКИЙ В КЛИНУ. «ВРЕМЕНА ГОДА».

КЛИН. ЛЮБИМЫЕ МЕСТА П. И. ЧАЙКОВСКОГО.

В спальне П. И. Чайковского.

Фасад Дома-музея.

БОН СУАР, КЭП!

Юлиан СЕМЕНОВ

В Клайпедский порт я поехал через Курскую Косу. Как же прекрасна она весной, отрешенно молчаливая, вся в переливных голубых искрах хрупкого ночного морозца, эта острая песчаная коса, протянувшаяся от Калининграда к Клайпеде! Как поразительна здешняя тишина, сопутствуемая немолчным рокотом Балтики! А по ночам, когда снежная изморозь на громадных дюнах кажется творением рук художника, а сосны, положенные балтийским ветром в направлении к материку,— причесанными раз и навсегда сердитым парикмахером, тебя окружает тихое одиночество, и шум моря становится твоим другом, шум грозного моря, единственного на свете, рождающего ласковый солнечный камень — янтарь.

...Так уж у нас повелось: люди почему-то раз и навсегда решили, что единственно возможный отдых — только летом и только у южного моря. Пожалуй, нигде так не ощущаешь, сколь заблуждаются эти любители юга, как здесь, на весенней Косе. Залив, где черными точками вросли в лед рыбаки, огромное, белое, обжигающее солнце, шум сосен, грохот моря, тишина, которая созидается таким созвучием,— все это успокаивает нервы, настраивает в лад с окружающим миром, заряжает искрящейся, отнюдь не суетной радостью бытия.

Я проехал по весенней Косе, и мне стало обидно, что наши люди лишены прелести тамошнего отдыха весной или зимой — с рыбалкой, лыжами, кострами в синем снегу, с вечерами возле кафельных печек, когда сруб пахнет хвоей, и большие бревна слезятся каплями желтой смолы, и где-то рядом поют под гитару тихую песню:

— Подари мне на прощание билет, на поезд куда-нибудь...

И хочется обратиться к товарищам из курортного управления ВЦСПС: Курская Коса освоена летом. Но она необитаема зимой, осенью и весной. Давайте подумаем сообща, как нам ее сделать зимним курортом. Поверьте, что тамошний зимний отдых прекрасен.

Не надо думать, что сейчас же, незамедлительно мы должны вложить в Косу огромные деньги на курортное строительство. Мы вообще, по-моему, иногда чересчур роскошествуем там, где этого делать не след. Ни к чему Косе стеклянные корпуса и бетонные небоскребы: они сюда не очень-то впишутся. Здешнее спокойствие требует иного, и нарушение гармонии аукнется аляповатой безвкусицей. Здесь нужны небольшие коттеджи, палаточные городки в сосновом лесу, хорошо оборудованные лодочные станции, легкие кафе без массивных колонн. Здесь можно даже летом сохранить иллюзию пустоты и безлюдья, не говоря уже о зиме. По-видимому, стоило бы посоветоваться с председателями тамошних колхозов — и в русской и в литовской части Косы. Колхозы здесь богатые, сильные, отчего бы им не подумать о лишней доходной статье своего бюджета, отчего бы им не подумать о пансионатах, где смогут отдыхать приезжающие сюда курортники? Словом, думать есть о чем, а с точки зрения здорового предпринимательства вложения тут окупятся в течение года, а то и еще скорей.

...Четыре часа езды по шоссе через восхитительную, тихую, снежную Неринг у — и вы в Клайпеде. Полюбуйтесь городом, восстановленным из пепла, зайдите в магазин, где продают чудесные работы литовских умельцев по янтарю, послушайте, как в школе, в большом зале, залитом солнцем, поют ребята, готовясь к традиционному Празднику песни, а уж потом отправимся в ночной порт, в маленькую комнату лоцманов, и познакомимся с товарищами А. Андрюшисом и Г. Лисицким.

Лисицкий — старший, он первый раз возил лоцмана Андрюшиса по заливу, и дружба их определена мерой совместной ответственности и законами морского братства.

Ночью, когда город засыпает, порт бодрствует. То приплыл «англичанин», то просится маленькая рыбацкая яхта «датчанина», промышляющая лососей, просится перестоять шторм, то радирует «француз», что идет из Руана за углем и просит встретить его у входного буя, то надо проводить «немца», уходящего в Гамбург,— и все это должны сделать сегодняшней ночью два лоцмана, или, как говорят моряки, «пайлота»,— Лисицкий и Андрюшис.

— «Сертина» подошла,— говорит лоцманам диспетчер.

Андрюшис уехал провожать «шведов», а мы с Лисицким идем на белый лоцманский катер «Пайлот» и стремительно уносимся в провальную, черную пустоту ночного залива. Вода позванивает шугой, огоньки порта переливны и желто-сини, из-за ударившего морозца дождь превращается возле воды в маленькие льдинки.

Штурман Антанас Бладис быстро ведет «Пайлота» все дальше и дальше, а Лисицкий курит и говорит своим низким командирским басом:

— Раз я вел одного «немца», когда только начинал лоцманить, и на грех забыл, как будет по-английски «отдай». Мы ведь командуем по-английски, когда ведем судно к причалу. Ну, а я помню «якорь» — «анкор», а «отдай» забыл — и все дела. А китель у меня новый тогда был, только-только из ателье. Пуговицы золотые, блестят. А на пуговицах-то что? Якорь. Срываю я пуговицу, материя трещит, как по сердцу рву, кидаю пуговицу с якорем и говорю штурману: «Анкор, понял?!» А как не поймешь: якорь-то мой за бортом... Так вот и начинал.

«Француз» бросает нам веревочную лестницу. Море штормит. Ветер налетает резкими порывами. Лисицкий поднимается ловко, как юноша. Лезть по такой заледеневшей лестнице, раскачиваясь над штормящим морем,— ощущение не из приятных. Лоцман испытывает это ощущение раз десять за ночное дежурство. Иногда значительно больше. Случалось, что и купался.

На «Сертине» темно. Наш «Пайлот» уносится снимать Андрюшиса, а мы остаемся одни на маленьком кусочке французской земли, в море, которое штормит, возле Клайпеды, рядом с входным буем.

Лисицкий знает на судне все: он идет по каким-то хитрым коридорчикам, нам встречаются чумазые матросы в дырявых брюках и грязных майках, они скалят ослепительные зубы, весело здороваются:

— Хэлло, «пайлот»!

— Бон суар, кэп! — отвечает «пайлот» Лисицкий по-французски.

Мы поднимаемся на мостик, капитан месье Бурдье из Гавра хлопает Лисицкого по плечу, Лисицкий хлопает по плечу месье Ле Бурдье и начинает командовать:

— Helm a port [1].

Месье Ле Бурдье переводит команду на французский и ругается с вахтенным, который стоит на носу.

— Надо будет вас сфотографировать,— говорю я капитану.

— Минуту,— отвечает он и куда-то уходит. Возвращается уже не в свитере, а в кожанке и фуражке с крабом.

— Карашо так? — спрашивает он и проводит рукой по скрипучему, не очень-то бритому подбородку.

— Watch your steering! [2] — командует Лисицкий, и капитан забывает про свой шершавый, небритый подбородок. В эти минуты они понимают друг друга с полуслова. Говорят тихо, как во время операции. Они сосредоточенны, эти два человека из разных стран, два человека, которые сейчас делают общее дело. Я поражаюсь слаженности в их командах, меня восторгает эдакая аристократическая небрежность у Лисицкого. Но он знает здесь, в порту, каждую мель, ему знаком тут каждый дюйм, поэтому он может быть внешне небрежным: это ведь лучшее свидетельство внутренней собранности.

О романтика морской работы! Книги Григоровича, Паустовского и Грина, как зримо и отдаленно, словно ушедшее в никогда время мальчишества, встают они сейчас в памяти, когда кругом непроглядная ночь, глухо работают машины, пахнет горелым маслом, слышны гортанные французские, арабские и английские команды, видны черные громады мачт, впечатанные в серое небо, и холодно лязгает цепь где-то впереди, на невидимом носу, где горят острыми вспышками огоньки сигарет. Смотрю я на это и думаю, что Грин все-таки есть, только надо хотеть этого и верить в это. Не может быть, чтобы все сказки уже были рассказаны и все проливы открыты...

Лисицкий ставит «Сертину» метр в метр, как требовалось — под краны, под уголь, который уйдет в Руан. Он выпивает с капитаном полрюмки «Мартеля», снова хлопает его по плечу и уходит: лоцмана ждет «Пайлот»: в Клайпеду просится «грек», надо идти встречать, часы показывают четыре утра, и впереди еще пять часов работы.

Мы попрощались с Лисицким. Он ушел в ночь, полпред Советского Союза на каждом судне, которое приходит к нам. Это настоящий полпред, знающий свое дело лоцман. Он принимает и провожает иностранцев, и очень хорошо, что улыбками встречают его на судне и улыбками провожают: моряки улыбаются только друзьям, которым можно верить...

---

[1] Больше лево руля! — англ.

[2] На руле не зевать! — англ.

ДВА СТОЛИКА ЗАНЯТЫ

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

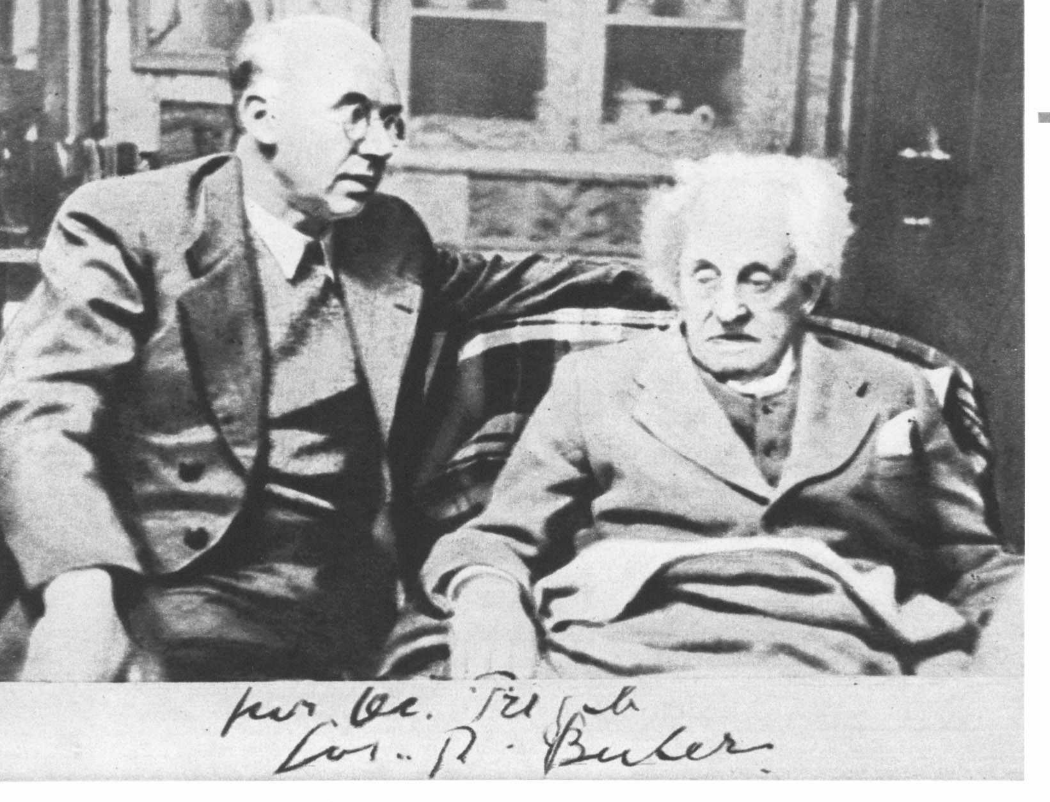
Экс-чемпион мира Макс Эйве в предыдущем номере «Огонька» уже писал о причинах отказа М. Ботвинника принять участие в борьбе за шахматную корону. Писал Эйве и о ряде несообразностей нового статута турнира претендентов. Мне остается лишь отметить, что этот статут страдает еще одним существенным недостатком: он не исключает элемента случайности. Что должно произойти в случае ничейного исхода матча? В этом случае, по новым правилам, бросается жребий. Но тогда ФИДЕ может вообще определять чемпиона мира путем жеребьевки. Берется монетка, и... через секунду мы имеем чемпиона мира...

Гроссмейстеры иронически улыбаются, но желание стать чемпионом мира настолько велико, что, отбрасывая все сомнения, они выходят на старт. За первый столик уселась очень популярная пара: один из старейших наших гроссмейстеров, Пауль Керес, и один из самых молодых, Борис Спасский. Их поединок с первой же партии принял очень острую форму. Спасский столько нажертвовал Кересу, что даже Таль, который, как известно, охотно жертвует весь комплект шахматных фигур, якобы сказал: «Спасский играл уж слишком азартно». Проиграв первую партию, Спасский упустил отличные шансы на победу во второй. Но затем случилось невероятное: молодой гроссмейстер «забил три гола». Такое неприятное происшествие впервые встречается в исключительно большой практике Кереса. Итак, Б. Спасский не только сравнял счет, но и прочно захватил лидерство. После двух ничьих многие считали, что Керес может спокойно покупать билет в Таллин. Но в восьмой партии ветеран сократил разрыв, и в тот момент, когда пишутся эти строки, счет матча 4,5:3,5 в пользу Спасского.

Не знаю, чем кончится этот поединок, но ясно лишь одно: в случае победы Спасского многие скажут: «О, как жаль бедного Пауля!» В случае победы Кереса поклонники Спасского будут твердить: «О, как жаль бедного Бориса!»

Б. Спасскому 28 лет, но это шахматист с большим боевым стажем. Уже в девять лет он был самым молодым перворазрядником, затем стал самым молодым мастером и, наконец, самым молодым гроссмейстером. Шансы Бориса Спасского расцениваются весьма высоко.

Немного позже за второй шахматный столик уселись еще два претендента на встречу с Тиграном Петросяном. Василий Смыслов и Ефим Геллер очень серьезно готовились к матчу. Так, например, в физическую подготовку Смыслова входил даже бокс. Но это не испугало одесского гроссмейстера, и в первой партии дело кончилось «нокаутом» Смыслова, да и во второй партии Смыслов несколько раз находился в «нокдауне». С трудом ему удалось в эндшпиле закончить партию ничьей. Впереди решающие «раунды».

Иоганнес Р. Бехер и Гергарт Гауптман.

Три письма на фронт

Семен ТРЕГУБ

С Иоганнесом Бехером я не раз встречался в его московской квартире в гостинице «Люкс», в Союзе писателей, на подмосковной даче в Валентиновке, а после Великой Отечественной войны, когда он стал президентом Культурбунда,— в Берлине. Там в ноябре 1945 года он подарил мне свой автобиографический роман «Прощание» и фотографию, на которой заснят вместе со старым и тяжелобольным Гергартом Гауптманом.

В наших беседах всегда участвовала жена Бехера — Лили. Она служила нам, как могла, переводчиком.

В последний раз мы видели друг друга во время дискуссии о Маяковском, которая проходила в январе 1953 года в московском Доме литераторов на улице Воровского.

Больше с Иоганнесом Бехером я не встречался.

Сейчас Лили Бехер, которая возглавляет в Берлине государственный архив своего мужа, великого немецкого поэта, просит меня написать воспоминания о Бехере.

Не знаю, как скоро удастся мне исполнить эту просьбу. Но уже теперь, когда мы отмечаем двадцатилетие нашей исторической победы над фашистской Германией, я считаю своим долгом обнародовать сохранившиеся три письма, адресованные мне на фронт. Они датированы апрелем — октябрем 1942 года. Под каждым из них подписи: «Лили и Ганс Бехер». Они жили тогда в Москве. Письма написаны от руки, чернилами, на ломаном русском языке.

Приведу из них те выдержки, которые могут представить общественный интерес, и попытаюсь их переложить на русский лад.

В первом письме, от 21 апреля 1942 года, есть такие строки:

«Сегодня, накануне Первого мая, мы поздравляем Вас и выражаем глубокое желание и надежду поскорее праздновать этот день в новой, свободной и прекрасной Германии. Мы приветствуем Вас и всех Ваших товарищей — бойцов, как самых близких и родных нам... Мы много работаем... Днем и ночью живем одной лишь мыслью — мыслью о победе, о том, что мы должны каждый день делать в помощь фронту».

Во втором письме, от 14 июня 1942 года, Бехеры вспоминали лето 1941 года, которое мы проводили в Валентиновке, 22 июня — первый день войны, который должен «как можно скорее стать для Гитлера самым черным днем».

Фашисты к тому времени были разгромлены под Москвой, и под мощными ударами наших войск откатывались на Запад. Это нашло отражение в письме:

«С каждым днем мы все больше и больше чувствуем конец Гитлера, конец кошмару — фашизму. Теперь для нас начинается та жизнь, о которой Ваш любимый Маяковский сказал: «Хорошо!» ...Каково Ваше впечатление от «весенних фрицев» (вернее сказать, «летних»)?.. Мы с 1933 года учимся терпению. И не плохо мы научились. Мы терпеливо ждем самого счастливого дня — дня нашей победы. Во имя ее мы живем и, сколько можем, трудимся».

Третье письмо — от 3 октября того же, 1942 года. В нем восторженный отзыв о «Науке ненависти» Михаила Шолохова и ленинградских рассказах Николая Тихонова. «Так и надо теперь писать... Чтобы победить, нужно по-настоящему ненавидеть врага и любить нашу Советскую родину. Несравненны героизм, доблесть, мужество русского народа... Мы живем в Москве все же тихо, как говорится, «нормально». А вот в Сталинграде нечто невероятное, такое, на что способен только советский народ. Каждый прожитый день заставляет нас сравнивать русский героизм и немецкий позор... На прошлой неделе во Франкфурте казнили 14 человек за то, что они «хотели восстановить КПГ» (как сообщала о том гитлеровская печать). Это тоже герои. Они боролись, как и те, которые находятся в концлагерях. Если бы этого не было, нам невозможно было бы жить и ждать того счастливого часа, когда наконец-то кончится немецкий позор».

Подлинники этих писем я послал в берлинский архив Бехера. Лили ответила:

«Мне представляется символичным, что во время Недели германо-советской дружбы Вы переслали мне три письма, которые я написала Вам в 1942 году на фронт. Когда я перечитываю их сегодня, я чувствую, что глубокие корни этой дружбы уходят в тот трудный год, стоивший стольких слез и жертв Вашему и нашему народам. ...Даже по тем скромным строкам, которые я написала тогда на своем скудном русском языке, я вижу, как дальновидны мы, марксисты-ленинцы. Меня наполняет большим счастьем, что ныне хотя бы в одной части Германии, в нашей Германской Демократической Республике осуществилось то, что в трудные и горькие годы казалось нам далекой мечтой; я счастлива, что дружба между нашими народами, которую тогда мы могли только предугадывать, сегодня тесно связывает миллионы наших людей. Особенно взволновало меня то, что Вы хранили эти письма больше двадцати лет и теперь передали нашему архиву. Так как у меня, к сожалению, уже нет писем и рукописей многих сотен работ, которые Бехер и я писали в те годы, Вы, передав эти письма, оказали архиву Бехера услугу, за которую я Вам чрезвычайно благодарна. В знак этой благодарности примите, пожалуйста, изданные нами два тома «Звезд бесконечное сиянье. Советский Союз в поэзии и мыслях немца» [1]. Надеюсь, что эти книги доставят Вам удовольствие.

Хочу надеяться, что этой осенью здоровье позволит мне осуществить мое заветное желание: вновь повидать Москву... Еще раз искренне благодарю...

Сердечное Вам «Рот фронт!»

[1] Иоганнес Р. Бехер. Берлин. 1960.

КАКОЙ ОНА БУДЕТ—СБОРНАЯ 1966 ГОДА?

Закончился большой хоккейный сезон. Позади серия международных товарищеских встреч с лучшими командами Европы, США, Канады, победный чемпионат мира в Тампере, поистине марафонская дистанция всесоюзного первенства. 20 апреля был сыгран последний матч этого первенства между золотым и серебряным призерами — командами ЦСКА и «Спартак». Хоккеисты уступили место футболистам. Итак, до свидания, хоккей? До новой встречи в октябре? Нет, хоккеисты тут же начали подготовку к новому сезону. Их уже сейчас волнует вопрос, как удержать четвертый год подряд почетный титул чемпионов мира. Это возможно только при одном условии: при правильном подходе к формированию сборной «образца 1966 года». Вот мы и обратились с вопросом к тренерам сборной команды СССР А. И. Чернышеву и А. В. Тарасову.

А. И. ЧЕРНЫШЕВ. Как известно, советский хоккей один из самых молодых, но за те одиннадцать лет, что мы участвуем в чемпионатах мира, опыт накоплен немалый. Мы знаем, что в биографии каждой сборной команды взлеты чередуются с падениями, и причину этого надо прежде всего искать в неизбежном процессе постарения игроков. Тот, кто вчера был непобедим, сегодня сдает. Не прозевать этого процесса, непрерывно питать сборную молодыми силами — вот в чем искусство тренеров.

В 1957 году мы «зазевались», и вот после успехов в Стокгольме и Кортина д'Ампеццо наступила пятилетняя полоса неудач. Правда, и в эти годы наша сборная выступала не так уж плохо, занимая неизменно призовые места на чемпионатах мира и Олимпийских играх, но золотые медали мы уступали канадцам и шведам.

Наверстывая потерянное, мы постепенно сколачивали сборную, заменяя сперва нападающих, а затем и защитников. К 1963 году сборная команда СССР нового состава наконец-то окрепла, сыгралась, и вот дважды, в Стокгольме и Иннсбруке, мы завоевываем первенство. Казалось бы, что перед новым чемпионатом мира в Тампере наша команда сильна, как никогда, но уже тогда мы задумывались над тем, здраво ли мы оцениваем ее возможности, не наступила ли пора для замен.

А. В. ТАРАСОВ. Для таких раздумий были свои основания. В сборной команде за последние три года не произошло никаких перемен, и это не могло не тревожить многих. И все же, трезво взвесив все «за» и «против», мы пришли к выводу, что нынешний состав сборной команды не исчерпал своих возможностей, что наша сборная в своем испытанном составе еще может добиться победы. Как теперь ясно, мы не ошиблись в своих расчетах.

А. И. ЧЕРНЫШЕВ. И все же, еще готовясь к Тампере, мы приняли ряд мер для подготовки хоккейной смены. Начала свои тренировки вторая сборная, в которой возраст спортсменов не мог превышать двадцати двух лет. Была сформирована сборная молодежная команда. Да и в нынешнем составе сборной появились два дебютанта — вратарь В. Зингер и нападающий А. Ионов.

А. В. ТАРАСОВ. Нет никаких сомнений, что в составе сборной 1966 года этот процесс обновления будет продолжаться. В Люблянах нам предстоит продолжение спора с командой Чехословакии, с жаждущими реванша канадцами и шведами.

Тренеры чехословацких хоккеистов произвели большие изменения в составе, ввели семь новых игроков. И команда отлично провела чемпионат, по праву завоевав второе место. В Люблянах сборная Чехословакии, несомненно, будет еще сильнее.

А. И. ЧЕРНЫШЕВ. Да, это так, но, к счастью, у нас есть хорошие резервы. Во всех ведущих

ЛЮБОВЬ И МУЖЕСТВО

Я открываю сборник и читаю напечатанные крупными буквами слова «Рассказать тебе хочу». Что же поведает мне поэт, что расскажет «о времени и о себе»?

Рассказать тебе хочу я
Про далекие края.
Там мечта моя кочует,
Там живет душа моя.

Там когда-то
в час морозный
Осыпался надо мной
И стонал таежный воздух
Перетянутой струной.

Если ты еще не знала,
Так узнай:
такой мороз
По-якутски называют
Очень нежно —
«шепот звезд»...

Эти строки принадлежат поэту Андрею Алдану-Семенову.

В период культа личности автор был оклеветан, репрессирован и много лет пробыл в заключении на Колыме. Но это не сломило его. Мужество, любовь к Родине и вера в человека помогли поэту перенести тяжкие испытания. Обо всем этом и рассказывает он в сборнике «Метель и солнце».

Герои стихов Алдана-Семенова — геологи и лесорубы, рыбаки и заготовители морских звезд, простые, обыкновенные и в то же время необыкновенные советские люди. Не просто любовью к жизни, но и любовью ко всему прекрасному, ко всему человечному пронизана каждая строчка поэта. Стихи Алдана-Семенова волнуют своей суровой правдивостью, страстностью чувств и помыслов, тонким художественным изображением северной природы. Его зоркий поэтический взгляд подмечает и «рябиновый сок зари», и пузыри, расцветающие в болотах, «медных лисиц, малахитовых рысей, изумрудных орлов» в блеске северного сияния, морские звезды «в луженых лужах» и многое другое. Мы видим Север четко, зримо, во всей его угрюмой и покоряющей красоте.

В самых трагических своих стихах Алдан-Семенов глубоко оптимистичен. Оптимизм стал его поэтическим кредо. «Я жизнь и мужество пою», — заявляет поэт. И этому веришь, как веришь и его девизу:

Если жив еще —
борись!
Полумертвый —
продвигайся,
Смерть увидишь —
не сдавайся,
А настигнет —
не страшись!

Поэт славит «железных романтиков эпохи» — наших современников, пишет о русских землепроходцах — казаке Пяткове и Иване Черском. В прекрасном стихотворении «Удивление» автор справедливо замечает: «И не буду я певцом земли, если перестану удивляться!» Это стихотворение — гимн мужеству:

Удивляюсь мужеству, как дару,
С бурей закрепившему союз.
Удивляюсь Туру Хейердалу,
Воле человеческой дивлюсь!

Стихи Алдана-Семенова гражданственны в самом высоком значении этого слова.

Мих. СЕРГЕВИЧ

ТАМ ЗА КУЛИСАМИ...

Станиславский говорил: «Театр начинается с вешалки».

Вахтангов своим молодым студийцам, не занятым в идущем спектакле, вменял в обязанность функции гардеробщиков и капельдинеров, то есть, встречать посетителей, как гостей у себя в доме: столь же приветливо, любезно, предупредительно.

В понятие «театральное хозяйство» входит не только освещение и отопление помещения, не только печатание афиш и газетных объявлений. Нет, тут речь идет о распространении билетов, об организации гастрольных поездок и выездных спектаклей, наконец, о бытовых условиях работников театра — это тоже имеет большое значение для нормальной жизни творческого коллектива.

Речь идет о громадном аппарате, который требует умелого и рассудительного руководства.

Об этих и многих других закулисных «тайнах» рассказано в книге И. В. Нежного «Былое перед глазами», которую выпустило издательство ВТО в литературной записи Н. Б. Лейкина. Пятьдесят лет театральной деятельности Игоря Нежного — это полвека истории русского театра разных жанров — от провинциальных театров миниатюр до Московского художественного театра. Игорь Нежный был первым администратором и организатором выступлений основоположника жанра художественного чтения Александра Закушняка; он же был и одним из инициаторов передвижного театра первых лет революции «Красный факел».

В Москве Нежный работал в театрах оперетты, сатиры, в реалистическом и в первые годы охлопковских исканий, в дирекции Художественного театра, в театре кукол Образцова...

Когда началась Великая Отечественная война, правительство поручает Нежному вывезти выдающихся артистов, художников и композиторов старшего поколения из Москвы на Кавказ. Нежный справился с этой задачей со всей чуткостью и деликатностью, снискав большую благодарность таких прославленных деятелей искусства, как В. И. Немирович-Данченко, М. М. Климов и многие другие. Обо всем этом обстоятельно, интересно рассказано в книге, которая снабжена богатой документацией и большим количеством фотографий.

Посетители театров, выражая свои симпатии любимым актерам, не должны забывать о скромных, незаметных тружениках искусства. Они не значатся ни в афишах, ни в программках, они не «сбирают жатву рукоплесканий».

И все-таки они, незаметные, не бросающиеся в глаза, пребывая в костюмерной, в осветительской будке, в окошечке кассы, в кабинете директора, влияют, ах, как они влияют на успех театрального дела!..

АРГО

ВЫШЛИ В МАРТЕ

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Юозас Балтушис. О чем песни не сложены.
Балтушис — популярный литовский писатель, автор известного романа «Проданные годы». В настоящем сборнике представлены лучшие из рассказов и очерков Ю. Балтушиса, в которых раскрывается широкая картина жизни Литвы как в буржуазное время, так и после освобождения от фашистской оккупации. Сложным человеческим взаимоотношениям посвящен лирический цикл «Новеллы о любви». Особое место занимает очерк «О чем песни не сложены» — увлекательный рассказ о богатстве родного края, его памятниках, о передовых людях Литвы.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Эрве Базен. Встань и иди. Роман. Перевод с французского.
В отличие от большинства своих собратьев по перу, для которых несостоятельность буржуазной морали и буржуазного общества равна крушению всякой морали, прогрессивный французский писатель Эрве Базен верит в нравственные силы человека-борца. Героиня романа Констанция, девушка, искалеченная во время бомбежки, стремится не только преодолеть трагические обстоятельства собственной судьбы, но и вселить волю к жизни в окружающих ее людей. Несмотря на трагизм ситуации, это светлая, жизнеутверждающая книга.

А. Девяткин. Волхов не замерзает. Повесть.
В повести рассказывается о героических делах подпольщиков на Новгородщине в годы Великой Отечественной войны. Читатель узнает имена многих безвестных героев, борцов против фашизма, чистых, смелых, беспредельно преданных Родине. В ряду этих славных имен стоит имя пионера Миши Василькова — одного из главных героев повести.

«ИСКУССТВО»

О современной буржуазной эстетике. Сборник статей.
«Ныне у нас демократия теорий, избираемых на короткий срок службы, говорящих на лавочном диалекте и едва ли способных быть представленными широкой публике...» Эти слова Джорджа Сантаяны, одного из крупнейших представителей эстетической мысли Запада, как нельзя лучше характеризуют кризисное состояние современной буржуазной эстетики. Критике ее наиболее распространенных течений и посвящен данный сборник.

командах, участвующих во всесоюзном первенстве, успешно выступали способные молодые спортсмены. Мы должны быть готовы к тому, что в ближайшее время в составе сборной может появиться наконец способная смена. Мы надеемся на то, что приток молодых игроков в сборную с каждым годом будет возрастать. Но перед кандидатами стоит очень трудная задача — превзойти своих предшественников, мастерство которых очень высоко. А в этом году надо отметить выдающуюся роль в сборной хоккеистов ЦСКА. Десять игроков из семнадцати — такова сумма армейского вклада.

А. В. ТАРАСОВ. Единая цель, большая дружба объединяют команду. И вот рядом с армейской тройкой А. Альметова, К. Локтева и В. Александрова боролись за золотые медали спартаковцы В. Старшинов и Б. Майоров, локомотивец В. Якушев, динамовец В. Давыдов.

А. И. ЧЕРНЫШЕВ. Монолитность нашей сборной, сочетание опыта ветеранов с задором молодежи хотим мы сохранить и на сезон 1966 года.

МЯЧИ НА ПОЛЕ

Судя по премьерам, футбольный сезон обещает быть интересным. Команды, как видно, предпочитают наступательный стиль, полны желания побеждать.

Жребий свел в первом матче чемпиона и дебютанта. Мастерству и выдержке тбилисского «Динамо» были противопоставлены молодой задор и воля к победе «Черноморца».

Не раз еще придется нынешним летом испытать маститым смелые атаки «новичков»!

Тбилиси, 15 апреля. Мячи и цветы ждут открытия сезона.

Мяч влетает в ворота тбилисского «Динамо».
Фото С. Онанова.

Я работаю в родильном доме. Юристом. Много человеческих историй разыгрывается на моих глазах. Больше, конечно, хороших! Ведь в нашей стране так много делается для детей, такой заботой окружены будущие и кормящие матери, столько предоставляется им разных льгот! Встречаются, однако, среди множества хороших женщин и уроды. Вот что случилось недавно в палате № 6...

Я подошла к Вере С. Та сидела и что-то писала.

— Меня прислала ваша мама. Она рассказывала, как родились вы у нее на фронте, как ей трудно было, как она буквально на себе сушила ваши пеленки... И все же она не оставила, а вырастила вас. Она просит вас не отказываться от ребенка. Она так хочет быть бабушкой!

— Нет! — яростно запротестовала Вера.— Ни за что! Никакие силы не заставят меня забрать его!

Далее события развернулись самым неожиданным образом.

— Замолчи! — прикрикнула на нее женщина с койки у двери.— Ты не имеешь права так говорить. У меня двое детей, сейчас вот третий. Муж — все равно, что нет его: пьет. Но я никогда не отдала бы своего, никому!

— И откуда только берутся вот такие? — Валя Щипакина, такая же молоденькая, как Вера С., подошла к ней и в упор рассматривала ее.

Я по памяти постаралась воспроизвести гневную отповедь палаты № 6 девятнадцатилетней Вере С. Я и теперь будто слышу возмущенные голоса женщин, вижу их пылающие глаза, разгоряченные лица и думаю, думаю... Юридически С. имеет право оставить ребенка в роддоме. Да, бывают иные случаи, когда государство обязательно должно взять на свое попечение новорожденного. Но дело ведь не только в этом. Вопрос куда сложнее. И хочется в этой связи поделиться некоторыми соображениями.

Вот Елена Ивановна Петрова, сотрудник одного учреждения.

Я хорошо помню эту худенькую, узколицую женщину с высоченной, двухэтажной прической, за которой она весьма ревностно следила. Помню, как ее беспокоила собственная фигура. Как рассердилась она, когда товарищи по работе принесли ей в родильный дом подарки: потом выяснилось, что она скрывала от них рождение ребенка. Как прибегала она ко мне после выписки за документами, разодетая и беспечная, ни разу не поинтересовавшись здоровьем дочери, заботы о которой взяло на себя государство...

Меня особенно поразило, что она не постеснялась воспользоваться декретным отпуском, хотя выписалась из роддома в удовлетворительном состоянии. Нередко ведь женщины, сами лишающие себя материнства, чувствуют свою вину и совестятся брать послеродовой декрет в 2—2,5 месяца и просят им дать только на несколько дней бюллетень. В то же время женщины, берущие на воспитание грудных детей, не только не пользуются правом на декретный отпуск, но даже правом отпуска за свой счет по уходу за младенцем. Им приходится увольняться порой с работы. Вот и получается: женщина, оставляющая ребенка, пользуется всеми правами, а та, другая, которая становится настоящей его матерью,— никакими. Не пора ли в соответствующий закон внести некоторые поправки?

За 11 лет работы в роддоме я заметила, что почти все дети, от которых матери отказываются, рождаются недоношенными. Женщины в домашних условиях вызывают преждевременные роды в надежде, что ребенок не выживет и все будет шито-крыто. В конце концов роды завершаются все же в роддоме и на свет появляется семимесячный, очень слабый, часто заведомо травмированный ребенок. Как бы он ни был безнадежен, мобилизуются все силы, затрачиваются огромные средства, чтобы выходить его. Таков гуманный закон нашей страны!

А легкомысленная мать меж тем, сочинив несколько заявлений об отказе от ребенка, снова порхает как ни в чем не бывало. Подобным образом вела себя летом прошлого года студентка одного медицинского института Зоя Михайлова. Вначале она не хотела давать мальчику молоко: «Мне он противен, потому что я ненавижу его отца». Потом потребовала, чтобы ее немедленно выписывали: «У меня «хвосты», сессия...» и т. д.

Каким же она будет после этого врачом, как можно ей доверить самое драгоценное в жизни — здоровье человека?

Подобных матерей не привлечешь к судебной ответственности: нет соответствующей статьи в Уголовном кодексе, но ведь существуют же у нас общественные суды! Вот почему я решила написать в «Огонек». Пусть о таких «мамах» выскажутся женщины. Что они думают по поводу подобных «дел»?..

В. МАЛЬШЕТ,
юрист родильного дома

* * *

Письмо это, поступившее в редакцию, вряд ли кого оставит равнодушным. По-разному может сложиться жизнь. Самые неожиданные коллизии возникают в семье. Не затрагивая эти древние, как мир, проблемы «кто виноват» и «почему» и ни в коей мере не оспаривая права советской женщины оставить ребенка в родильном доме, передать его в Дом ребенка или даже в детский дом, В. Мальшет, как юрист, задумывается: а нельзя ли распространить наши добрые, глубокочеловечные законы, охраняющие ребенка и мать, и на его приемную мать? Если она добровольно, в благородном порыве сердца берет на себя все тяготы по воспитанию новорожденного, очень часто с самых младенческих его дней, то почему же ей не дано пользоваться всеми благами матери? В самом деле: с одной стороны, закон утверждает и формально и фактически ее матерью, а с другой стороны, закон ее обходит. Несуразица!

Как женщину, Мальшет тревожит и другое. Мать родила ребенка и ушла. На этом миссия ее кончается. Но каким она его оставила? Здоровым или больным? Способен ли он стать полноценным гражданином своей Родины?

Редакция поручила своему корреспонденту Г. Куликовской отправиться по следам письма. Какова судьба ребят, о которых говорится в нем? Во имя их будущего мы решили не приводить настоящих имен и фамилий. Матери, о которых идет здесь речь, сами узнают себя.

«МАТЕРИНСКИХ ЧУВСТВ НЕ ИМЕ

ОБЩЕСТВО, ГРАЖДАНИН, ДОЛГ

Итак, где же мальчик, рожденный студенткой Зоей Михайловой, где Андрюша?

Обычные корпуса городской больницы. А вот и светлый двухэтажный дом. Здесь «донашивают» преждевременно родившихся детей. Упакованные в тугие белоснежные пакеты, смирные и тихие, они возлежат на высоких тонконогих и плоских, как столики, кроватях. Опустив на лицо марлевое забрало, вхожу в один из стеклянных боксов. Под прозрачным пластмассовым колпаком спит крохотный розовый человечек не больше куклы-неваляшки. Человечек легонько и смешно дрыгнул ногой, ткнул кого-то невидимого кулачком.

— Ему не холодно?

Кто-то рядом смеется. На градуснике плюс 34. Влажность воздуха, его состав постоянно и автоматически поддерживаются приборами.

— Ну, а как с питанием?..

Мне показывают тончайший зонд, напоминающий звено высокочувствительной системы датчиков какого-нибудь сложного электронного устройства. По нему в организм новорожденного транспортируется материнское молоко.

— И через все это прошел Андрюша Михайлов?

— Да, и не только через это. Он поступил в очень тяжелом состоянии. Несколько раз ему переливали кровь, вводили плазму и гамма-глобулин, глюкозу и разные антибиотики. Словом, делали все, чтобы он жил.

Да, все люди здесь, от врача до санитарки, час за часом, день за днем сражались за то, чтобы Андрюша дышал, чтобы билось его сердце. А она, его мать, готовящаяся исцелять людей, что она сделала для него?

Лечащий врач разворачивает пакет с ребенком.

— Четвертый месяц пошел, а ни разу не улыбнулся. Не реагирует ни на свет, ни на звук. Родовая травма у него. Одно дело, когда преждевременные роды естественные. И совсем другое, когда женщина пыталась вызвать их искусственно. За все тогда расплачивается ребенок. Гипертрофия, малокровие, нарушение системы кровообращения, вероятно, имеется кровоизлияние в мозг. Но самое тяжкое — сепсис. С общим заражением крови очень трудно бороться.

Вот каким букетом «наградила» младенца мать, на прощание оставив ему листок бумаги с бессердечными словами отречения: «Ребенка грудью не кормила. Материнских чувств к нему не имею... Вторично даю согласие на усыновление Андрея в хорошую семью... Я хорошо это продумала и твердо решила. Никогда не буду разыскивать его и никаких претензий по поводу усыновления никому предъявлять не буду...»

— Михайловой декретный отпуск не понадобился,— подсказывает старшая сестра.— Она же студентка. Произошло все летом, а двадцати дней, проведенных в роддоме, было достаточно, чтобы восстановить силы.

Вскоре я встретилась с Михайловой.

...Крепкая, в дорогом костюме джерси женщина с цветущим румянцем во всю щеку пыталась мне что-то объяснить:

— Мама очень боялась, что он помешает мне учиться. Она все говорила: «Только бы ты окончила институт». Площадь у нас маленькая — всего две комнатки... Вы ведь видели? С мужем я разошлась. И потом мы скрывали все от папы. И потом я вовсе не бросила его,— спохватывается она.— Я оформлю мальчика в Дом ребенка. Подрастет, и заберу. Разве я его не воспитаю? Средств у меня хватит, сама работать буду.

* * *

— Елена Ивановна Петрова?

— Работает. Вот ее карточка. Тридцать четыре года. Окончила техникум. А у нас шестой год. Послеродовой отпуск? Брала. Сейчас посчитаю... Семьдесят дней. Очередной? А как же, в августе. Все по порядку, по закону.

Больше в отделе кадров ничего не знали. По порядку, по закону. С точки зрения официальной тут все честь честью. А как с точки зрения человеческой?

Непосредственная ее начальница сказала:

— Как работает Елена Ивановна? Хорошо. Претензий не имеем. Зимой ходили к ней в роддом, навещали. Только она очень нелюбезно встретила девушек. Может быть, потому, что умер ребенок.

— Умер?!

— Конечно, все у нас об этом знают. Мы не тревожили ее расспросами.

А что скажет по этому поводу врач? Доктор ведет как раз прием. Да, есть у него такая паци-

ентка. Ничего опасного, слава богу, кажется, у нее нет. Роды? Да, были. Вот она, запись. Не он тогда вел ее, а другой врач. Но тут никаких осложнений и нарушений не отмечено. Все шло нормально. Почему же семьдесят, а не пятьдесят шесть дней? Преждевременные, вот и положено. Чистая формальность. А потом, какой медик не пойдет навстречу кормящей матери?

— Но она ведь не мать!

Доктор смотрит озадаченно.

— Да, у нее нет ребенка,— повторяю я.

Вечером еду к Петровой домой. Дверь открывает... Бабетта в халатике. Так напомнила мне ее Елена Ивановна своей прической.

— Мне нечего вам сказать. Кто вас подослал?..

Пришлось побеспокоить ее еще раз. Не дома, а на работе. Я пришла туда не одна, а с В. М. Мальшет, юристом родильного дома, автором письма в редакцию. Нам очень хотелось выяснить, где же дочь Петровой.

— Ее нет,— призналась она.

— Как это нет? — воскликнула Мальшет.— Хотите, я вам скажу, где она?

Нет, она не хочет этого знать. Зачем ей понадобился такой большой послеродовой отпуск? «По закону». И потом: «Тяжелые роды».

Ю...»

— Не тяжелые, а преждевременные,— поправляет ее Мальшет.— А это большая разница.

— За эти два с половиной месяца, которые вы не работали и не болели, вы ни разу не заглянули к девочке?

Петрова молчит...

Мы вышли на улицу, и тут В. Мальшет поведала мне еще об одной своей клиентке. Назовем ее Козловой. Она тоже не хотела брать своего ребенка из родильного дома. Стали выяснять, отчего же: с отцом ребенка как будто самые хорошие отношения. Он навещал ее. Приезжали и родители. Есть у них и квартира и даже дача. В чем дело? Козлова долго не хотела оглашать истинной причины. Только после того, как вмешались ее товарищи по работе, она разоткровенничалась:

— Мне рожать посоветовали врачи. Это полезно для моего здоровья. А ребенок мне совсем и не нужен.

Беззастенчивое признание! Но меня больше всего беспокоит маленькая Петрова.

...Еще одна больница. На сей раз детская.

— Кати Петровой у нас нет. То есть Катя есть, но теперь у нее совсем другая фамилия. Может быть, с прежней фамилией уйдут от нее и все болячки? Хорошо бы! Много перенесла девочка. Если б материнское молоко, да прогулки, да материнские руки, была бы крепче. Через два дня поедет домой. Нашлись добрые люди...

Потом лечащий врач вносит девочку — темненькую, быструю, сероглазую, очень похожую на мать, точнее, бывшую мать. Хочется, чтоб дома Катю всегда согревала подлинно родительская ласка и тайна ее рождения никогда не потревожила бы девочку.

Я не зря заговорила о тайне рождения. Травмы душевные иногда страшнее телесных.

* * *

...Восемь лет назад морской офицер Н. удочерил Люсю Климову. В Доме ребенка ему предлагали других детей, более бойких и крепких. Но Люся очень уж была мала, бледна и слаба. У жены Н., да и у него самого, при виде девочки невольно сжалось сердце. Люсе было тогда два с половиной года. У нее болели ушки, чувствовалась рахитичность, не в порядке было горло. Родилась она семимесячной. Мать, когда дочери было четыре месяца и она находилась в тяжелом состоянии в больнице, покинула ее, оставив заявление об отказе.

Девочку увезли к теплому морю, у которого жили Н. Ее вылечили, поставили на ноги. Под южным солнцем она закалилась, окрепла. Не могли нарадоваться, глядя на нее, приемный отец и мать. Кстати, матери, технику по образованию, пришлось оставить работу, чтобы быть с девочкой.

Прошло два с половиной года, и вдруг семья Н. получает повестку из московского суда. Анна Климова, ставшая Коноплевой, опротестовывает удочерение Люси. Она хочет ее вернуть. Она всех обвиняет в том, что якобы без ее согласия отобрали, чуть ли не украли у нее девочку!

Трудно разобраться в эволюции чувств этой женщины. Может быть, повлиял на нее человек, с которым ее счастливо столкнула судьба. Полюбив Анну, он, как родного, принял и ее первого ребенка, сына, и не мог понять, как могла она бросить второго ребенка, дочку? Он не хотел примириться с этим...

Но суд есть суд. Предварительно отдел народного образования обследовал, в каких условиях находится Люся Н., и ничего, решительно ничего не нашел предосудительного. Дай бог, чтоб все дети росли и воспитывались так! Тем не менее Н. приезжает в Москву. Судья, чутко уловив сложность и тонкость дела, лично за несколько дней до заседания беседует с ним и во имя спокойствия девочки и ее приемных родителей деликатно освобождает отца от присутствия на суде. Судье и так все ясно.

В больницу, где спасли Люсе жизнь, где выходили ее, отправляется юрист патроната. «Как же, мы помним эту самую Климову. Вовек не забудем! Вот она где у нас сидела! Замучила всех. Не хотела кормить, не хотела лежать в больнице. Уходила, взяли с нее расписку, что будет приходить давать молоко. Да где там, ее и след простыл тотчас...»

Истице было отказано. Городской суд подтвердил решение районного. Однако Климова-Коноплева не успокоилась в своих притязаниях. Неизвестно где, как и у кого — фамилия Н. на суде не оглашалась—она выяснила, где живут приемные родители. Кто-то совершил вопиющее беззаконие, раскрыв эту тайну. Прошло еще пять лет, и летом 1964 года Климова объявилась в далеком городе. Она ходила по соседям, дотошно выпытывая, не бьют ли Н. девочку, не морят ли ее голодом. Потом она стала наведываться в школу, в которой учится Люся. Наконец, совершила тяжкое преступление, за которое надобно, как и за всякое преступление, наказать: угостив девочку конфетами, незнакомая, чужая тетя ей открылась: «Ты знаешь, я твоя единственная и настоящая мама!»

Страшные дни начались для Н. Супруги кое-как успокоили девочку: «Это какая-то злая женщина, и она хочет украсть тебя». Провожали ее в школу и дежурили у дверей. Все учителя были поставлены на ноги. Н. обратился в прокуратуру, но Климову нигде не могли найти: ведь она не так глупа, чтобы оставлять следы. От Н. посыпались душераздирающие телеграммы: «Климова преследует Люсю. Что делать? Примите меры...»

...Я сижу в новой двухкомнатной квартире Коноплевых. Нарядная, очень моложавая женщина, ей никак не дашь тридцати восьми лет, выходит из себя: то краснеет, то бледнеет, чтоб доказать мне, как она любит Люсю.

— Посмотрите, она даже в паспорте моем записана!

Я вчитываюсь в слова, написанные чьей-то холодной, бюрократической рукой. Действительно, вот она запись: «Климова Людмила. 15 декабря 1954 года рождения».

Как же это произошло? А очень просто. Ведь она четыре месяца лежала в больнице с девочкой. По всем советским законам рождение ребенка в течение этого времени должно было быть зарегистрировано загсом. А потом по недосмотру работников загса эта запись так и осталась в паспорте, и в милиции до сих пор не внесли поправку.

— Теперь у нас отдельная квартира, неплохая, да?

— Давно ли вы ее получили?

— Больше года, да вот не прописывают. Судимся. Хотят выселить нас.

— Отчего же?

Коноплева мнется, она в замешательстве.

— Видите ли, квартиру дали мужу по работе. Он сказал, что у нас двое детей, ордер выписали на четырех человек, но Люси ведь пока еще нет с нами... У мужа даже неприятности из-за этого...

Ах, вот в чем дело! Не хватает радужной золотисто-зеленой бумажки, которая называется метрикой. Недостает всего лишь Люсиной метрики!

Да, в удивительно своеобразной форме проявились у Климовой материнские чувства.

МОРСКОЙ «ЖЕНЬШЕНЬ»

Какой продукт на земле самый питательный, самый полезный для здоровья? Вы не ошибетесь, если ответите: мясо. Но мало кто знает, что мясо морских беспозвоночных по своим свойствам, пожалуй, ценнее, чем мясо млекопитающих.

Мировой океан уже сегодня кормит десятки миллионов человек. Люди научились ежегодно добывать более 42 миллионов тонн вкусной и полезной морской продукции — рыбы, китового мяса, водорослей. А вот самого ценного в мире продукта — мяса морских беспозвоночных — не так уж много — всего около 3,5 миллиона тонн в год.

Однако эти уловы из года в год возрастают. Морское мясо пришлось по вкусу не только жителям Дальнего Востока, но и многим европейцам и американцам. И у нас в стране в магазинах появляется все больше креветок, трепангов, мидий, кальмаров.

В чем же их ценность? На этот вопрос дают ответ ученые Института питания Академии медицинских наук СССР.

В морском мясе есть весь набор веществ, необходимых любому живому организму. Здесь белки, содержащие все жизненно необходимые аминокислоты. Тут и редкие витамины группы В. Наконец, целая коллекция микроэлементов: йод, железо, кобальт, марганец, никель, титан, хром... Этих ценнейших веществ в мясе моллюсков, ракообразных и других морских животных содержится в десятки, сотни раз больше, чем в мясе млекопитающих или рыбе.

Из мяса морских животных можно готовить превосходные кушанья — десятки, сотни разнообразных блюд. Только из черноморских мидий керченские кулинары научились приготовлять более ста кушаний: борщи, супы, массу вторых блюд и среди них мидиевый шашлык. Вкусно, полезно!

Врачи все чаще начинают прописывать своим пациентам при переутомлении и слабости трепангов, которых на Дальнем Востоке называют морским «женьшенем».

В клинике Института питания Академии медицинских наук многие болезни лечат не только лекарствами, но и «морской» диетой. Больным три раза в неделю дают различные блюда из трепанга, морского гребешка, мидий, кальмаров. А в остальные дни больные получают вместе с обычным питанием обязательную добавку — богатую йодом и другими микроэлементами морскую капусту.

Такой диетой лечат атеросклероз, заболевание щитовидной железы, ожирение, нарушения обмена веществ...

Из креветок и мидий можно готовить специальные пасты, которые хорошо действуют на обмен веществ в организме. Врачи утверждают, что устрицы и мидии вообще полезны: улучшают состав крови.

Но хватит ли мяса морских животных всем людям? Да, конечно, их запасы в мировом океане колоссальны, в несколько раз превосходят запасы рыбы.

В. ЗАГОРЯНСКИЙ

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

Визит к соседу. Ленинград. **Фото Ю. Кузнецова.**

ПОДВОДНЫЙ БАЛЕТ

В США сооружен огромный аквариум, в котором плавают нимфы — артистки подводного балета. Представление длится два часа. На снимке — общий вид зрительного зала и одна из сцен подводного балета.

НОВИНКА АНГЛИЙСКОГО ОРУДа

Участившиеся за последние годы во многих странах автомобильные катастрофы порождают самые разнообразные меры борьбы с ними. Так, в английском городе Бирмингеме на одном из опасных уличных перекрестков поставлено пугало — мрачная фигура «привидения», долженствующая служить грозным предупреждением для водителей автотранспорта.

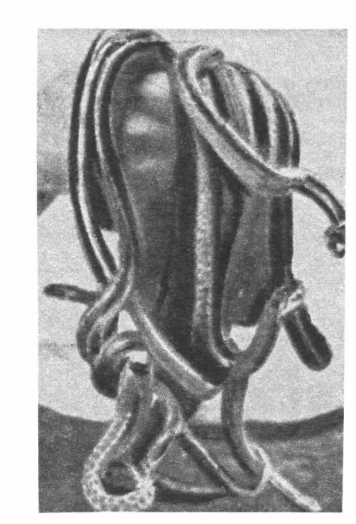

И ДЕРЗОСТЬ ИМЕЕТ ГРАНИЦЫ

Суд города Брюсселя приговорил некую Магдалену Бенман к шестимесячному тюремному заключению. Она украла из одного универмага наручные часы, а несколькими днями позже явилась в магазин с жалобой, что часы сильно отстают.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГЕРПЕТОЛОГА

Герпетология — отдел зоологии, изучающий пресмыкающихся. Молодой венец Рихард Гарас — страстный герпетолог-любитель. Хотя ему всего 22 года, у него уже большой опыт общения со змеями. И все же его удивила история, случившаяся с ним недавно в Марокко. Во время прогулки, увидев небольшую, почти высохшую речку, он с трудом отыскал немного воды, снял одежду и бросился в воду. Когда он вернулся, возле одежды шевелился клубок змей. Рихард Гарас схватил фотоаппарат. Едва он перекрутил пленку, змеи обвили его левую руку. Храбрый герпетолог, как видим, не растерялся и все-таки сделал снимок.

ДЛЯ РАССЕЯННЫХ ХИРУРГОВ

В Канаде сконструирован детектор, который дает звуковой и световой сигнал, если в теле оперируемого пациента забыт какой-либо медицинский инструмент. Используемые при операции инструменты предварительно облучаются радиоактивным кобальтом. Перед концом операции чувствительным детектором обследуют оперируемое место. Новинка на первый взгляд кажется анекдотичной. Но она не лишена смысла. Так, например, в некоторых больницах США имеются целые коллекции инструментов, забытых в теле пациента при операции. Некоторые из них имеют длину двадцать сантиметров.

КОНДИЦИОНИРОВАНИЕ ВОЗДУХА ПО-ПАРИЖСКИ

При входе в один парижский бар на Монмартре висит такое объявление: «Существует приспособление для охлаждения воздуха». Как только посетитель переступает порог заведения, ему сразу же вручается веер.

СИГАРЕТЫ ИЗ САЛАТА

Кампания против курения, ведущаяся во многих странах, надоумила владельца одного американского предприятия в Оклахоме заняться выпуском сигарет без никотина. На специально созванной пресс-конференции он сообщил, что в ближайшее время передаст для продажи первые два миллиона сигарет, не содержащих никотина, которые изготовлены из листьев обыкновенного зеленого салата, причем по вкусу дыма они ничем не будут отличаться от обычных сигарет.

ИЛЛЮЗИОНИСТ НА ПЛЯЖЕ

Иллюзионист из Индии Юсуатини, чтобы убедить зрителей в том, что он не прибегает ни к каким сценическим трюкам, решил дать представление на берегу моря. Один из его номеров, «Лежащая на воздухе женщина», изображен на снимке. Однако чудес не бывает. Сам иллюзионист говорит, что это один из его секретов.

РАССКАЗ

Я. ГЕРСАМИЯ

Рисунок В. Черникова.

Мой двоюродный брат Амиран явился ко мне с таинственным видом, уселся рядом, положил руку мне на плечо и ошарашил:

— Завтра ровно в три часа дня мой дядя Платон убывает на тот свет.

— Убывает на тот свет?— переспросил я.— Разве он умер?

— Нет еще. Но умрет ровно в три часа. По указанию с того света.

— Не понимаю тебя, дорогой Амиран. Как это «по указанию с того света»?

— Очень просто. В прошлое воскресенье к дяде Платону во сне явился его умерший младший брат, Андрей, и сказал ему: «Платон, ты умрешь в следующее воскресенье в три часа дня. Тебя ждут в раю». Теперь тебе ясно?

— Вполне. Как не поверить родному брату да еще во сне?

Амиран обрадовался.

— Понимаешь, очень удачно, что дядя Платон умрет в воскресенье, в выходной... Если мы сегодня, в субботу, выедем, то я как раз успею попрощаться с ним. В рай я лично, наверное, никогда не попаду, и мы с ним уже больше не встретимся. Так что необходимо спешить. Надеюсь, ты поедешь со мной?

— Постой. Неужели дядя Платон поверил «указанию свыше»?— все-таки спросил я.

— Видишь ли, Платон живет в горах, куда не каждый день приезжают лекторы общества «Знание», а местным культпросветработникам еще не удалось объяснить семидесятидвухлетнему дяде, что собой представляет сон. И вообще разъяснительная работа в горных селах среди граждан старшего поколения ведется неудовлетворительно. Временно, конечно.

Не сопутствовать Амирану я не мог. Мне самому не терпелось увидеть дядю, который отправляется в рай по личному вызову. Не так часто встречаемся мы с подобным счастливым случаем.

До села, из которого дядя Амирана собрался отправиться на вечное местожительство в рай, мы добирались целые сутки, сперва поездом, затем автобусом и, наконец, на попутной арбе.

Прибыли мы в село дяди Платона в семь утра. Я подумал: зачем Платон спешит в мифический рай, когда он уже 72 года живет в настоящем раю, среди синих гор, склоны которых заняты виноградниками, а рядом на изумрудных пастбищах пасутся тонкорунные стада, в долинах цветут сказочные сады, всюду слышно, как звенят хрустальные родники, и на каждой улочке тебе встречаются статные, приветливые горцы и красавицы девушки? Я бы, например, из этого рая никуда не торопился.

Но вот и двор убывающего в иной мир на добровольных началах, вернее, по вызову.

Если село, куда мы прибыли, можно назвать подлинным раем, то двор дяди Платона — его достойный филиал. Чудесный двухэтажный деревянный дом, за домом прохладный, уютный райский сад, хурма, мандарины, лимоны, айва, ананасные яблони, роскошные лавры, двор вымощен белым плоским камнем, у забора журчит горный родник. Поют птицы. «Зачем он умирает?— подумал я.— Хотя бы даже из уважения к младшему брату, зачем?!»

Мы с Амираном вошли в дом... Разумеется, в доме царил порядок, положенный на похоронах. Все двери настежь, а в самой большой комнате на тахте лежит дядя Платон в белом. Руки сложены на животе, у изголовья горят траурные свечи, в соседних комнатах шушукаются люди, одним словом, веселая картинка.

Я невольно сотворил печальное лицо: какникак, человек покидает земную юдоль. Амиран же, наоборот, улыбнулся и бодро, жизнерадостно произнес:

— Здравствуй, дядя Платон! Как дела?

— Ах, это ты, Амиран? Хорошо, что ты поспел приехать, а то тебе не пришлось бы попрощаться со мной.

— Дядя, а когда вы убываете в рай?— деловито осведомился Амиран.

— Ровно в три часа.

— Ваши часы, дядя Платон, немного спешат... Но все равно у нас еще много времени. Сейчас мы все вместе выпьем шампанского. Трехлетнее. Особого разлива.

Дядя Платон даже приподнялся.

— И не совестно тебе, Амиран? Разве у меня своего вина нет? Как ты можешь? Я тебе, например, завещал ружье и бочку вина. Шестилетнего. А ты купил шампанское.

— Спасибо, дядя Платон, что не забыл меня... Но шампанское я не зря привез. Недавно к нам приезжал лектор, ученый, он объяснил, что тех, кто никогда не пробовал шампанского, в рай не пускают. Наука это доказывает, а ей надо верить.

— Чепуха! Андрей об этом еще ничего не говорил. Он бы предупредил меня.

— Андрей мог забыть. Или ты не расслышал. В общем, ты, дядя Платон, как хочешь, а я, как любящий племянник, выпью с моим другом шампанское за тебя. Может быть, апостол Петр, заведующий приемной рая, учтет это и пропустит тебя без всякой очереди.

В соседних комнатах перестали шушукаться, в доме сделалось так тихо, что слышно стало, как во дворе поют птицы.

Амиран достал из шкафа два старинных стеклянных кубка, откупорил бутылку, налил шипучее мне и себе и поднял тост.

— Небесные руководящие силы, услышьте меня!— начал Амиран.— В ваше распоряжение, согласно вашему указанию, досрочно отправляется дорогой моему сердцу дядя Платон. Дядя Платон был примерным человеком, абсолютно честным. Я смотрю на его натруженные руки, они украсили землю благими делами, насадили фруктовые деревья — колхозные сады, развели виноградники, общественный и личный, они раскорчевали лесные участки, создали пахотные поля, кормили людей хлебом, поили целебным вином. Нет, земной Платон не зря прожил на этом свете. Правда, у него был один недостаток: он пил только свое вино и нарушал всесоюзный обычай — даже не попробовал «Советское шампанское», которое особо почитают интуристы. Я это сделаю вместо него. Может быть, вы учтете и пропустите его в рай без очереди...

— Тогда я сам попробую... Чтобы вернее было. Неси сюда, Амиран,— быстро произнес дядя Платон.

— Э, нет. Шампанское надо пить за столом. Пожалуйте сюда, дядя Платон!

Старик вздохнул, помедлил, а затем довольно проворно слез с кровати и в одном белье сел за стол.

— Сразу до дна!— скомандовал Амиран.

Платон выпил огромный кубок. И так как он, готовясь отправиться в мир невесомости, всю неделю питался одним мацони, то после второго кубка трехлетнего полусухого приятно порозовел.

— Интересное вино,— заключил он.

Через полчаса Амиран раскупорил третью бутылку. А еще через час из комнаты будущего жителя рая послышалось пение дружного трио.

Заглянувшие в комнату родственники Платона повеселели. Жена дяди погасила свечи.

— А ну-ка принеси мое вино,— приказал ей хмельной кандидат на тот свет.— Без него тоже не пускают в рай. Я не лектор, но точно знаю.

За час до запланированной смерти дядя Платон заснул. Крепко. Беспробудно.

Вскочил он с постели около полуночи. Огляделся. Нет, он еще не в раю. Это он сразу понял, ибо в соседней комнате работал транзистор Амирана. Тбилиси передавал веселую музыку, райскую, но земную.

— Как же так? Выходит, я проспал царство небесное?— удивился старик, войдя к нам.

— Безусловно,— сказал Амиран.— Ангел прилетел своевременно, но видит: вы спите, как последний бюрократ. А он, как и земная «Скорая помощь», не может ждать.

— Ничего, Андрей еще раз вызовет, он человек аккуратный,— не очень огорчился старик.— А сейчас, Амиран, мы попробуем мое вино.— И отдал распоряжение готовить закуски.

Прошло уже восемь лет. Андрей не является. Пока что его старший брат, дядя Платон, без дела не сидит, сажает фруктовые деревья, культивирует виноградную лозу в колхозе.

Да! Иногда пьет шампанское. На всякий случай.

ДИОДЫ И СЕРДЦА

— Господин Шмитке,— сказал судья и строго посмотрел на человека, сидящего перед ним,— чем вы обосновываете свою просьбу о разводе?

Господин Шмитке поник головой. Он взглянул на свою жену, потом на судью и скорбно произнес:

— Диод какой-нибудь, я думаю... Или конденсатор...

— Что?— Судья даже привстал от удивления.— Что вы хотите сказать?

— Ничего особенного. Просто я думаю, что во всем виноват диод. Впрочем, как я уже сказал, я не настаиваю именно на диоде. Вполне может быть, что виновато сопротивление или конденсатор.

— Что, она вас бьет диодами или конденсаторами? Или кормит сопротивлениями?

— Что вы, господин судья, я говорю о брачных электронных автоматах, при помощи которых Институт Альтмана в Гамбурге объединил наши одинокие сердца. Дирекция этого брачного института, куда мы независимо друг от друга обратились в поисках спутника жизни, гарантирует счастливейшие браки на земле. Так что, господин судья, я не только прошу развести нас, но и удовлетворить иск к Институту Альтмана на пять тысяч марок.

— Гм, почему именно пять тысяч марок?

— Компенсация за полгода супружеских страданий.

— Но почему вы уверены, что автомат ошибся?

— Судите сами, господин судья. Институт подбирает будущих супругов по принципу совпадения интересов, физических данных, доходов, религии и так далее. Жена любит смотреть телевизор, я — выпить пива. Я протестант, она католичка. Я зарабатываю восемьсот марок, а у нее за душой ни гроша...

Самое удивительное в этом диалоге то, что он вовсе не так фантастичен, как это может показаться на первый взгляд. В Западной Германии действительно процветает множество (точнее, 260) брачных агентств, которые за плату в двести—пятьсот марок берутся соединить одинокие сердца. Многие из них, подобно уже упоминавшемуся нами брачному Институту Альтмана в Гамбурге, используют для этих целей электронные вычислительные машины. Машины, кстати, используются те же, что и маклерскими фирмами, следящими за котировкой акций на бирже.

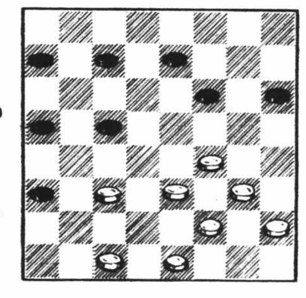
З. ЮРЬЕВ

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

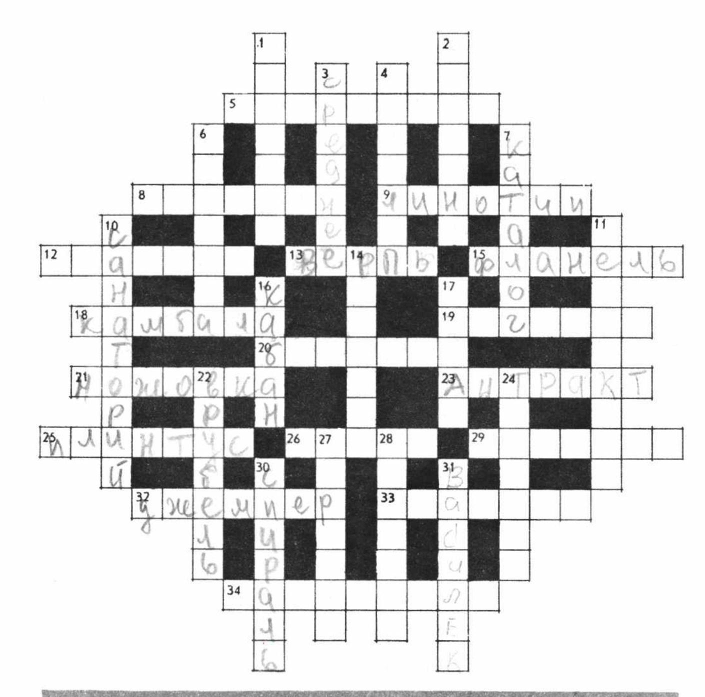
Концовка

В. Н. Смирнов (Советская Армия)

Белые начинают и выигрывают

Решение этюда Д. Футерфаса, напечатанного в № 42 за 1964 г. «Огонька»: 1. f2—h4! h8— g7 (если 1... b2—a1, то 2. h4— g5! и выигрывают, так как на 2... a1—g7 следует 3. f4—c1, а на 2... a1—b2 (c3, d4) или h8—g7 — 3. f4 — h2 и т. д.). 2. a5 — b6! a7:c5 3. f4—h2! и у черных нет спасения.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Курорт в Ставропольском крае. 8. Порт на берегу Сицилии. 9. Наборная машина. 12. Металл. 13. Хищное животное. 15. Ткань с легким начесом. 18. Морская рыба. 19. Надпись на монетах, медалях. 20. Промысловая лодка. 21. Ручная пила. 23. Музыкальный интервал. 25. Планка между стеной и полом. 26. Инструмент для изготовления деталей давлением. 29. Горная система в Европе. 32. Вязаная кофта. 33. Город в Италии. 34. Радиоприемник и магнитофон в одном футляре.

По вертикали:

1. Оперетта И. Кальмана. 2. Немецкий писатель и критик XVIII века. 3. Сочетание двух гласных звуков в одном слоге. 4. Украинский музыкальный инструмент. 6. Водоразборное устройство. 7. Перечень предметов в определенном порядке. 10. Лечебно-профилактическое учреждение. 11. Персонаж трагедии В. Шекспира «Отелло». 14. Река в Якутской АССР. 16. Дикая свинья. 17. Слой почвы. 22. Автор картины «Демон». 24. Окружающий нас материальный мир. 27. Стихотворная форма. 28. Обшлаг у блузы или рубашки. 30. Винтообразная линия. 31. Темно-голубой полевой цветок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

4. Мордвинов. 9. Коленкор. 10. Тасмания. 11. Космодром. 12. Эстамп. 14. «Ворона». 20. Егерь. 21. Роланд. 22. Мулине. 23. Фуга. 24. Эмба. 25. Орбели. 27. Неолит. 29. «Рудин». 31. Аптека. 35. Безмен. 37. Ирригация. 38. Реквизит. 39. Вернисаж. 40. Лукоморье.

По вертикали:

1. «Колокол». 2. Двоеточие. 3. Початок. 5. Вольт. 6. Керамика. 7. Частокол. 8. Гирло. 13. Стереотип. 15. «Нашествие». 16. Надфиль. 17. Кенгуру. 18. Пьемонт. 19. Команда. 26. Енакиево. 28. Объектив. 30. Диаграмма. 32. Тунец. 33. Артикул. 34. Гилельс. 36. Метан.

На первой странице обложки: Клин. Здесь Петр Ильич Чайковский писал свою Шестую симфонию.

Фото В. Тюккеля.

На последней странице обложки: Мы еще малы, но скоро вырастем.

Фотоэтюд Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01975. Подписано к печати 21/IV 1965 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Заказ № 1005. Тираж 2 000 000. Изд. № 580.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ГЕРОИ ШОЛОХОВСКОЙ ЭПОПЕИ

1

4

5

Побратимы!.. Так и воспринимают зрители главных героев спектакля Московского драматического театра имени А. С. Пушкина «Поднятая целина» — потомственного донского казака Макара Нагульнова (А. Кочетков) и вчерашнего питерского рабочего, а сегодня председателя гремяченского колхоза Семена Давыдова (Ю. Горобец) (№ 1).

На сцене оживают многие страницы и образы знаменитого шолоховского романа. Зрительские симпатии завоевывают не только Нагульнов и Давыдов, но и председатель Гремяченского сельсовета Андрей Разметнов (Р. Вильдан) — человек упорного характера, высокой думы, крылатой мечты... (№ 2).

В рабочий день, забравшись на стог сена, сражаются в картишки Устин (В. Абрамов), Гордеич (В. Торстенсен), Парень (В. Пушмынцев)... А вот поговорит с ними Давыдов по душам, убедит — и возьмутся они за дело... (№ 3).

«Поднятая целина» — это не просто распаханная земля. Это разбуженные к новой жизни человеческие души. А вот Лушка (Н. Марушина) мимо нового прошла стороной... (№ 4).

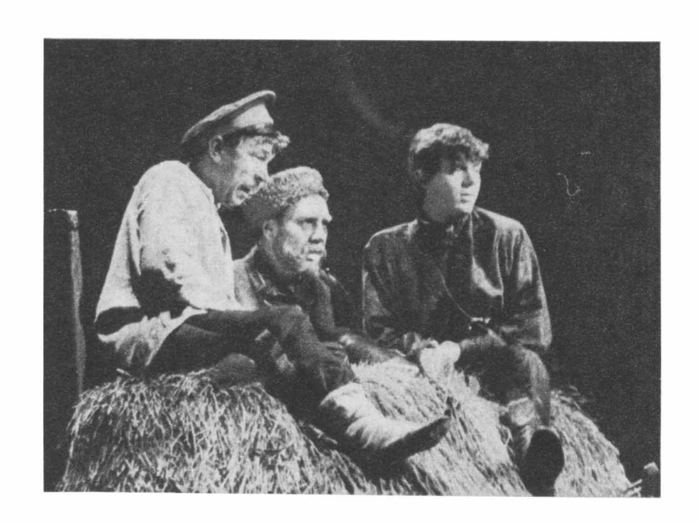
Зато Варюха (Т. Лякина) — милая, порывистая девушка — встретила свое, хоть недолгое, счастье, свою любовь, а через нее — дорогу в новое бытие, ранее ей незнакомое... (№ 5).

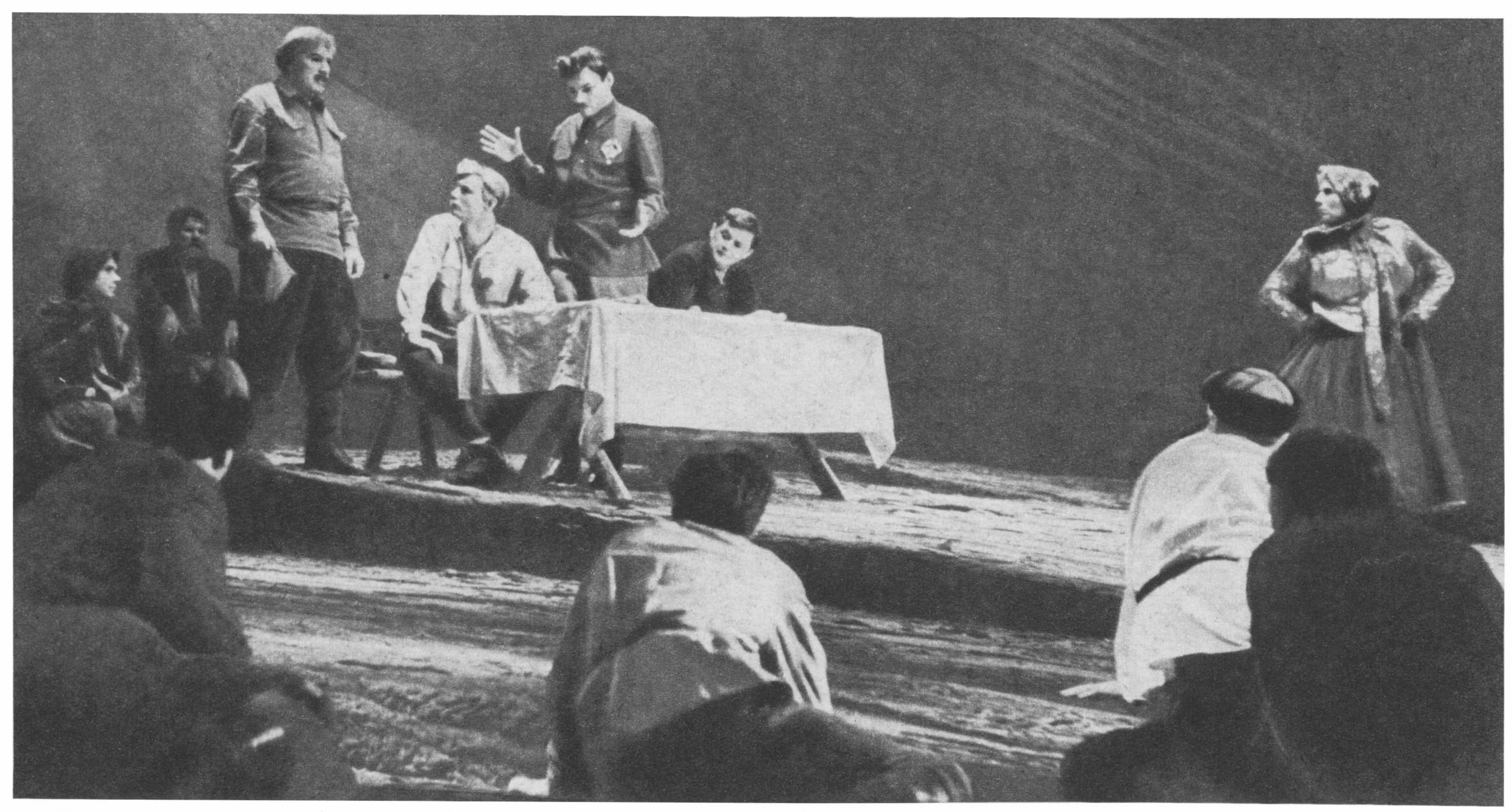
Сцена партийного собрания — центральная сцена спектакля, крупно и остро поставленного Б. Равенских (№ 6).

Юр. ЗУБКОВ

Фото А. ГЛАДШТЕЙНА.
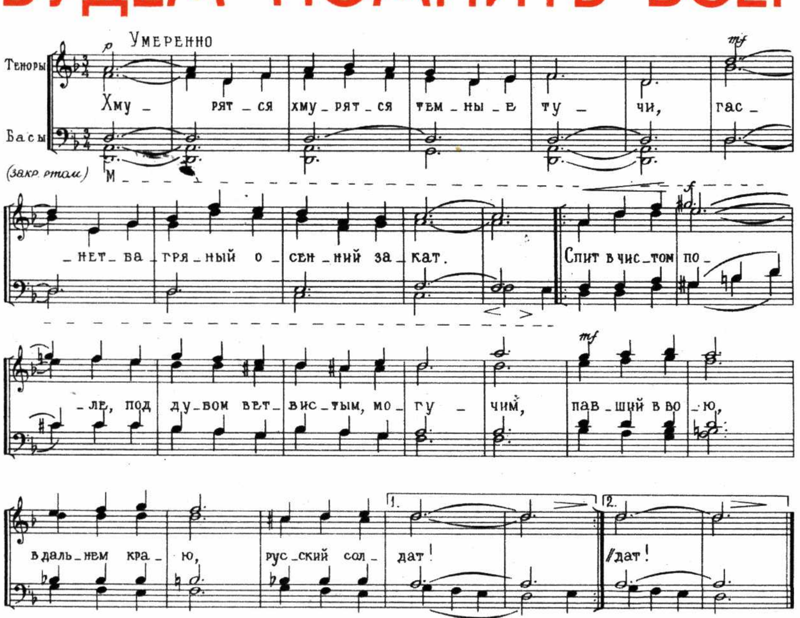

БУДЕМ ПОМНИТЬ ВСЕГДА!

Реквием из спектакля «Поднятая целина» в Московском театре имени А. С. Пушкина.

Слова Николая **ГЛЕЙЗАРОВА**. Музыка Бориса **МОКРОУСОВА**.

Хмурятся, хмурятся темные тучи,
Гаснет багряный осенний закат,
Спит в чистом поле, под дубом ветвистым, могучим
Павший в бою
В дальнем краю
Русский солдат! (2 раза)

Ветры степные дождями косыми
Грустно над тихой могилой шумят.
Это не дождик, а слезы родная Россия
Льет по тебе,
Павший в борьбе
Русский солдат! (2 раза)

Солнце взойдет, и хлеба золотые
Снова на доброй земле зашумят,
Годы промчатся, но русские люди простые
Будут всегда
Помнить тебя,
Русский солдат! (2 раза)

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663